

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Tom I.
Rok 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://psu.ejournal.by/>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *Е.Ю. Афанасьева.*
Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 28.12.2021. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л. 19,63. Тираж 100 экз. Заказ 805.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330.52

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-2-8

УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ БОГАТСТВОМ
ДЛЯ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

д-р экон. наук, проф. С.Г. ВЕГЕРА

(Полоцкий государственный университет, Новополоцк)

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5717-6109>

канд. техн. наук А.И. ВЕГЕРА

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9553-7254>

Приведены обоснования по использованию показателя национального богатства, включающего производственный, природный и человеческий капиталы, в качестве инструмента управления устойчивостью экономического роста государства. Учитывая, что в настоящее время измерение Национального богатства в Республике Беларусь ограничивается основными средствами, рассмотрены подходы Всемирного банка к оценке Национального богатства по странам мира. Представлена величина и структура национального богатства Республики Беларусь в оценке Всемирного банка по данным за 2018 год. Проведен сравнительный анализ доли произведенного, природного и человеческого капиталов по Республике Беларусь, странам СНГ, регионам мира и странам с разным уровнем доходов. Рассмотрены подходы к управлению национальным богатством для обеспечения устойчивого развития, позволяющие диверсифицировать портфель активов и обеспечить сбалансированное инвестирование в различные активы для обеспечения большей устойчивости государства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, управление устойчивым развитием, национальное богатство, человеческий капитал, природный капитал, произведенный капитал.

Пандемия COVID-19 послужила ярким напоминанием о том, насколько уязвимым может быть человеческое процветание. В этой связи вопросы управления устойчивостью, имеют особую актуальность и требуют дополнительного внимания.

Термин «устойчивое развитие» получил широкое распространение после публикации доклада, подготовленного для ООН в 1987 г. специально созданной в 1983 г. Международной комиссией по окружающей среде и развитию¹. Концепция устойчивого развития предусматривает объединение, согласование и взаимодействие трех составляющих элементов: экономического, социального и экологического, что обуславливает синергетический характер целостности, обеспечивающей системный эффект. Руководствуясь программными документами Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1997 г. в Республике Беларусь была разработана Национальная стратегия устойчивого развития. В настоящее время действует Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. (НСУР-2035)².

Ключевым показателем, характеризующим экономический рост Республики Беларусь и других стран, согласно системе национальных счетов (СНС), является валовой внутренний продукт (ВВП). ВВП характеризует стоимость товаров и услуг, произведенных в стране по всем видам экономической деятельности и предназначенных для конечного потребления, накопления и чистого экспорта³.

Вместе с тем, данного показателя недостаточно для целей управления устойчивостью экономического роста, так как ВВП не учитывает такие компоненты устойчивости, как природный и социальный капиталы. Источником роста ВВП может служить истощение, деградация указанных капиталов. Например, страна может увеличить ВВП за счет экспорта большого объема древесины, полезных ископаемых. Использование таких краткосрочных экономических выгод для роста ВВП в конечном счете ограничит экономический рост в будущем, когда такие активы больше не смогут генерировать тот же поток доходов.

Поэтому для целей управления устойчивостью экономического роста показатель ВВП должен быть дополнен показателем Национального богатства, позволяющим отразить состояние и изменение стоимости активов страны.

Статистический показатель национального богатства Республики Беларусь находится в стадии развития. В Статистическом ежегоднике Республики Беларусь за 2018 год национальное богатство определяется как совокупность накопленных нефинансовых и финансовых активов за вычетом финансовых обязательств, которыми страна располагает на данный момент времени⁴. Вместе с тем, оцениваются только отдельные элементы национального богатства (таблица 1).

¹ Наше общее будущее : докл. международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) : пер. с англ. / Под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета; предисл. Г. Харлем Брундтланд. – М. : Прогресс, 1989. – 371 с.

² Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. (НСУР-2035). 2017. URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf>

³ Национальные счета Республики Беларусь : стат. сб. 2020. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/045/04533d05671f512f32e3fc6fcd59af72.pdf>

⁴ Стат. ежегодник Респ. Беларусь, 2018 – С. 205–206. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0be/0becfeb4ff8551d54808f25ebc33ca51.pdf>.

Таблица 1. – Отдельные элементы национального богатства (без учета стоимости земли, недр, лесов и финансовых активов; на начало года)⁴

Годы	Всего	В том числе			Справочно домашнее имущество ³⁾
		основные средства, включая незавершенное строительство ¹⁾		материальные обо- ротные средства ²⁾	
		всего	основные средства		
2001	93,3	88,8	86,6	4,5	1,8
2002	126,5	119,2	116,1	7,3	4,0
2003	167,3	156,9	152,6	10,4	7,0
2004	212,8	198,4	192,5	14,4	11,2
2005	265,5	243,5	235,3	18,0	15,9
2006	276,0	253,0	243,4	23,0	23,7
2007	340,7	310,1	297,4	30,6	31,1
2008	396,2	358,1	341,9	38,1	44,6
2009	458,9	405,5	383,1	53,4	60,4
2010	517,2	461,6	433,2	55,6	76,1
2011	630,7	560,6	521,7	70,1	96,5
2012	1258,8	1134,4	1044,7	124,4	130,6
2013	1732,8	1549,8	1435,5	183,0	194,5
2014	2187,0	1958,6	1790,5	228,4	279,0
2015	2558,7	2288,3	2111,0	270,4	362,0
2016	3050,1	2754,1	2425,1	296,0	436,1
2017	344,7	312,8	269,8	31,9	50,5
2018	380,0	342,4	293,9	37,6	56,9

Примечание: ¹⁾ – По первоначальной стоимости с учетом проводившихся переоценок.

²⁾ – По ценам, учтенным в бухгалтерской отчетности.

³⁾ – Домашнее имущество не включено в национальное богатство и, в соответствии с положениями СНС, показано справочно (по полной стоимости в ценах приобретения).

Следует отметить, что с 2019 года статистические ежегодники Республики Беларусь показатель национального богатства не содержат, отражая только показатели баланса основных средств^{5,6,7}.

В мировом масштабе разработка единых методологических принципов оценки национального богатства на основе данных систем статистической информации сконцентрировалась в ООН (Статистическая комиссия) и ее специализированных учреждениях (Всемирный банк и Программа развития ПРООН). Всемирный банк в 1997 г. впервые опубликовал экспертные оценки национального богатства по расширительной концепции для 92 стран по данным за 1994 г.⁸ В работе была предложена новая методология расчета таких показателей, как совокупности трех составляющих элементов: традиционных, производимых людьми, материальных благ, – природного и человеческого капитала. В 1998 г. специалистами Всемирного банка на базе данной методологии была дана оценка структуры основных ресурсов национального богатства стран мира по данным за 1994 г.⁹ Следует отметить, что страны СНГ не учитывались из-за отсутствия необходимой информации. В последующих исследованиях «Капитал для 21 века» (2006 г.), (2011 г.), «Изменение уровня богатства наций» (2018 г.) совершенствовалась методология и количество охватываемых стран.

Доклад «Изменение уровня благосостояния наций-2021», опубликованный 27 октября 2021 г., представляет обновленную базу данных и глубокий анализ ежегодных показателей благосостояния 146 стран мира за период с 1995 по 2018 год. Показатели благосостояния, включенные в доклад, определялись на основе балансового подхода в соответствии с Системой национальных счетов (СНС) и Системой эколого-экономического учёта (СЭЭУ).

Оценки богатства представлены в соответствии с пятью классами активов:

1. Произведенный капитал и городские земли: машины, здания, оборудование, нематериальное богатство, такое как интеллектуальная собственность и разведка полезных ископаемых, а также жилые и нежилые городские земли. Для краткости термин «произведенный капитал» используется для обозначения произведенного капитала и городских земель.

2. Невозобновляемый природный капитал: ископаемые виды топлива (нефть, газ, твердый и мягкий уголь) и полезные ископаемые (10 категорий).

3. Возобновляемый природный капитал: сельскохозяйственные земли (пахотные земли и пастбища), леса (древесина и экосистемные услуги), охраняемые территории, мангровые заросли и морское рыболовство.

⁵ Стат. ежегодник Респ. Беларусь, 2019. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/35d/35d07d80895909d7f4fdd0ea36968465.pdf>.

⁶ Стат. ежегодник Респ. Беларусь, 2020. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/c68/c68ec3c1ac53374bedc363044769f2c1.pdf>.

⁷ Стат. ежегодник Респ. Беларусь, 2021. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d75/76zb214qfkkqywbplablvzvv5hl9131.zip>.

⁸ Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Sustainable Development. – Wash. World Bank, 1997. URL: <https://digitalibrary.un.org/record/250418>.

⁹ Kunte, A., Hamilton, K., Dixon, J., Clements, M. (1998) Estimating National Wealth: Methodology and Results // Wash. World Bank. URL: https://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSCContentServer/WDSP/IB/1998/11/17/000009265_3981013134540/Rendered/PDF/multi_page.pdf

4. Человеческий капитал: ценность навыков, опыта и усилий работающего населения в течение их жизни в разбивке по полу и статусу занятости (занятые и самозанятые).

5. Чистые иностранные активы: сумма внешних активов и обязательств страны: например, прямые иностранные инвестиции и резервные активы¹⁰.

Методология оценки Национального богатства была разработана с целью анализа его структуры и выявления роли отдельных элементов в странах с разным уровнем развития.

Рассмотрим структуру Национального богатства Республики Беларусь в контексте мирового сообщества. В рамках исследования Всемирного банка Республика Беларусь в 2018 г. относится к странам с уровнем дохода выше среднего, географически – к группе стран Европы и Центральной Азии.

В пересчете на душу населения Республика Беларусь в 2018 г. по национальному богатству превосходит Армению, Азербайджан, Кыргызстан, Молдову, Таджикистан, Украину, однако отстает от более крупных Казахстана и России, а также западных соседей – Польши, Литвы и Латвии¹¹.

Структура национального богатства Республика Беларусь по данным за 2018 год в оценке Всемирного банка выглядит следующим образом: человеческий капитал – 52,6%; произведенный капитал – 39,7%; природный капитал – 12,3% (из них 85% – возобновляемые источники, 5% – невозобновляемые); чистые иностранные активы – минус 4,6%.

Человеческий капитал играет наиболее важную роль в развитии и увеличении эффективности экономики в современных условиях. Это самый ценный воспроизводимый ресурс. Качество человеческого капитала формируется за счет инвестиций в сферы образования, здравоохранения, науку, и др. Человеческий капитал, рассчитываемый как приведённая стоимость будущих доходов рабочей силы, включая наёмных работников и самозанятых, является крупнейшим активом мирового национального богатства (рисунки 1, 2).

Рисунок 1. – Доля человеческого капитала в национальном богатстве стран (по уровню дохода стран)

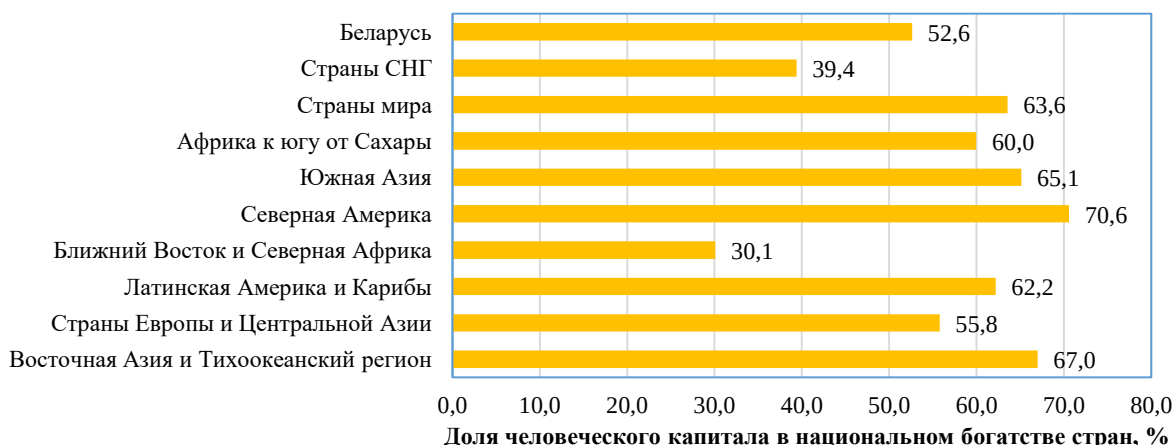

Рисунок 2. – Доля человеческого капитала в национальном богатстве стран (по регионам мира)

¹⁰ The Changing Wealth of Nations 2021 : Managing Assets for the Future – International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank, 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36400>.

¹¹ The Changing Wealth of Nations 2021 : Managing Assets for the Future – International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank, 2021 (446-453). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36400>.

В 2018 г. доля человеческого капитала в среднем по миру составила 63,6%.

Самый высокий показатель человеческого капитала (66,2%) наблюдается у группы стран с доходом выше среднего. Беларусь также относится к указанной группе и человеческий капитал является самой важной составляющей богатства страны, однако отстает по данному показателю – его доля составляет 52,6%. Вместе с тем, данное значение коррелирует со средним значением по региону – страны Восточной Европы и Центральной Азии – 55,8%. Кроме того, доля человеческого капитала в Республике Беларусь – один из самых высоких показателей по странам СНГ (для сравнения Россия – 35,2%, Казахстан – 43,7%), но ниже, чем в Польше (71,6%) и Литве (60,6%) (таблица 2).

Таблица 2. – Доля видов капитала в национальном богатстве стран Восточной Европы и Центральной Азии, % ¹¹

Страны региона	Доля видов капитала в национальном богатстве страны, %			
	Произведенный капитал и городские земли	Природный капитал	Человеческий капитал	Чистые иностранные активы
Армения	35,9	10,8	59,9	-6,6
Азербайджан	31,6	53,1	23,0	-7,7
Беларусь	39,7	12,3	52,6	-4,6
Казахстан	30,1	30,1	43,7	-3,8
Кыргызстан	39,2	32,5	36,2	-7,9
Молдова	71,5	12,2	21,3	-4,9
Россия	44,7	18,9	35,2	1,2
Таджикистан	76,6	8,2	18,0	-2,7
Страны СНГ	42,1	21,4	39,4	-2,9
Украина	58,9	11,8	30,3	-0,9
Польша	29,4	5,0	71,6	-6,0
Литва	37,4	5,1	60,6	-3,0
Латвия	51,8	6,0	45,9	-3,7

Произведенный капитал из расчета на душу населения оценивается для Республики Беларусь примерно в 30 775 долл. США¹¹. При анализе доли произведенного капитала в структуре Национального Богатства для Республики Беларусь наблюдается корреляция, подобная человеческому капиталу (рисунки 3, 4). В структуре национального богатства Республики Беларусь произведенный капитал составляет 39,7%. Это выше, чем в среднем по миру (31,2%) и странам с доходом выше среднего (25,8%). Однако соответствует региону (40,1%), а также среднему показателю по СНГ (42,1%).

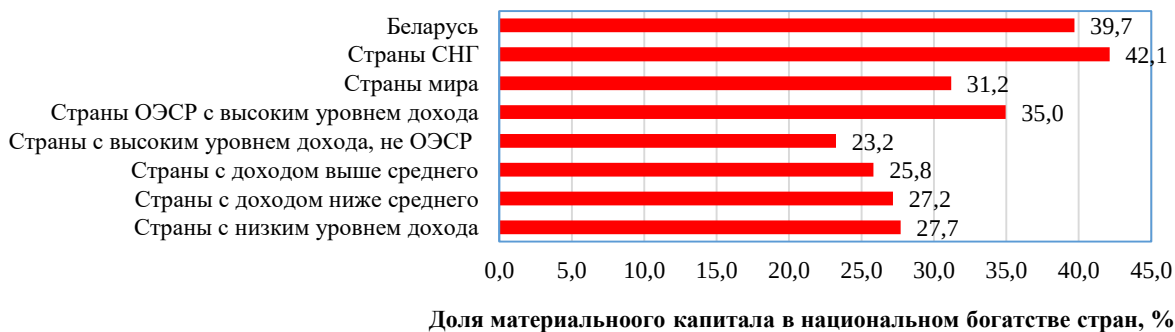

Рисунок 3. – Доля материального капитала в национальном богатстве стран (по уровню дохода стран)

Рисунок 4. – Доля материального капитала в национальном богатстве стран (по регионам мира)

Обращение мирового сообщества к экологическому императиву устойчивого развития обусловлено угрозами изменения климата, утраты лесов, биологического разнообразия, деградации сельскохозяйственных земель, водных ресурсов, загрязнения воздуха. Поэтому важное значение имеет оценка состояния и изменения природного капитала в составе Национального богатства страны. Это позволит выявить новые потенциальные источники экономического роста, не создавая при этом «неустойчивой» нагрузки на количество и качество природных богатств.

Анализ структуры Национального богатства показывает, что природный капитал остаётся критически важным для стран с низким уровнем доходов: в 2018 году в этих странах его доля в общем благосостоянии составила 23%. При этом стоимость таких ресурсов на душу населения является минимальной¹². Обратная ситуация наблюдается в странах с высоким уровнем доходов. Они наращивают воспроизводимый природный капитал на душу населения, при этом он занимает небольшой процент в источниках экономического роста, тогда как основным источником является человеческий капитал. Например, в странах ОЭСР с высоким уровнем дохода доля природного капитала составляет 2,1% в структуре Национального богатства, тогда как доля человеческого капитала – 63,8% (см. рисунки 1, 2).

В Республике Беларусь доля природного капитала в национальном богатстве страны составляет 12,3%¹³. Это практически в два раза ниже, чем в среднем по странам СНГ (21,4%). Так, в Азербайджане – 53,1%, Казахстане – 30,1%, Кыргызстане – 32,5%, России – 18,9% (см. таблицу 2). Тем не менее это выше среднего уровня доли природного капитала в общем объеме богатства в странах Европы и Центральной Азии, составляющего 3,9%, а также в странах с доходом выше среднего – 7,9% (рисунки 5, 6).

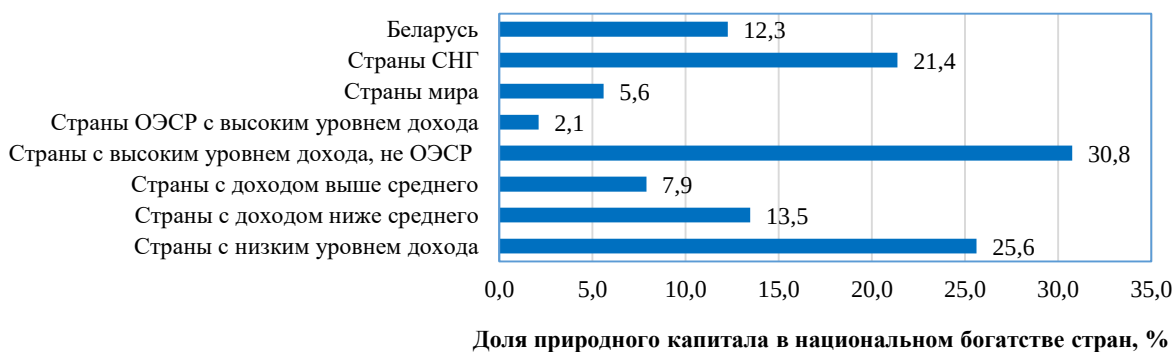

Рисунок 5. – Доля природного капитала в национальном богатстве стран (по уровню дохода стран)

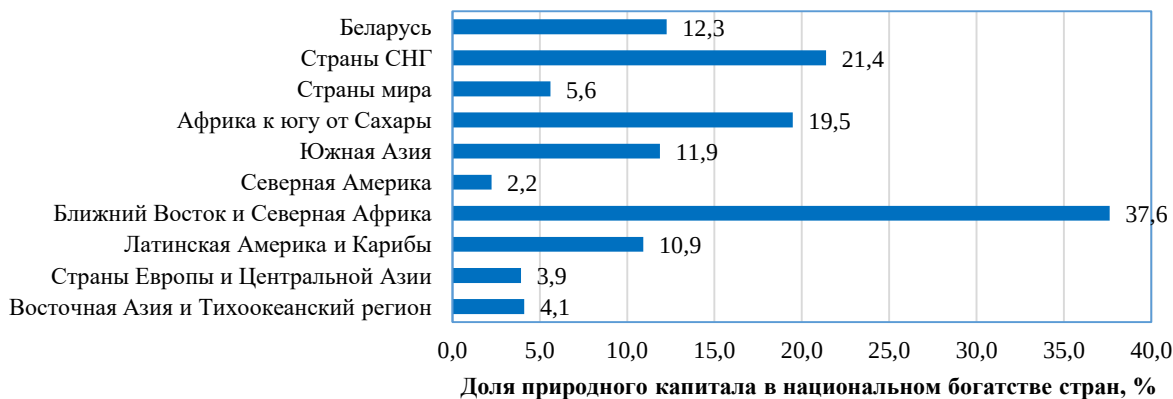

Рисунок 6. – Доля природного капитала в национальном богатстве стран (по регионам мира)

В структуре природного капитала Республики Беларусь доминируют леса (33,2%) и сельскохозяйственные угодья (25,8%). В целом возобновляемые ресурсы составляют около 95% общего объема природного капитала страны¹⁴.

По данным Всемирного банка в 2018 г. объем природного капитала на душу населения в Республике Беларусь составлял около 9504 долл. США, что выше, чем в Польше (7025 долл. США), Украине (6515 долл. США), Армении (5175 долл. США), Молдове (3841 долл. США) и в среднем по миру (8974 долл. США), но ниже среднего показателя других стран с доходом выше среднего (11185 долл. США).

¹² The Changing Wealth of Nations 2021 : Managing Assets for the Future – International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank, 2021 (446-453). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36400>.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Специалисты Всемирного банка отмечают, что наращивание и защита возобновляемого природного капитала для повышения его стоимости являются частью траектории устойчивого развития стран с более высоким уровнем доходов. Как показывают данные, представленные в докладе «Изменение уровня благосостояния наций-2021», у стран есть возможность не прибегать к истощению природного капитала для достижения краткосрочного роста ВВП. Вместо этого устойчивое развитие можно обеспечить более эффективным путём ответственного управления природными активами и использования поступлений от природы для поддержки инвестиций в человеческий и произведённый капитал¹⁵.

Анализ структуры Национального богатства позволяет выявить роль отдельных элементов (природного, человеческого, произведённого капиталов) в благополучии страны. При этом важно понимать в какой мере экономический рост достигается за счет замещения одного капитала другим.

При решении вопросов о том, какой капитал должен сохраняться и в какой мере различные виды капитала взаимозамещаемы следует учитывать возможные модели устойчивости. Дэли Х. выделил применительно к природному капиталу сильную и слабую устойчивость [1]. В последствии данный подход был расширен и применен для категории человеческого капитала. Слабая модель устойчивости допускает возможность сокращения одного из видов капитала за счет увеличения другого. В статье «Различные и конкурирующие значения устойчивого развития» Колин Уильямс и Эндрю Миллингтон выделяют следующие признаки слабой устойчивости: «господство антропоцентрического взгляда на развитие, ориентация на рост как ключевой фактор экономического развития, восприятие природы как запаса ресурсов, которые могут быть заменены и компенсированы технологиями [2]. Сильная модель, отрицает идею такого замещения. В этом случае надо отдельно сохранять финансовый, природный и человеческий капиталы, так как не все может быть заменено искусственными аналогами и невозможно предугадать, какой из видов капитала впоследствии окажется решающим для дальнейшего экономического развития.

Опираясь на выбранную модель устойчивого развития государство может применять различные стратегии управления национальным богатством:

- наращивание и защита возобновляемого природного капитала для повышения его стоимости;
- государственные инвестиции в образование и общественное здравоохранение с целью обеспечения роста человеческого капитала;
- реинвестирование поступлений от невозобновляемых природных ресурсов в улучшение окружающей среды;
- реинвестирование поступлений от невозобновляемых природных ресурсов в зеленые технологии;
- реинвестирование поступлений от невозобновляемых природных ресурсов (особенно нефти, газа и полезных ископаемых) в государственную инфраструктуру и т.д.

Бесспорно, рассчитываемый в настоящее время показатель Национального богатства требует дальнейшего развития. Это связано с тем, что некоторые факторы, влияющие на национальное богатство, в настоящее время не учитываются из-за недостатка данных, существуют проблемы оценки отдельных элементов, показатель Национального богатства достаточно агрегирован и требует дальнейшей детализации каждого его элемента, так как изменения в уровне благосостояния на душу населения дают лишь показатель «слабой» устойчивости, которая неявно предполагает высокую степень взаимозаменяемости между различными видами активов¹⁶.

Вместе с тем для выработки управленческих решений на настоящем этапе представляется целесообразным оценивать динамику национального богатства на душу населения. Учитывая, что рост является важным показателем благополучия, далее важно определить источник процветания в данный период времени. Для этого рекомендуется оценить структуру Национального богатства в целом, изменение доли каждого структурного элемента и объема каждого элемента на душу населения. Внутри страны сочетание элементов богатства может иметь значение для определения перспектив развития и выявления подверженности различным рискам. Не менее важно для принятия макроэкономических управленческих решений сравнение структуры и динамики изменений национального богатства со странами региона, а также странами, соответствующими по уровню дохода.

Таким образом, показатель Национального богатства имеет важное значение для целей эффективного управления устойчивостью экономического роста, так как позволяет отразить состояние и изменение стоимости природного, человеческого и произведённого капиталов страны, определить, что является источником процветания в данный период времени, позволяет диверсифицировать портфель активов и обеспечить сбалансированное инвестирование в различные активы для обеспечения большей устойчивости государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Daly, H. *Steady-State Economics* / H. Daly. – Washington: Island Press. 1991.
2. Williams, C.C. *The Diverse and Contested Meaning of Sustainable Development* / C.C. Williams, A.C. Millington // *The Geographical Journal*. – 2004. – Vol. 170. – No. 2. – P. 99–104. URL: https://www.researchgate.net/profile/Colin-Williams-4/publication/227689651_The_diverse_and_contested_meanings_of_sustainable/links/59e2f83d0f7e9b97fbaaa97e/The-diverse-and-contested-meanings-of-sustainable.pdf.

¹⁵ The Changing Wealth of Nations 2021 : Managing Assets for the Future – International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank, 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36400>.

¹⁶ Там же.

REFERENCES

1. Daly, H. (1991). *Steady-State Economics*. Washington: Island Press. (In Engl.).
2. Williams, C.C., Millington, A.C. (2004). The Diverse and Contested Meaning of Sustainable Development, *The Geographical Journal*. (2), 99–104. URL: https://www.researchgate.net/profile/Colin-Williams-4/publication/227689651_The_diverse_and_contested_meanings_of_sustainable/links/59e2f83d0f7e9b97fbeeaa97e/The-diverse-and-contested-meanings-of-sustainable.pdf (In Engl.).

Поступила 18.10.2021

NATIONAL WEALTH MANAGEMENT FOR SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH

S. VEGERA, A. VEGERA

The substantiations for the use of the indicator of national wealth, including produced, natural and human capital, as a tool for managing the sustainability of the economic growth of the state are given. Considering that at present the measurement of the National Wealth in the Republic of Belarus is limited to fixed assets, the approaches of the World Bank to assessing the National Wealth by countries of the world are considered. The amount and structure of the national wealth of the Republic of Belarus in the assessment of the World Bank based on data for 2018 is presented. A comparative analysis of the share of produced, natural and human capital in the Republic of Belarus, CIS countries, regions of the world and countries with different income levels is carried out. The approaches to the management of national wealth to ensure sustainable development are considered, allowing to diversify the portfolio of assets and ensure balanced investment in various assets to ensure greater sustainability of the state.

Keywords: sustainable development, sustainable development management, national wealth, human capital, natural capital, produced capital.

УДК 657.22:553

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-9-13

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДОГОВОРУ КОНЦЕССИИ

канд. экон. наук, доц. О.С. РОМАНОВА
(Полоцкий государственный университет)
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5811-3516>

Представлено развитие концессионной деятельности в сфере недропользования Республики Беларусь, а именно решение вопросов информационного обеспечения и формирования информации о деятельности субъектов хозяйствования по концессионным договорам в системе бухгалтерского учета и отчетности организаций-недропользователей. Рассмотрены виды и особенности концессионных договоров, действующих на территории Республики Беларусь, особенности организации недропользования в рамках заключения концессионных договоров, определены объекты бухгалтерского учета, возникающие у организаций, являющихся концессионерами согласно концессионным соглашениям.

Ключевые слова: концессия, недропользование, концессионный договор, объекты бухгалтерского учета.

Введение. Вопрос привлечения в экономику частных инвестиций для создания, развития и управления объектами государственной собственности в настоящее время представляется особенно актуальным. Успешное решение этой проблемы зависит не только от реализации программ приватизации, но и от использования других механизмов и форм, не предполагающих передачу частным компаниям прав собственности в полном объеме. Действенным способом функционирования государственной собственности служит развитие отношений государственно-частного партнерства: совместных предприятий, контрактной системы, соглашений о разделе продукции. Одной из наиболее развитых, рыночных и комплексных форм привлечения инвестиционного капитала из внешних источников в развитие предприятий государственного сектора является концессия. Концессии позволяют привлечь в государственный сектор экономики дополнительные ресурсы, например, такие как инвестиции, переложить на частный сектор часть рисков и в то же время сохранить передаваемые в концессию объекты в государственной собственности. Также концессии принимают активное участие в зарубежных странах.

Концессия – относительно новый для Республики Беларусь вид инвестиционной деятельности, а потенциальные возможности этого финансового инструмента, по оценке экспертов белорусского правительства, зарубежных специалистов, очень велики. В этой связи для полноценной интеграции Республики Беларусь в мировое экономическое пространство внедрение данного механизма в хозяйственный оборот представляется практически значимым.

Основная часть. Мировой опыт свидетельствует, что одним из наиболее распространённых объектов концессионной деятельности являются недра. Геологические исследования, интенсивно проводимые в последние годы, опровергли ранее существовавшее представление о Беларуси как стране, бедной на минерально-сырьевые ресурсы. В настоящее время в её недрах выявлено и разведано свыше 10 тыс. месторождений, представляющих более 30 видов минерального сырья. Важнейшими полезными ископаемыми, добыча которых наиболее существенно воздействует на экономику страны, являются калийные и каменные соли, нефть, торф, строительные материалы и сырьё для их производства, подземные пресные и минеральные воды.

На современном этапе с целью привлечения инвесторов в данную сферу был принят Указ Президента от 28 января 2008 года № 44 «Об утверждении перечня объектов, предлагаемых для передачи в концессию». Согласно этому документу, для передачи в концессию предлагаются:

- Месторождение гипса «Бриневское», Петриковский район Гомельской области.
- Месторождение бентонитовых глин «Острожанское», Лельчицкий район Гомельской области.
- Месторождение железных руд «Околовское», Столбцовский район Минской области.
- Месторождение железных руд «Новоселковское», Корелицкий район Гродненской области.
- Месторождение мела «Добрушское», Добрушский район Гомельской области.
- Месторождение нефти «Морозовское», Светлогорский район Гомельской области.
- Месторождение горючих сланцев «Туровское», Столинский район Брестской области и Житковичский район Гомельской области.
- Познякевичская площадь (структура), Ельский район Гомельской области.
- Акуличская площадь (структура), Наровлянский район Гомельской области.
- Месторождение кварцевых песков «Убортская Рудня», Лельчицкий район Гомельской области.
- Месторождение кварцевых песков «Городное» (Восточная залежь), Столинский район Брестской области.
- Месторождение базальтов и туфов «Новодворское» Пинского района Брестской области.
- Месторождение доломита «Осинторфское» (Северный участок), Оршанский, Дубровенский, Лиозненский районы Витебской области.
- Проявление благородных металлов «Зуберово», Столбцовский район Минской области.

- Южно-Оршанский нефтеперспективный участок, Оршанский, Дубровенский районы Витебской области, Горецкий район Могилевской области.
- Южно-Копаткевичская нефтеперспективная структура, Петриковский район Гомельской области.
- Яминский участок Любанского месторождения горючих сланцев, Любанский район Минской области¹.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что развитие концессионной деятельности в сфере недропользования Республики Беларусь является экономически эффективным и представляет собой положительный импульс социально-экономическому развитию страны.

В условиях необходимости усиления инвестиционной активности организаций-недропользователей важное значение имеет системное решение вопросов информационного обеспечения, что оказывает влияние на эффективность деятельности организаций и экономический рост в макроэкономическом масштабе. Для привлечения частного капитала государству необходимо сформировать такой механизм, который бы мог заинтересовать частных инвесторов, и справедливую процедуру их конкурсного отбора, позволяющего повысить гарантии успешной реализации проекта по освоению месторождений полезных ископаемых, снизить совокупные издержки и производственные риски. Основой принятия эффективных управленческих решений в области государственно-частного партнерства является наличие достоверной информации. Информация о деятельности субъектов хозяйствования формируется в системе бухгалтерского учета и отчетности организаций.

Формирование системы концессионных отношений в Республике Беларусь находится в начальной стадии развития. Методические указания по бухгалтерскому учету концессионного соглашения в настоящее время отсутствуют. В существующей научной и учебно-методической литературе данный вопрос также не получил достаточного освещения. Вместе с тем в международной практике руководствуются КРМФО (IFRIC) 12 «Концессионные договоры на предоставление услуг: первый опыт применения»², в котором представлены требования по учету операторами концессионных соглашений о предоставлении услуг в рамках государственно-частного взаимодействия. Таким образом, в современных экономических условиях, привлечение частных инвестиций в развитие государственного сектора обуславливает не только актуальность практического использования концессионных механизмов, но и решение вопросов учетно-аналитического обеспечения деятельности организаций-недропользователей по договорам концессии.

Рассматривая концессионное соглашение по сравнению с другими гражданско-правовыми договорами, следует отметить, что оно имеет ряд существенных отличий. Договор концессии отличается своими условиями и сферами его применения в рыночных экономических отношениях, то есть является специфическим комплексным гражданско-правовым договором. Вместе с тем, деятельность по освоению месторождений полезных ископаемых также имеет ряд отличительных особенностей.

В первую очередь выделим длительный период времени между началом разведочной деятельности, оценкой наличия коммерчески целесообразной величины запасов минеральных ресурсов и началом добычи этих минеральных ресурсов. Следовательно, при разработке методики бухгалтерского учета хозяйственных операций по договору концессии, необходимо принимать во внимание всю совокупность и специфику отношений, возникающих в рамках осуществления данной деятельности. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-3 «О концессиях» концессионный договор представляет собой письменное соглашение, в силу которого одна сторона (концедент) обязуется предоставить другой стороне (концессионеру) на возмездной или безвозмездной основе на определенный срок право владения и пользования объектом концессии или право на осуществление вида деятельности³. На территории Республики Беларусь могут быть заключены концессионные договора трёх видов: полный концессионный договор; концессионный договор о разделе продукции; концессионный договор об оказании услуг (выполнении работ).

Рассмотрим каждый из этих договоров более подробно.

Полный концессионный договор. Под ним понимается соглашение, предусматривающее возникновение и сохранение за концессионером права собственности на произведенную им продукцию. При этом, если иное не определено в концессионном договоре, концессионер уплачивает все установленные законодательными актами Республики Беларусь налоги и другие обязательные платежи.

Концессионный договор о разделе продукции – это соглашение, в соответствии с которым произведенная продукция делится между концессионером и концедентом в размерах и порядке, определяемых концессионным договором. Часть произведенной продукции, являющаяся по условиям концессионного договора долей концессионера, принадлежит ему по праву собственности. Порядок и соотношение раздела продукции между сторонами концессионного договора определяются концессионным договором. При выборе концессионера на конкурсной основе соотношение раздела продукции может быть условием конкурса. При этом концессионер, в соответствии с услови-

¹Об утверждении перечня объектов, предлагаемых для передачи в концессию : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 янв. 2008 г., № 44 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

² КРМФО (IFRIC) 12 «Концессионные договоры на предоставление услуг: первый опыт применения» [Электронный ресурс]. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2012/08/First_Impressions_IFRIC12_rus.pdf.

³ О концессиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 63-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ями договора, полностью или частично освобождается от уплаты налогов и других обязательных платежей, установленных законодательными актами Республики Беларусь, в связи с передачей Республике Беларусь права собственности на часть произведенной им продукции.

Концессионный договор об оказании услуг (выполнении работ) представляет собой соглашение, в силу которого право собственности на произведенную, переработанную по концессионному договору, продукцию передается концеденту. Концессионер за оказанные услуги (выполненные работы) получает вознаграждение. По концессионному договору об оказании услуг (выполнении работ) концессионер несет риск случайной гибели или случайного повреждения объекта концессии, переданного ему для переработки, а также произведенной, переработанной продукции до ее передачи концеденту. При заключении концессионного договора об оказании услуг (выполнении работ) с риском вознаграждение концессионеру выплачивается лишь при условии достижения концессионером результата, предусмотренного концессионным договором. При заключении концессионного договора об оказании услуг (выполнении работ) без риска вознаграждение концессионеру выплачивается независимо от достигнутого результата⁴.

Концессионный договор должен включать в себя следующие существенные условия:

- вид концессионного договора;
- размер разового платежа и срок его внесения (кроме случаев предоставления в концессию земельных участков);
- срок действия концессионного договора;
- описание имущества или вида деятельности, являющегося объектом концессии;
- права и обязанности сторон;
- территорию, на которой концессионер имеет право, в том числе и исключительное, осуществлять отдельные виды деятельности (если объектом концессии являются виды деятельности), а также программу и график работ, выполняемых в соответствии с концессионным договором, с указанием сроков их выполнения;
- ответственность сторон.

Концессионный договор может содержать иные условия, не противоречащие законодательству, в том числе:

- обязательства концессионера по использованию новых и высоких технологий;
- взаимные обязательства сторон по развитию социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры;
- обязательство концессионера использовать при выполнении договора товары (работы, услуги), произведенные в Республике Беларусь, при условии их конкурентоспособности;
- обязательства концессионера-иностранного инвестора по найму и обучению работников из числа граждан Республики Беларусь;
- требования о конфиденциальности информации;
- порядок изменения, прекращения и расторжения концессионного договора;
- порядок и орган рассмотрения споров между сторонами концессионного договора, связанных с концессионным договором;

- иные условия в зависимости от вида концессионного договора, специфики конкретного объекта концессии.

Концессионный договор может предусматривать право концедента на односторонний отказ от исполнения концессионного договора и (или) на одностороннее изменение его условий. При этом концессионный договор должен содержать исчерпывающий перечень оснований для реализации концедентом этих прав.

В полном концессионном договоре может быть предусмотрена обязанность концессионера по реализации на внутреннем рынке Республики Беларусь части продукции, произведенной им в соответствии с концессионным договором. Концессионный договор о разделе продукции должен также содержать условия, предусматривающие:

- порядок определения общего объема произведенной продукции;
- порядок определения компенсационной продукции (но не более семидесяти процентов от общего объема произведенной продукции), а также порядок оценки ее стоимости;
- состав затрат, подлежащих возмещению концессионеру за счет компенсационной продукции;
- порядок передачи компенсационной продукции концеденту либо лицу, определенному концессионным договором.

Концессионный договор об оказании услуг (выполнении работ) должен также содержать условия, предусматривающие: размер и порядок выплаты вознаграждения концессионеру; порядок оказания услуг (выполнения работ) концессионером. В концессионный договор об оказании услуг (выполнении работ) может включаться положение о выкупе концессионером части произведенной им продукции или получении им вознаграждения непосредственно в виде части этой продукции⁵.

Таким образом, следует отметить, что на основании действующих видов концессионных договоров и признаков им особенностей, на наш взгляд предоставление месторождений полезных ископаемых в концессию иностранным инвесторам целесообразно проводить на основе договора о разделе продукции, чтобы часть добытого сырья получали отечественные предприятия.

⁴О концессиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 63-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

⁵О концессиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 63-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Рассмотрим особенности организации недропользования в рамках заключения концессионных договоров.

Исполнение договора концессии включает период заключения договора, строительство (реконструкцию) объекта концессии, период его использования (эксплуатации) и расторжение договора. В ходе исполнения концессионного соглашения концессионером могут осуществляться следующие операции:

- получение права владения и пользования объектом договора концессии;
- получение от концедента объекта договора концессии;
- использование объекта договора концессии;
- перечисление концессионной платы;
- производство, переработка продукции по договору концессии и др.;

Следовательно, определим объекты бухгалтерского учета, возникающие у организаций, являющихся концессионерами:

1. *Затраты по заключению договора.*

2. Затраты по строительству (реконструкции) объекта концессии. Если рассматривать данный объект бухгалтерского учета с позиции освоения месторождения полезных ископаемых, то его можно определить, как «*Затраты по разведке и оценке минеральных ресурсов*».

3. *Разовый платеж за право пользования недрами.* За предоставление участков недр в пользование в соответствии с концессионным договором в срок не позднее 12 месяцев со дня его заключения концессионер уплачивает в доход республиканского бюджета разовый платеж за право пользования недрами.

4. Исключительное право концессионера на осуществление определенного вида деятельности с использованием данного объекта концессии. Такой объект бухгалтерского учета при осуществлении деятельности по концессионному договору в отношении недр будет представлять собой «*Право на разведку и добычу запасов полезных ископаемых*».

5. Объект концессии. При заключении договора концессии в отношении недр объектом концессии будут выступать *минеральные ресурсы (запасы полезных ископаемых)*.

6. Амортизация объекта концессии. В силу особенностей такого объекта, как минеральные ресурсы, согласно предлагаемой ранее методике их учета будем говорить об «*истощении минеральных ресурсов*».

7. *Затраты по эксплуатации.* Данные затраты будут представлять собой затраты, связанные с разработкой месторождения и добычей минеральных ресурсов.

8. Готовая продукция, принадлежащая концессионеру на праве собственности. При этом отметим, что в качестве готовой продукции будем рассматривать минеральное сырье, которое получается в процессе добычи минеральных ресурсов (запасов полезных ископаемых). Следовательно, объектом бухгалтерского учета будет выступать *минеральное сырье, принадлежащее концессионеру*. Данный объект бухгалтерского учета будет отсутствовать при выполнении концессионного договора об оказании услуг (выполнении работ).

9. Готовая продукция, не принадлежащая концессионеру на праве собственности. То есть объектом учета при осуществлении договора концессии в рамках недропользования будет выступать *минеральное сырье, принадлежащее концеденту*. При заключении полного концессионного договора такого объекта бухгалтерского учета не будет.

10. *Доходы от осуществления деятельности в рамках концессионного договора.*

Следует отметить, что нами ранее на основании особенностей деятельности организаций – недропользователей были выделены для целей бухгалтерского учета четыре этапа жизненного цикла освоения месторождения полезных ископаемых: 1) предразведка; 2) разведка и оценка; 3) разработка и добыча; 4) закрытие месторождения и ликвидация последствий техногенного воздействия [1, с. 9]. В этой связи, исследуя объекты бухгалтерского учета, возникающие при осуществлении деятельности по договору концессии у организаций-недропользователей, соотнесем их с этапами жизненного цикла освоения месторождения:

– Этап предварительной разведки подразумевает проведение по счетам затрат по заключению договора; разового платежа за право пользования недрами; права на разведку и добычу запасов полезных ископаемых.

– Разведка и оценка месторождения обеспечивается затратами по разведке и оценке минеральных ресурсов (активы по разведке и оценке); оформлением минеральных ресурсов (запасов полезных ископаемых).

– При разработке и добыче оформлению подлежат следующие процессы и объекты: затраты по эксплуатации месторождения (добыче минеральных ресурсов); минеральные ресурсы (запасы полезных ископаемых); истощение минеральных ресурсов; минеральное сырье, принадлежащее концессионеру; минеральное сырье, принадлежащее концеденту; доходы от осуществления деятельности в рамках концессионного договора.

– Закрытие месторождения и ликвидация последствий техногенного воздействия сопровождают: затраты по закрытию месторождения; минеральное сырье, принадлежащее концессионеру; минеральное сырье, принадлежащее концеденту; доходы от осуществления деятельности в рамках концессионного договора.

Заключение. Таким образом, наиболее развитой, рыночной и комплексной формой привлечения инвестиционного капитала из внешних источников в развитие предприятий государственного сектора является концессия. Развитие концессионной деятельности в сфере недропользования Республики Беларусь является экономически эффективным и представляет собой положительный импульс социально-экономическому развитию страны.

В настоящее время формирование системы концессионных отношений в Беларуси находится в начальной стадии развития и методические указания по бухгалтерскому учету концессионного соглашения отсутствуют.

Следовательно, привлечение частных инвестиций в развитие государственного сектора обуславливает актуальность и практическую значимость решения вопросов учетно-аналитического обеспечения деятельности организаций-недропользователей по договорам концессии в контексте устойчивого развития Республики Беларусь.

На территории Республики Беларусь могут быть заключены концессионные договора трёх видов: полный концессионный договор; концессионный договор о разделе продукции; концессионный договор об оказании услуг (выполнении работ). Рассмотрев условия каждого из договора концессии, нами были выделены объекты бухгалтерского учета, возникающие при осуществлении деятельности по концессионному договору у концессионера. Представленные ранее отличительные особенности деятельности по освоению месторождения полезных ископаемых, этапы жизненного цикла освоения месторождения позволили определить объекты бухгалтерского учета непосредственно по концессионному договору в отношении недр и соотнести их с этапами освоения месторождения полезных ископаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вегера, С.Г. Бухгалтерский учет и анализ минеральных ресурсов в контексте концепции природного капитала / С.Г. Вегера, О.С. Романова. – Новополоцк : ПГУ, 2017. – 192 с.

REFERENCES

1. Vegera, S.G. & Romanova, O.S. (2017). *Accounting and analysis of mineral resources in the context of the concept of natural capital*. Novopolotsk: Polotsk State University. (In Russ.).

Поступила 12.10.2021

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF THE ACCOUNTING SYSTEM OF ACTIVITIES UNDER THE CONCESSION AGREEMENT

O. ROMANOVA

The development of concession activities in the field of subsoil use of the Republic of Belarus is presented, namely, the solution of issues of information support and the formation of information on the activities of business entities under concession agreements in the accounting and reporting system of organizations-subsoil users. The types and features of concession agreements operating on the territory of the Republic of Belarus, the features of the organization of subsoil use within the framework of the conclusion of concession agreements are considered, the objects of accounting arising from organizations that are concessionaires according to concession agreements are determined.

Keywords: concession, subsoil use, concession agreement, accounting objects.

УДК 331.5

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-14-18

РЫНОК ТРУДА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.В. БОГДАНОВА

(Полоцкий государственный университет, Новополоцк)

Изучены теоретические подходы относительно категории «постиндустриальная» экономика». Определен исторический контекст развития и трансформации экономических сфер общества. Автором проведен анализ макроэкономических показателей Республики Беларусь. Проанализированы показатели рынка труда Республики Беларусь в условиях экономики постиндустриального типа. Представлены основные тенденции постиндустриальной экономики на современном этапе развития общества. Дана характеристика рынка труда Республики Беларусь в условиях развития постиндустриальной экономики, определены вызовы и перспективы рынка труда в постиндустриальной экономике.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, экономика труда, экономика постиндустриального типа.

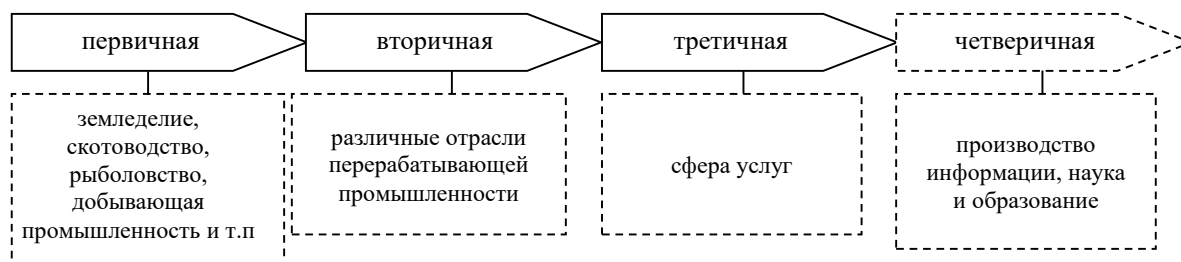
Введение. Исторический контекст развития экономических отношений большинства стран в мире и современного общества свидетельствует о новом этапе экономического уклада. Начиная с 70-х гг. XX в. мир вошел в постиндустриальный этап развития.

Актуальность изучения экономики постиндустриального уклада определяется возможностью выявить трансформационные преобразования в различных областях развития общества и выявить глобальные вызовы экономики, а также перспективы и тренды, которые сложились на рынке труда.

Авторами рассмотрены сущностные характеристики и определены основные черты постиндустриальной экономики. Научный интерес в области изучения постиндустриальных преобразований представляют труды В.Л. Макарова, Б.Н. Кузика, А.Е. Варшавского, Ю.В. Яковца, В.И. Маевского и др. [1]. В работах представленных авторов проведен анализ политической и макроэкономической конъюнктуры, инвестиционной политики, научно-технологической безопасности с учетом постиндустриальных преобразований.

Основная часть. «Постиндустриальное общество – это новейшая стадия развития, в которую вступили передовые в экономическом и технологическом отношении страны (Северная Америка, Западная Европа, Япония) во второй половине XX века» [2]. Несмотря на терминологические различия у различных авторов («сверхиндустриальное общество» (О. Тоффлер), «технотронное» (Зб. Бжезинский), «информационное» (Е. Масуда)), принципиальные характеристики данной категории у всех совпадают.

Экономическая деятельность людей с течением времени трансформировалась, также происходили трансформации и в различных сферах общества. Динамика перехода от первичной до четверичной экономической сферы в контексте развития производственных отношений и изменения создаваемых благ представлена на рисунке 1. Стоит отметить наращивание объемов производства четверичной сферы в большинстве стран постиндустриального типа, что и определяет этот тип экономики.

**Рисунок 1. – Трансформация экономических сфер общества
в контексте исторических преобразований**

Концептуальные основы теории развития постиндустриального общества формировались быстрыми темпами. Они были изложены в 1960 – 80-е гг. в работах Д. Белла [3], О. Тоффлера, З. Бжезинского [4], Дж. Несбита, Ж. Фурастье [5] и А. Турена [6], Е. Масуда [7] и др. Термин «информационное общество» был предложен японским теоретиком К. Коямой, на основании трудов которого в Японии еще в 1972 г. была принята программа «План информационного общества – национальная цель к 2000 г.».

И.Т. Фролов в философской энциклопедии дал определение категории «постиндустриальное общество». Теория постиндустриализации включает схему исторической эволюции человеческого общества, прошедшего ступени доиндустриального (аграрного), индустриального и постиндустриального развития. Каждой из перечисленных ступеней развития общества соответствовал доминирующий сектор экономики. Для аграрной ступени

характерно доминирование первичного сектора (сельского хозяйства), для индустриальной – вторичного (промышленности), а для постиндустриального – третичного (сферы услуг) секторов. «Интеллектуальные технологии» открывают невероятные возможности в поиске оптимальных приемов и методов рационального технического решения различных, в том числе социальных, экологических и других проблем [2].

Таким образом, одним из индикаторов, характеризующих переход общества к постиндустриальному типу, прием динамике объема производства и реализации продукции в сфере услуг.

Проанализировав ряд подходов, автором предложено определение категории «постиндустриальная экономика». Постиндустриальная экономика – это экономический уклад современного глобального мира, основанный на инновационном развитии, проникающем во все сферы жизни человека (экономическую, социальную, экологическую), характеризующийся преобладанием сферы услуг, развитием нематериального производства и информационного сектора. Авторское определение обращает научное внимание и подчеркивает взаимосвязь различных сфер общества, что отражает значимость исследования рынка труда, на котором работники также подвержены трансформационным преобразованиям и сталкиваются с вызовами.

На основании изученного материала автором предпринята попытка описать постиндустриальную экономику с учетом сложившихся в мире тенденций.

Сжатие пространственно-временных границ посредством инноваций в сфере транспортных и информационных коммуникаций. Развитие высокоскоростного транспорта, налаживание авиасообщения, высокоскоростных поездов, комфортного автотранспорта изменяет осознание расстояния и времени. В связи с этим, в экономике есть возможность быстро реагировать на недостатки факторов производства. Кроме того, наблюдается тенденция распространения массовой коммуникации посредством глобальной сети. Развитие информационного и цифрового поля привело к взаимодействию человека с человеком ежеминутно в любой час, в любой точке мира, где существует связь. Передача огромных информационных потоков визуального характера в виде фотографии либо видеосвязи способствует возникновению новых индустрий и направлений в сфере коммуникаций, рекламы, маркетинга, менеджмента. Кроме того, востребованными становятся услуги в области цифровых технологий, биотехнологий, технологий в области искусственного интеллекта. Среди научных направлений актуальны исследования в микробиологии, фармакологии, роботостроении, микрохирургии, в области «зеленых технологий», нанoeлектроники. Популяризируются исследования на стыке естественных и гуманитарных наук, прикладных наук и искусства. Особое внимание уделяется исследованиям в области устройства мозга и искусственного интеллекта. Такая динамика развития инноваций в сфере информационных коммуникаций наталкивает на двойственное восприятие значения подобного явления.

В положительном аспекте достижение результатов в развитии общества создает новые возможности для экономики, в частности, для сферы услуг и образования. Имеющийся фундамент научных знаний и доступ к информационным ресурсам служит толчком для роста научного познания и повышения уровня научной мысли, вовлечения в научное сообщество большего количества ученых, непрерывного обмена опытом и результатами исследования между учеными различных стран.

Однако, с другой стороны, подобные достижения несут в себе определённые угрозы. В частности, для научного сообщества в перспективе формируется большой объем «мертвой» информации. Масштабы и объемы информационных потоков настолько велики, а человеческие интеллектуальные возможности в сравнении с этим потоком настолько ограничены, что возникает парадоксальное явление: научная информация увеличивается, однако ученый не в состоянии обработать весь информационный массив накопленных знаний в своей области, при том, что информационный поток не прекращается.

В образовательной системе возникают сложности с определением актуальных знаний, что в перспективе также приведет к необходимости трансформации системы образования. Возникают сложности в формировании фундаментального массива знаний во время получения школьного образования. К примеру, в области физики накоплен огромный теоретико-практический опыт. Возникает закономерный вопрос о необходимом объеме знаний для школьников, которые, в перспективе, планируя свое дальнейшее обучение, смогут безболезненно адаптироваться к современным научным направлениям. Это относится ко многим естественным наукам.

Кроме того, трансформация сферы производства, быстрые изменения в области создания новых специальностей, отвечающих современным трендам экономики, требуют разработки большого объема нормативных и учебно-методических документов, адаптации профессорско-преподавательского состава к данным трендам. Это создает дискомфорт в среде научных кадров, социальную напряженность в коллективах. В противовес высшему образованию, современные компании создают практико-ориентированные курсы для молодых людей, обладающих гибкими навыками, предлагая углубить практические навыки в конкретной области за короткий срок относительно высшего образования с последующим трудоустройством. Динамика увеличения объемов подобных образовательных услуг в перспективе может составить жесткую конкурентную среду образовательному сектору. Это мотивирует учреждения высшего образования наращивать объемы образовательных услуг практико-ориентированного содержания, ориентироваться на экспортные рынки, трансформировать образовательные программы под рыночные условия реального сектора экономики. В связи с этим возникает необходимость углубления государственно-частного партнерства между вузами, государством и фирмами.

Кроме образовательного сектора, асимметричность информации, искажение информации, ставит под сомнение достоверность и правдивость фактов, представленных в информационных потоках. С экономической точки зрения это влечёт будущие потери для предпринимателей, получающих доход в сфере интернет-вещания. Недостоверность информации о товаропроизводителях в глобальной сети ведёт к убыткам, краху репутации. Порой к положительному экономическому эффекту приводит желание потребителей приобретать благо, экономическая полезность которого незначительна. С учетом сложившихся тенденций стоит отметить также проблемные моменты и узкие места, возникающие в правовом поле, регулирующем вопросы интеллектуального труда, купли-продажи информационных продуктов, авторского права, а также спорных моментов относительно информационных преступлений, использования личных данных и т.п.

Современное общество преодолело долгий и активный путь развития. Результаты экономического роста отражаются во всех сферах. Трансформации наблюдаются в информационном секторе, реальном секторе экономики (наращивание объемов производства в сфере услуг), происходит активное взаимодействие учреждений образования и фирм. Рассмотрим показатели развития Республики Беларусь в условиях постиндустриальной экономики (таблица 1).

Таблица 1. – Динамика показателей объемов и темпов роста ВВП Республики Беларусь в 2016 – 2020 гг.¹

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020
Валовой внутренний продукт, млн руб.	94949	105748	122320	134732	147006
Темп роста ВВП	–	111,37	115,67	110,15	109,11

Примечание – приводятся данные на момент написания статьи.

На основании аналитических данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о положительной динамике ВВП Республики Беларусь на протяжении всего отчетного периода. Однако в период 2018 – 2020 гг. наблюдается тенденция сокращения темпов роста данного показателя. Учитывая последствия пандемии коронавируса, а также негативных факторов, сложившихся в результате внутренней и внешней политики государства, Республика Беларусь сохраняет стабильную положительную динамику роста валового внутреннего продукта, что свидетельствует об эффективной антициклической экономической политике государства.

В таблице 2 представлена динамика показателей, характеризующая сложившиеся тенденции на рынке труда Республики Беларусь в условиях развития постиндустриальной экономики, а также в условиях трансформации экономической сферы в индустрию 4.0.

Таблица 2. – Динамика показателей рынка труда Республики Беларусь в 2016 – 2020 гг.²

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего занято в экономике, тыс. чел.	4405,7	4353,6	4337,9	4334,2	4319,6
сфера производства, тыс. чел.	1760,2	1720,6	1709,7	1679,9	1672,8
сфера услуг, тыс. чел.	2645,5	2633,0	2628,2	2654,3	2646,8
Информация и связь, тыс. чел.	98,8	104,5	113,9	124,9	136,3
профессиональная, научная и техническая деятельность, тыс. чел.	136,5	140,2	137,3	141,9	151,8
Численность пенсионеров (на конец года), тыс. человек	2755	2729	2696	2666	2619

Примечание – приводятся данные на момент написания статьи.

На основании изученных данных и статистических показателей рынка труда Республики Беларусь в 2016 – 2020 гг., характеризующих экономику постиндустриального типа, автором сделан вывод о негативных тенденциях в сфере занятости.

В период 2016 – 2020 гг. произошло сокращение занятых в экономике на 86,1 тыс. человек, что составило 1,95%. За анализируемый период наблюдается тенденция сокращения доли занятых в сфере производства на 4,96%, что в абсолютном выражении составило 87,4 тыс. человек. Однако в сфере услуг до 2019 г. наблюдается тенденция увеличения количества занятых. В 2016 – 2020 гг. произошло сокращение количества пенсионеров на 4,94%, что в абсолютном выражении составило 136 тыс. человек. Основными факторами, повлекшими сокращение численности пенсионеров в Республике Беларусь в 2016 – 2020 гг. является естественная убыль населения, а также увеличение трудоспособного возраста. Количество занятых в сфере профессиональной, научной и технической деятельности в отчетном периоде увеличилось на 11,21%, что в абсолютном выражении составило 15,3 тыс. человек.

На рисунке 2 представлено изменение численности занятых в сферах услуг и производства в Республике Беларусь в 2016 и 2020 году.

¹ Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/>.

² Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. Регионы Республики Беларусь, 2021 (Т. 1). URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41220/

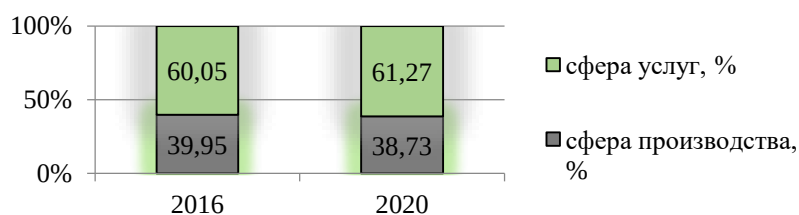

Рисунок 2. – Динамика численности занятых в сферах услуг и производства в экономике Республики Беларусь в 2016 и 2020 году

Данные рисунка 2 иллюстрируют сокращение доли занятых в сфере производства и увеличение количества занятых в сфере услуг. Учитывая, что такая тенденция на рынке труда страны сложилась на протяжении всего анализируемого периода, автором сделан вывод о благоприятной для экономики постиндустриального типа среде в Республике Беларусь. Кроме того, стоит отметить увеличение количества занятых в информационном секторе, а также профессиональной, научной и технической деятельности, что также является положительной тенденцией и соответствует всем требованиям развития индустрии 4.0.

На рисунке 3 представлена динамика уровня фактической безработицы в Республике Беларусь в 2016 – 2020 гг.

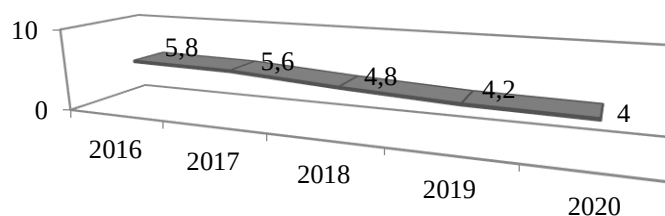

Рисунок 3. – Уровень фактической безработицы в Республике Беларусь в 2016 – 2020 гг. (по методологии МОТ), %

На основании анализа уровня фактической безработицы в Республике Беларусь в 2016 – 2020 гг. (по методологии МОТ) стоит отметить, что за анализируемый период произошло снижение данного показателя на 1,8%. Это может свидетельствовать о вовлечении рабочей силы в экономику или миграционном оттоке рабочей силы, которая нашла применение в другой экономической системе. Такой вывод автором сделан на основании отмеченной тенденции сокращения рабочей силы в Республике Беларусь в целом, тенденции сокращения пенсионеров, в связи с тем, что рабочая сила в молодом возрасте является более мобильной.

Для экономики постиндустриального типа весьма важным является подготовка кадров. В данном случае, поскольку для четверичного этапа трансформации экономики характерно увеличение объемов производства информационного сектора, сферы услуг информационного сектора, образования, рассмотрим динамику профессорско-преподавательского состава в учреждениях образования Республики Беларусь в 2016 – 2020 гг. в таблице 3.

Таблица 3. – Динамика профессорско-преподавательского состава в учреждениях высшего образования Республики Беларусь в 2016 – 2020 гг.³

Показатель	2016/17 гг.	2017/18 гг.	2018/19 гг.	2019/20 гг.	2020/21 гг.
Численность основного (штатного) персонала	21623	20871	20256	19943	19671
из них имеют ученую степень доктора наук	1337	1338	1318	1308	1223
кандидата наук	8505	8368	8264	8118	7995

Примечание – приводятся данные на момент написания статьи.

На основании анализа данных, представленных в таблице 3, в Республике Беларусь в 2016 – 2020 гг. выявлена тенденция сокращения профессорско-преподавательского состава в учреждениях высшего образования, что является негативной тенденцией для фундаментальных предпосылок развития высокообразованной рабочей силы, а соответственно является вызовом для постиндустриальной экономики и трансформации экономической сферы в сторону развития науки и технической деятельности. Кроме того, демографический возрастной состав высококвалифицированной рабочей силы, имеющих послевузовское образование, имеет высокий средний возраст, что в перспективе может стать негативным фактором и вызовом для производства прорывных инноваций и инновационной активности.

³ Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. Регионы Республики Беларусь, 2021 (Т. 1) URL https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41220/.

Заключение. В результате проведенного исследования можно говорить о том, что экономика Республики Беларусь на современном этапе развития с учетом сложившихся тенденций в области производства внутреннего валового продукта, развития рынка труда, находится на этапе трансформации к экономике постиндустриального типа, активно продвигаясь в этом направлении. Однако в перспективе рынок труда Республики Беларусь может столкнуться с общемировыми проблемами, связанными с развитием наукоемких производств, использованием искусственного интеллекта, роботизацией производственной сферы. Данные вызовы могут стать серьезной угрозой для занятых и требуют научного осмысления, а также разработки мер, способствующих их преодолению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковец, Ю.В. Цивилизации: прошлое и будущее : учеб. пособие / Ю.В. Яковец, Б.Н. Кузык, В.М. Филиппов. – М : Ин-т эконом. стратегий, 2008 – 576 с.
2. Жуков, В.Н. Философская энциклопедия. / В.Н. Жуков ; под ред. И.Т. Фролова – М. : Республика-Современник, 2009 – С. 295–296.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 2004. – 783 с.
4. Бжезинский, З. Между двумя веками: роль Америки в эпоху технетроники / З. Бжезинский. – М. : Викинг пресс, 1982. – 334 с.
5. Фурастье, Ж. Технический прогресс и капитализм с 1700 по 2100 год. Какое будущее ожидает человечество? / Ж. Фурастье // «Мир и социализм». – Прага, 1964. – С. 157–159.
6. Touraine, A. Alain Touraine edited by Jon Clark and Marco Diani / A. Touraine – London; Washington : Falmer Press, 1996 – 371 p.
7. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. [пер. с англ.]. – М. : Академический проект, 2003. – 528 с.

REFERENCES

1. Yakovets, Yu.V., Kuzyk, B.N., Filippov, V.M. (2008). *Civilizacii: proshloe i budushee*. Moscow: Institute for Economic Strategies. (In Russ).
2. Zhukov, V.N. (2009). *Filosofskaya enciklopediya*. In eds. I.T. Frolov. Moscow: Respublika-Sovremennik, 295–296. (In Russ).
3. Bell, D. (2004). *Gryadushee postindustrialnoe obschestvo: opyt socialnogo prognozirovaniya*. [The coming post-industrial society: the experience of social forecasting]. Eds. V. L. Inozemtseva. Moscow: Academia. (In Russ.).
4. Brzezinski, Z. (1982). *Mezhdv dvumya vekami: Americanskaya rol v epohu tehnetroniki*. [Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era]. Moscow: Viking press. (In Russ.).
5. Fourastier, J. (1964). *Tehnologicheskii progress i kapitalizm s 1700 po 2100. Kakoe chelovechestvo ozhidaet budushee?* In *Mir i socialism*. Prague, 157–159. (In Russ.).
6. Touraine, A. (1996). *Alain Touraine edited by Jon Clark and Marco Diani*. London; Washington: Falmer Press. (In Engl.).
7. Giddens, E. (2003). *Ustroenie obschestva: ocherk teorii structuracii*. [Organization of society: an outline of the theory of structuration]. Moscow: Academic project (In Russ., transl. from Engl.).

Поступила 19.09.2021

LABOR MARKET IN THE POST-INDUSTRIAL ECONOMY: GLOBAL CHALLENGES AND PROSPECTS

A. BAHĐANA

The article studies theoretical approaches to the category of "postindustrial" economy ". The historical context of the development and transformation of the economic spheres of society has been determined. The author analyzes the macroeconomic indicators of the Republic of Belarus. The indicators of the labor market of the Republic of Belarus in the conditions of the post-industrial economy are analyzed. The article describes the main tendencies of the post-industrial economy at the present stage of the development of society. The characteristic of the labor market of the Republic of Belarus in the conditions of the development of the post-industrial economy is given. The challenges and prospects of the labor market in the post-industrial economy have been identified.

Keywords: labor market, employment, unemployment, labor economics, post-industrial economy.

УДК 339.1:677

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-19-29

**ДИНАМИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ
ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ ТЕКСТИЛЯ ЕАЭС И БЕЛАРУСИ****К.Р. БЫКОВ***(Витебский государственный технологический университет)*ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9143-7843>

Статья посвящена исследованию сбалансированности внешней торговли товарами текстиля (С13) в двух направлениях: с одной стороны, ЕАЭС во взаимной торговле и торговле с третьими странами, с другой стороны, – Беларусь во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС и третьими странами. Проведен сравнительный анализ динамики и изменение структуры ключевых показателей внешней торговли в разрезе основных товарных групп, товаров и ключевых внешнеторговых партнеров. Автором выявлены причины и факторы, оказывающие негативное влияние на динамику сбалансированности внешней торговли текстилем ЕАЭС и Беларуси с целью принятия управленческих решений.

Ключевые слова: сбалансированность, экспорт, импорт, текстиль, ЕАЭС, взаимная торговля, внешняя торговля, товарная структура, товарная группа, географическая структура, географическая концентрация, географическая диверсификация.

Введение. В настоящее время, по прогнозным оценкам экспертов ВТО, наблюдается более высокие темпы восстановления объемов международной торговли товарами. Так, в 2020 г. объемы международной торговли, сократившиеся из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 (далее – пандемия) на 5,3%, могут вырасти в 2021 г. на 8% и еще на 4% в 2022 г.¹

Ключевыми субъектами мировых хозяйственных процессов сохраняются региональные интеграционные объединения. На постсоветском пространстве важное значение придается Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), однако сложившаяся геополитическая и экономическая ситуация требует интенсификации интеграционных процессов и повышения эффективности функционирования данной организации. До сих пор у ЕАЭС имеется ряд проблем, образовавшиеся с момента создания Таможенного союза: миграция рабочей силы и бизнеса, протекционизм в отношении производителей и др. Решение проблем требует не только совершенствования механизмов сотрудничества и оформление институтов интеграционной организации, но и поиска внутренних резервов в каждой стране, входящей в ЕАЭС.

Для национальной экономики Беларуси из-за отсутствия природных ресурсов приходится ограничивать закупку внешних ресурсов и стремиться максимально наращивать экспорт товаров и услуг, так как степень сбалансированности внешней торговли отражает состояние положительного сальдо по внешней торговле, позволяющего улучшить динамику платежного баланса страны по счету текущих операций и обеспечить поступление иностранной валюты для решения актуальных внутриэкономических задач.

Целью настоящей работы является сравнительный анализ сбалансированности внешней торговли товарами текстиля государств-членов ЕАЭС и Республики Беларусь во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС и третьими странами для принятия практических решений. В качестве объекта исследования в статье выбраны региональное интеграционное объединение (ЕАЭС) и Республика Беларусь, а предметом – основные макроэкономические показатели внешней торговли товарами текстиля.

Проблеме сбалансированности внешней торговли экономики Республики Беларусь посвящены исследования белорусских ученых: А.Е. Дайнеко, Т.С. Вертинской, Д.В. Береснева [1–3], М.В. Боровко [4], Н. Абрамчук [5], Г.Л. Вардеваняна, Е.А. Червинского [6], Г.А. Шмарловской [7], А.П. Левкович [8] и др. Ряд дискуссионных вопросов, связанных с изучением внешней торговли как источника сбалансированного экономического роста, рассмотрены в работах ученых России: А.Ю. Кнобеля, А.Н. Спартака, М.А. Баевой, Ю.К. Зайцева, А.Д. Левашенко, А.Н. Лощенко, О.П. Пономаревой, К.А. Прока [9], И.В. Закирова [10].

Не вступая в дискуссию относительно причинно-следственной связи между категориями «сбалансированность развития» и «сбалансированность внешней торговли», считаем, что *сбалансированность внешней торговли* вытекает из предложенного нами определения сбалансированности развития предприятия [11], где отмечено, что одним из условий сбалансированности развития является опережающий рост экспорта над импортом, обеспечивающий вклад системы в экономический рост без создания торговых и бюджетных дисбалансов. Так, одной из стратегических целей в Программе деятельности Правительства Беларуси на 2016–2020 гг. ставилось обеспечение сбалансированности внешней торговли за счет наращивания экспорта не менее 65% произведенной продукции [3]. Вместе с тем под диспропорциями подразумевается несоответствие темпов развития отдельных частей системы в результате чего часть общего продукта (товара) остается невостребованной. В экономической системе диспропорции ведут к непроизводительным потерям рабочего времени, капиталов и материальных ресурсов [12].

¹ ВТО: Международная торговля восстанавливается быстрее, чем ожидалось [Электронный ресурс] // Новости ООН. Глобальный взгляд Человеческие судьбы. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1400002>.

Методическая схема исследования внешней торговли текстилем ЕАЭС и Беларуси основана на анализе динамики и структуры показателей внешней торговли [13], ключевая роль которых состоит в последовательном решении поставленных задач:

- 1) оценка динамики объемов внешнеторгового оборота и сальдо, экспорта и импорта, темпов их роста и выявление факторов изменения данных показателей;
- 2) изучение особенностей и динамики товарной структуры внешней торговли, выступающей ключевым фактором сбалансированности объемов внешней торговли и обуславливающей территориальные особенности ее распределения. Ключевыми параметрами являются удельный вес товарной группы в объемах экспорта и импорта и его динамика;
- 3) анализ географической (страновой) структуры внешней торговли изучаемых интеграционных объединений и отдельных государств.

Информационной базой послужили статистические данные Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) за 2015 – 2020 гг. и классификатор товаров единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), разработанный на базе Гармонизированной системы описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации².

Основная часть. Рассмотрим динамические и структурные изменения сбалансированности внешней торговли товарами текстиля государств-членов ЕАЭС по направлениям торговли.

Интенсивность взаимной и внешней торговли текстильными товарами ЕАЭС в целом. Динамика внешней торговли товарами текстиля ЕАЭС свидетельствует о том, что в целом стоимостный объем товарооборота непрерывно повышался с 4,5 млрд долл. США в 2015 г. до 6 млрд долл. США в 2020 г., при этом в 2020 г. прослеживается снижение его на 0,5 млрд долл. США по сравнению с 2019 г. Интенсивность роста экспортных потоков текстильных товаров была ниже импортных потоков за последние 6 лет (кроме 2017 г.). Это свидетельствует о том, что рост товарооборота текстильных товаров ЕАЭС обеспечивался за счет импортных поставок текстильных товаров. В результате отрицательное сальдо внешней торговли текстильными товарами увеличилось с 2,4 млрд долл. США в 2015 г. до 3,3 млрд долл. США в 2020 г., наибольшая величина которого сложилась в 2019 г. (таблица 1).

Таблица 1. – Динамика внешней торговли товарами текстиля в целом по ЕАЭС во взаимной торговле и торговле с третьими странами за 2015 – 2020 гг., млн долл. США

Показатель	Год						Темп роста (%) к 2015 г.				
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Оборот	4 501,6	4 944,2	5 914,3	6 519,1	6 561,3	6 022,8	109,8	131,4	144,8	145,8	133,8
Экспорт	1 030,9	1 125,4	1 368,8	1 441,6	1 432,9	1 351,8	109,2	132,8	139,8	139,0	131,1
Импорт	3 470,7	3 818,9	4 545,5	5 077,5	5 128,4	4 671,0	110,0	131,0	146,3	147,8	134,6
Сальдо	-2 439,9	-2 693,5	-3 176,8	-3 635,0	-3 695,5	-3 319,3	110,4	130,2	149,0	151,5	136,0

Источник: составлено автором по данным ЕЭК².

В то же время следует заметить, что развитие внешней торговли во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС и странами вне ЕАЭС в 2020 г. замедлилось на 8,2% к 2019 г. и достигло 6,0 млрд долл. США. Определяющим фактором снижения внешней торговли товарами текстиля стало сокращение на 8,9% объема импортных поставок, что связано, прежде всего, с пандемией.

Распределение общих объемов внешней торговли товарами по направлениям торговли и вклад стран-партнеров ЕАЭС в изменение внешнеторгового сальдо. Наибольшую долю в распределении совокупного товарооборота текстиля государств-членов ЕАЭС во взаимной торговле и с третьими странами за 2015 – 2020 гг. занимает Россия (59,5%), а на второй позиции разместилась Беларусь – около 25%. Их общая доля в распределении совокупного товарооборота текстиля составила 84,3%, при этом во взаимных поставках текстиля на эти страны приходилось около 11% на каждую (таблица 2).

Таким образом, наибольшая доля товарооборота текстиля среди государств-членов ЕАЭС приходилась на торговлю с третьими странами – 76,1% (см. таблицу 2). Наибольший вклад в это распределение вносила Россия. В целом по ЕАЭС распределение товарооборота текстиля характеризуется несбалансированностью, что обусловлено высокой диспропорцией в товарообороте России во взаимной торговле и наибольшей ориентированности на рынок с третьими странами.

Кроме того, пропорции распределения совокупного товарооборота ЕАЭС свидетельствует о низкой вовлеченности государств-членов во взаимную торговлю текстильными товарами в рамках интеграционного объединения. По итогам таблицы 2 наиболее сбалансированный товарооборот текстиля за последние 6 лет демонстрировала только Беларусь, с государствами – членами ЕАЭС ее доля составила 10,5%, с третьими странами – 14,3%.

² Статистические таблицы внешней и взаимной торговли [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx

Таблица 2. – Распределение совокупного товарооборота текстиля среди государств-членов ЕАЭС за 2015 – 2020 гг.

Представители ЕАЭС	Товарооборот стран-членов ЕАЭС во взаимной торговле и торговле с третьими странами		Товарооборот стран-членов ЕАЭС во взаимной торговле		Товарооборот стран – членов ЕАЭС за шесть лет с третьими странами	
	Млн долл. США	Доля, %	Млн долл. США	Доля, %	Млн долл. США	Доля, %
Россия	20 513,1	59,5	3 700,1	10,7	16 813,0	48,8
Беларусь	8 542,1	24,8	3 617,5	10,5	4 924,6	14,3
Казахстан	2 741,3	8,0	705,3	2,0	2 036,0	5,9
Кыргызстан	1 979,8	5,7	133,1	0,4	1 846,7	5,4
Армения	687,2	2,0	86,2	0,3	601,0	1,7
Всего	34 463,3	100	8 242,1	23,9	26 221,3	76,1

Источник: составлено автором по данным ЕЭК³.

Величина отрицательного сальдо текстильных товаров в целом по ЕАЭС в 2020 г. увеличилось на 0,88 млрд долл. США. к 2015 г. Его абсолютное изменение и относительный вклад по каждой стране-партнеру ЕАЭС ранжирован по значимости влияния в порядке убывания (таблица 3).

Таблица 3. – Вклад государств-членов ЕАЭС в изменение внешнеторгового сальдо текстильных товаров во взаимной торговле и торговле с третьими странами в 2015 и 2020 гг.

Представитель ЕАЭС	Сальдо, млн долл. США		Изменение сальдо, млн долл. США	Вклад, %
	2015 г.	2020 г.		
Сальдо текстильных товаров, в т. ч.:	-2 439,85	-3 319,27	-879,42	-100,0
Россия	-2 181,26	-2 673,74	-492,48	-56,0
Беларусь	100,53	-95,95	-196,48	-22,3
Казахстан	-159,49	-283,21	-123,72	-14,1
Кыргызстан	-119,59	-168,19	-48,6	-5,5
Армения	-80,04	-98,18	-18,14	-2,1

Источник: составлено автором по данным ЕЭК⁴.

Наибольший отрицательный вклад в изменение сальдо текстильных товаров ЕАЭС в целом по направлениям торговли внесла Россия (-492,5 млн долл. США, или 56%). Довольно существенное ухудшение сальдо текстильных товаров имело место в Беларуси в 2020 г. – -96 млн долл. США при положительном сальдо в 2015 г., что отразилось на общем увеличении отрицательного сальдо текстильных товаров на 196,5 млн долл. США или 22,3% от общего вклада. На третьей позиции разместился Казахстан с увеличением отрицательного сальдо на 123,7 млн долл. США, что эквивалентно вкладу в размере 14,1% от общего снижения сальдо внешней торговли текстильными товарами.

Структурные изменения экспортно-импортных потоков текстильных товаров в целом по ЕАЭС и в разрезе государств-членов ЕАЭС по направлениям торговли. За 2015 – 2020 гг. доля экспорта текстильных товаров ЕАЭС в целом характеризуется сбалансированностью, в среднем 52,2% экспортных поставок текстильных товаров было реализовано во взаимной торговле. Вместе с тем, на долю импорта текстильных товаров во взаимной торговле между государствами-членами ЕАЭС в среднем за последние 6 лет приходится только 15,7%. Наиболее весомым этот показатель был в 2020 г. – 16,5% в общем объеме импортных закупок текстиля. Следует констатировать сохраняющуюся за период исследования высокую (в среднем 84%) зависимость ЕАЭС от импортных поставок текстиля из третьих стран.

В разрезе государств-членов ЕАЭС сложившиеся пропорции экспорта и импорта текстильных товаров во взаимной торговле и торговле с третьими странами за последние 6 лет свидетельствуют о том, что более половины экспортных взаимных поставок приходится на Армению (с 2016 г.), Беларусь и Россию (с 2019 г.), при этом наибольшая доля экспорта текстиля с третьими странами прослеживается в Казахстане и Кыргызстане (с 2016 г.). Следовательно, структура экспортных поставок текстильных товаров в разрезе представителей ЕАЭС по направлениям торговли характеризуется несбалансированностью по сравнению со структурой экспортных потоков в целом по ЕАЭС. Также высокими перекосами характеризуются импортные поставки текстильных товаров среди стран-партнеров ЕАЭС как во взаимной торговле, так и в торговле с третьими странами, обусловленные значительной долей импортных потоков текстильных товаров с третьими странами. Таким образом, во всех государствах-членах ЕАЭС главной проблемой выступает высокая доля импорта текстильных товаров из третьих стран и ее тенденция роста в Казахстане с 68,6% в 2016 г. до 72,6% в 2019 г., Кыргызстане с 93,8% в 2015 г. до 98,1% в 2018 г. и России – с 85,7% в 2016 г. до 86,8% в 2020 г. Кроме того, во всех странах-членах ЕАЭС (кроме Казахстана) сохраняется ключевая диспропорция в экспортных и импортных поставках текстильных товаров за последние 6 лет, заключающаяся в значительном превышении доли импортных потоков текстильных товаров из третьих стран по сравнению с долей их экспорта в третьи страны.

³ Статистические таблицы внешней и взаимной торговли [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx.

⁴ Там же.

Товарный состав и товарная структура текстильных товаров ЕАЭС в разрезе основных товарных групп по направлениям торговли. Стоимостный объем экспорта текстильных товаров во взаимной торговле между странами-партнерами ЕАЭС вырос с 515,7 млн долл. США в 2015 г. до 736,6 млн долл. США в 2020 г. Наибольший удельный вес в структуре экспорта текстильных товаров занимают следующие товарные группы: 56 (Вата, войлок или фетр и нетканые материалы; специальная пряжа; бечевки, веревки, канаты и тросы и изделия из них), 55 (Химические волокна), 54 (Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов), 52 (Хлопок) и 60 (Трикотажные полотна машинного или ручного вязания) – около 75% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля снизилась на 2,6 п.п. Это обусловлено снижением экспортных поставок товарной группы 60 во взаимной торговле, ростом товарной группы 59 (Текстильные материалы, пропитанные, с покрытием или дублированные; текстильные изделия технического назначения) и негативным влиянием других экономических факторов. Снизилась за последние 6 лет доля товарных групп 55 (на 6,0 п.п.), 54 (на 3,1 п.п.), 52 (на 2,1 п.п.) и 59 в общем объеме экспортных потоков во взаимной торговле. Увеличился удельный вес экспорта во взаимной торговле товарной группы 56 (с 14,8 до 20,2%), 60 (с 9,1% в 2018 г. до 12,4%) и других товарных групп (с 22,2 до 25,4%). Стоимостный объем импорта текстильных товаров во взаимной торговле ЕАЭС вырос с 540 млн долл. США в 2015 г. до 769,3 млн долл. США в 2020 г. Наибольший удельный вес в структуре импорта текстильных товаров занимают товарные группы: 56, 55, 54, 52 и 59 – 73,1% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля снизилась на 6,1 п.п. Это обусловлено снижением импортных потоков во взаимной торговле товарных групп 54, 55 и 59, а также негативным влиянием пандемии и другими факторами. За последние 6 лет просматривается снижение доли товарных групп 55 (на 4,9 п.п.), 54 (на 5,5 п.п.), 52 (на 2,5 п.п.) и 59 в общем объеме импортных потоков во взаимной торговле. Увеличился удельный вес импорта во взаимной торговле товарной группы 56 (с 13,5 до 18,9%). Сальдо взаимной торговли текстильных товаров ЕАЭС за анализируемый период сложилось отрицательным и снизилось на 8,4 млн долл. США (с 24,3 млн долл. США в 2015 г. до 32,7 млн долл. США в 2020 г.). Наибольший отрицательный вклад в снижение сальдо взаимной торговли ЕАЭС внесли основные товарные группы: 52, 54, 59, а также 60 (в 2019 г. и 2020 г.), 56 (в 2018 г. и 2019 г.) и 55 (в 2016 г.).

Таким образом, товарная структура экспортно-импортных потоков текстильных товаров во взаимной торговле государств-членов ЕАЭС в разрезе основных товарных групп за последние 6 лет характеризуется несбалансированностью, о чем свидетельствуют отрицательные вклады основных товарных групп (52, 54, 59 и др.) в сальдо взаимной торговли, сохраняется низкая степень товарной диверсификации: на 6 ведущих товарных групп текстиля приходится около 74% всего товарооборота во взаимной торговле ЕАЭС. Кроме того, во взаимной торговле стран-членов ЕАЭС по-прежнему преобладают товары, характеризующиеся невысокой степенью переработки и ее простотой (продукция нижних переделов) с низкой добавленной стоимостью.

За последние 6 лет стоимостный объем экспорта текстильных товаров ЕАЭС с третьими странами вырос с 515,2 млн долл. США в 2015 г. до 615,1 млн долл. США в 2020 г. Наибольший удельный вес в структуре экспорта текстильных товаров занимают товарные группы 56, 52, 54, 55 и 53 (Прочие растительные текстильные волокна; бумажная пряжа и ткани из бумажной пряжи) – 85,4% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля увеличилась на 2,5 п.п. Это обусловлено ростом экспортных поставок текстиля ЕАЭС в третьи страны товарных групп 56 (с 17,9 до 23,6%) и 52 (с 16,7 до 21,9%). С 2015 г. по 2020 г. снизилась доля товарных групп 55 (на 2,2 п.п.), 54 (на 1,2 п.п.) и 53 (на 4,9 п.п.) в общем объеме экспорта текстиля ЕАЭС в третьи страны. Следовательно, наблюдается негативная тенденция, характеризующаяся наращиванием экспортных потоков за счет нескольких товарных групп. В экспорте текстильных товаров в страны вне ЕАЭС по-прежнему преобладают товары с невысокой степенью переработки (сырьевая продукция). Следует отметить, что стоимостной объем импорта текстильных товаров ЕАЭС с третьими странами вырос с 2 930,7 млн долл. США в 2015 г. до 3 901,7 млн долл. США в 2020 г. Наибольший удельный вес в структуре импорта текстильных товаров ЕАЭС из третьих стран занимают товарные группы 54, 52, 55, 56 и 60 – около 77% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля снизилась на 0,9 п.п. Это снижение импортных потоков текстиля из третьих стран за последние 6 лет сложилось за счет товарной группы 55 (на 4 п.п.) и 56 (на 0,4 п.п.). При этом устойчивое наращивание удельного веса импорта ЕАЭС из третьих стран наблюдалось только по товарной группе 60 (с 11,3 до 14,9%). Сальдо внешней торговли текстильными товарами ЕАЭС с третьими странами за анализируемый период сложилось отрицательным (с 2 415,5 млн долл. США в 2015 г. до 3 286,6 млн долл. США в 2020 г.). Отрицательный вклад в снижение сальдо внешней торговли текстильными товарами ЕАЭС с третьими странами внесли все основные товарные группы, кроме 53 и 59 за весь период исследования.

Таким образом, товарная структура экспортно-импортных потоков текстильных товаров ЕАЭС с третьими странами в разрезе основных товарных групп за последние 6 лет характеризуется несбалансированностью, о чем свидетельствуют отрицательные вклады товарных групп 54, 60, 55, 52 и др. во внешнеторговое сальдо и низкая степень товарной диверсификации: на 5 ключевых товарных групп текстиля приходится около 77% всего товарооборота ЕАЭС с третьими странами. Такая ситуация может вызывать нестабильность поступления валютных средств, когда экспорт какой-либо товарной группы, входящей в пятерку ведущих, будет по конъюнктурным причинам снижаться.

Динамика стоимостных объемов экспортно-импортных потоков текстильных товаров ЕАЭС и их структура в разрезе ключевых внешнеторговых партнеров. Результаты динамики стоимостных объемов экспорта и импорта текстильных товаров стран-членов ЕАЭС и их структуры с ключевыми внешнеторговыми партнерами позволяют отметить, что стоимостный объем экспорта текстильных товаров ЕАЭС с 2015 г. увеличился на 90,9 млн долл. США (на 17,6%) – до 605,9 млн долл. США в 2020 г. При этом в 2020 г. стоимостный объем экспорта текстиля снизился на 77,7 млн долл. США (на 11,4%) по сравнению с 2019 г. За анализируемый период ключевыми покупателями

текстильных товаров ЕАЭС выступают Украина, Китай, Турция, Литва, Латвия, Польша, Германия, Узбекистан, Индия и Нидерланды, на долю которых в среднем приходится 67,3% всех поставок. Географическая структура экспорта текстиля ЕАЭС по итогам 2015 г. и 2020 г. характеризуется изменениями распределения долей в общем объеме поставок в третьи страны: Украина (с 14,8 до 16,4%), Турция (с 7,8 до 11,9%), Китай (с 9 до 7,6%), Латвия (с 5,6 до 5,8%), Польша (с 5,3 до 6,4%), Литва (с 8,6 до 5,8%), Германия (с 4,8 до 3,4%), Индия (с 3,8 до 2,6%) и др. Сохраняется высокий уровень географической концентрации экспорта, что указывает на существенную зависимость ЕАЭС от состояния экономик третьих стран. Так, на пять ключевых партнеров (Украину, Турцию, Китай, Польшу и Латвию) приходилось в 2020 г. около 50% всех экспортных поставок текстиля.

Следует отметить, что в 2020 г. стоимостный объем импорта текстиля ЕАЭС из третьих стран увеличился на 965,4 млн долл. США (на 32,9%) до 3 894,9 млн долл. США по сравнению с 2015 г., в то время, как по сравнению с 2019 г. было зафиксировано снижение импорта на 453 млн долл. США (темпы снижения импорта составили 10,4%). Важнейшими импортерами текстиля в ЕАЭС выступают Китай, Турция, Узбекистан, Германия, Италия, США, Япония, Бельгия, Польша и Республика Корея, на долю которых в среднем приходится 77,2% всех поставок за последние 6 лет. Географическая структура импорта текстильных товаров ЕАЭС свидетельствует о доминирующем положении Китая, удельный вес которого непрерывно увеличивался с 28,4% в 2015 г. до 39% в 2019 г., при этом в 2020 г. наблюдалось снижение его доли до 37,7%. Географическая структура других крупных поставщиков импорта текстильных товаров в ЕАЭС по итогам 2015 г. и 2020 г. характеризуется следующими структурными изменениями: Турция (с 12,7 до 12,3%), Узбекистан (с 9,4 до 11,4%), Германия (с 5,2 до 4%), Италия (с 4 до 3,4%), США (с 4 до 2%), Япония (с 3,2 до 1,6%), Республика Корея (с 3 до 3,3%), Бельгия (с 2 до 1,9%) и Польша (с 2 до 1,7%). Для импорта текстиля ЕАЭС характерна более высокая страновая концентрация по сравнению с экспортом их в третьи страны. Так, около 70% всех импортных поставок текстильных товаров сосредоточено на пяти первых странах, что свидетельствует о еще более слабой географической диверсификации импорта ЕАЭС и указывает на высокую зависимость импортного текстиля от нескольких стран-поставщиков – Китая и Турции. Причинами низкой диверсификации экспортно-импортных потоков текстиля ЕАЭС в географическом разрезе является специализация экспорта ряда государств-членов, сохраняющаяся с 1990-х гг., а также требования, принятые в законодательстве интеграционных объединений (ЕС) и международных организаций (ВТО) в отношении внешней торговли товарами (высокие таможенные пошлины, квоты, требования по уровню экологической чистоты товаров).

Рассмотрим динамические и структурные изменения сбалансированности внешней торговли текстильными товарами Республики Беларусь со странами-членами ЕАЭС и странами вне его.

Интенсивность внешней торговли текстильными товарами Беларуси в целом и во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС. Совокупный внешнеторговый оборот текстильных товаров Беларуси непрерывно повышался с 1 031,8 млн долл. США в 2015 г. до 1 626,6 млн долл. США в 2018 г., при этом с 2019 г. прослеживается снижение его до 1 444 млн долл. США в 2020 г. Интенсивность роста экспортных потоков текстиля была ниже импортных потоков за последние 5 лет. Это свидетельствует о том, что рост товарооборота текстильных товаров Беларуси обеспечивался за счет импорта. В результате сальдо внешней торговли текстильными товарами ухудшилось и с 2016 г. имеет отрицательное значение, наибольшая величина которого сложилась в 2019 г. (таблица 4).

Таблица 4. – Динамика внешней торговли текстильными товарами Беларуси во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС и третьими странами, млн долл. США

Показатель	Год						Темп роста (%) к 2015 г.				
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Оборот	1 031,8	1 271,5	1 545,7	1 626,6	1 622,5	1 444,0	123,2	149,8	157,6	157,2	139,9
Экспорт	566,2	609,6	701,6	752,4	729,4	674,0	107,7	123,9	132,9	128,8	119,0
Импорт	465,7	661,9	844,1	874,1	893,1	769,0	142,1	181,3	187,7	191,8	165,4
Сальдо	100,5	-52,2	-142,5	-121,7	-163,7	-96,0	–	–	–	–	–

Источник: составлено автором по данным ЕЭК⁵.

Исходя из направлений торговли, товарооборот текстиля Беларуси во взаимной торговле со странами-партнерами ЕАЭС непрерывно повышался с 477,3 млн долл. США в 2015 г. до 655,2 млн долл. США в 2018 г., с 2019 г. прослеживается снижение его до 632,2 млн долл. США в 2020 г. (таблица 5).

Таблица 5. – Динамика внешней торговли текстильными товарами Беларуси во взаимной торговле с государствами – членами ЕАЭС, млн долл. США

Показатель	Год						Темп роста (%) к 2015 г.				
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Оборот	477,3	552,1	653,6	655,2	646,9	632,2	115,7	136,9	137,3	135,5	132,5
Экспорт	323,5	393,0	457,9	465,9	450,8	432,8	121,5	141,5	144,0	139,4	133,8
Импорт	153,8	159,1	195,7	189,3	196,1	199,4	103,4	127,2	123,1	127,5	129,6
Сальдо	169,7	234,0	262,2	276,6	254,7	233,4	137,8	154,5	163,0	150,1	137,5

Источник: составлено автором по данным ЕЭК⁶.

⁵ Статистические таблицы внешней и взаимной торговли [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx.

⁶ Там же.

Из таблицы 5 видим, что интенсивность роста экспортных поставок текстильных товаров была выше импортных потоков за весь период исследования. Это свидетельствует о том, что за последние 6 лет рост товарооборота текстильных товаров Беларуси во взаимной торговле был обусловлен за счет экспорта. В результате сальдо взаимной торговли текстильными товарами со странами-партнерами для Беларуси складывалось положительным, наибольшая величина которого отмечалась в 2018 г.

Вместе с тем, в разрезе стран-членов ЕАЭС за последние 6 лет наблюдается разнонаправленная динамика изменения показателей внешней торговли текстильными товарами с Республикой Беларусь. Так, рост товарооборота по сравнению с 2015 г. составил: с Россией – 633,5 млн долл. США в 2018 г. (прирост на 169,1 млн долл. США или на 36,4 %), Казахстаном – до 20 млн долл. США в 2020 г. (прирост на 11,7 млн долл. США или в 2,4 раза), Кыргызстаном с 4 млн долл. США до 7,3 млн долл. США в 2018 г. (прирост на 3,3 млн долл. США или в 1,8 раза) и Арменией – до 1,7 млн долл. США в 2019 г. (прирост на 1,2 млн долл. США или в 3,4 раза).

Распределение товарооборота текстиля Беларуси во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС и структурные изменения экспортно-импортных потоков по направлениям торговли. Наибольшую долю в распределении товарооборота текстиля Беларуси во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС за 2015 – 2020 гг. занимает Россия – 96,9%, на второй позиции Казахстан – 2,2%. Их общая доля в распределении товарооборота текстиля составила 99,1% (таблица 6).

Таблица 6. – Распределение товарооборота текстиля Беларуси во взаимной торговле между странами-партнерами ЕАЭС за 2015 – 2020 гг.

Представитель ЕАЭС	Товарооборот Беларуси с государствами-членами ЕАЭС во взаимной торговле	
	Млн долл. США	Доля, %
Россия	3 504,2	96,9
Казахстан	81,2	2,2
Кыргызстан	27,3	0,8
Армения	5,1	0,1
Всего	3 618,0	100

Источник: составлено автором по данным ЕЭК⁷.

Из таблиц 5 и 6 следует, что положительное сальдо взаимной торговли текстильными товарами Беларуси со странами ЕАЭС было сформировано в основном экспортно-импортными поставками с Россией. С одной стороны, сложившаяся ситуация во взаимной торговле Беларуси с Россией объясняется глубокими интеграционными процессами в рамках Союзного государства, происходящими за последние 20 лет, объемами взаимной торговли кооперационными товарами и их доли в общих объемах взаимного экспорта и другими экономическими факторами. С другой стороны, белорусский товарооборот текстиля указывает на высокую зависимость экспортно-импортных потоков от российского рынка и рисках изменений их в перспективе. Это обусловлено наибольшей ориентированностью товарооборота России на рынок с третьими странами. За последние 6 лет в среднем доля российского экспорта текстильных товаров в страны вне ЕАЭС составила 52,6%, а доля импорта из третьих стран – 86,5%. Среди причин такого положения можно выделить присоединение России к ВТО, что повлекло снижение таможенно-тарифной защиты ЕАЭС, а также политика, направленная на развитие импортозамещающих производств и их субсидирование государством [3].

За последние 5 лет структурные изменения экспорта текстиля Беларуси с ЕАЭС по направлениям торговли характеризуются несбалансированностью, о чем свидетельствуют их пропорции по сравнению с 2015 г. Структура объемов взаимной торговли текстилем Беларуси в разрезе государств-членов ЕАЭС характеризуется очень низкой страновой диверсификацией, что обусловлено доминирующим положением в экспортно-импортных потоках текстиля одной страны-контрагента – России (около 97%). Кроме того, на фоне увеличения доли экспорта текстиля Беларуси за последние 6 лет во взаимной торговле со странами ЕАЭС с 57,1% в 2015 г. до 64,2% в 2020 г. наблюдается усиление доли импортных поставок текстиля из третьих стран с 67% в 2015 г. до 74,1% в 2020 г. За весь период исследования прослеживается диспропорция в превышении доли импорта текстиля Беларуси из стран вне ЕАЭС (в среднем 75%) по сравнению с долей экспорта текстиля во взаимной торговле с ЕАЭС (в среднем 62,5%).

Товарный состав и товарная структура текстильных товаров Беларуси во взаимной торговле с Россией в разрезе товарных групп и основных видов товаров. За 2015 – 2020 гг. стоимостный объем экспорта текстиля Беларуси во взаимной торговле с Россией вырос с 312,6 млн долл. США в 2015 г. до 420 млн долл. США в 2020 г. Наибольший удельный вес в структуре экспорта текстиля в Россию занимают товарные группы: 55, 60, 54, 56 и 57 (Ковры и прочие текстильные напольные покрытия) – 77,3% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля незначительно снизилась на 0,3 п.п. Ключевым латентным фактором, оказавшим влияние на структуру экспорта основных товарных групп, стало значительное перераспределение удельных весов между основными товарными группами. За последние 6 лет существенно сократилась доля белорусского экспорта текстиля в Россию основных товарных групп: 55 (с 25,8 до 19,8%) и 54 (с 23,6 до 15,9%), при этом наблюдалось значительное увеличение

⁷ Статистические таблицы внешней и взаимной торговли [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx.

удельного веса 60 (с 5,5 до 17%) и 56 (с 11,6 до 14,5%) в общем объеме экспортных потоков во взаимной торговле. Следовательно, в товарной структуре экспорта текстиля Беларуси с Россией наблюдается повышение доли текстильных товаров, характеризующиеся достаточно глубокой переработкой исходных материалов (продукция средних переделов) с высокой добавленной стоимостью. За исследуемый период стоимостный объем импорта текстильных товаров из России в Беларусь вырос на 35,5 млн долл. США (на 23,4%) до 187,4 млн долл. США в 2020 г. Наибольший удельный вес в структуре импорта текстиля занимают товарные группы: 56, 52, 54 и 55 – их доля составляет 67,3% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. наблюдалось ее увеличение на 4,3 п.п. Это обусловлено ростом доли российских поставок импорта текстиля на белорусский рынок товарных групп 56 (с 14,1 до 20,3%) и 52 (с 15,3 до 18,6%) в общем объеме импорта текстиля. За последние 6 лет наблюдается снижение доли импорта по основным товарным группам 54 (с 17,2 до 15,2%) и 55 (с 16,4 до 13,2%) в общем объеме импорта текстиля Беларуси с Россией. Сальдо взаимной торговли текстилем двух государств с 2015 г. по 2020 г. сложилось положительным, его прирост составил около 72 млн долл. США (на 23,4%) до 232,6 млн долл. США в 2020 г. Наибольший положительный вклад по основным товарным группам внесли 55 и 54 группы, их доля составила около 42% в 2020 г. По сравнению с 2015 г. их общая доля вклада снизилась на 22,6 п.п. за счет существенного роста вклада товарной группы 60 (с 6,2 до 22,7%). На снижение вклада в сальдо взаимной торговли текстилем за последние 6 лет оказывала товарная группа 52 (-5,6 в 2015 г. и -5,3% в 2020 г.).

За период с 2015 г. по 2020 г. наибольший удельный вес в структуре белорусского экспорта текстильных товаров в Россию занимают 3–4 вида товаров: нити комплексные синтетические (5402), волокна синтетические нечесанные (5503), нетканые материалы (5603) и трикотажные полотна машинного или ручного вязания прочие (6006) – около 44% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля существенно увеличилась на 5,8 п.п. (за счет товаров 6006 и 5603). За последние 6 лет снизилась доля тканей хлопчатобумажных с добавлением химических волокон (5211), жгута синтетических нитей (5501), пряжи из синтетических волокон (5509) и др. основных видов товаров в общем объеме экспорта. В товарной структуре импорта текстильных товаров Беларуси из России в 2015 – 2020 гг. доминирующее положение занимают 4–5 вида товаров: ткани из синтетических комплексных нитей (5407), (5603), ткани хлопчатобумажные (5208), а также вата (5601) и шерсть нечесаная (5101) – около 41% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля увеличилась на 1,4 п.п. (за счет товаров 5601 и 5208). Кроме того, из основных видов товаров снизилась доля тканей из шерстяной пряжи аппаратного прядения (5111) и ткани синтетических с добавлением прочих волокон (5515) в общем объеме импорта текстильных товаров.

Таким образом, товарная структура экспортно-импортных потоков текстиля во взаимной торговле Беларуси и России в разрезе основных товарных групп за последние 6 лет характеризуется сбалансированностью, о чем свидетельствуют результаты положительного вклада основных товарных групп (55, 54, 60, 57 и др.) в сальдо взаимной торговли, на фоне сохраняющейся низкой степени товарной диверсификации: на 6 ведущих товарных групп текстиля приходится 81,4% всего товарооборота между двумя странами, что в результате может привести к экономическим рискам в долгосрочной перспективе. В товарной структуре импорта текстиля из России наблюдается тенденция снижения доли текстиля средних переделов с высокой добавленной стоимостью на фоне увеличения его доли в экспорте.

Динамика и структура объемов внешней торговли текстильными товарами Беларуси со странами вне ЕАЭС в разрезе товарных групп и основных видов товаров. За последние 6 лет стоимостный объем белорусского экспорта текстильных товаров с третьими странами незначительно снизился на 1,3 млн долл. США (0,5%) – до 241,3 млн долл. США в 2020 г., при этом в 2019 г. наблюдался существенный прирост стоимостного объема экспорта текстиля на рынок стран вне ЕАЭС на 36,1 млн долл. США (около 15%) до 278,7 млн долл. США сравнению с 2015 г. Это объясняется улучшением рыночной конъюнктуры на внешних товарных рынках в 2019 г. и ухудшением ситуации на них в 2020 г., обусловленной, прежде всего, негативным влиянием пандемии. Вместе с тем наибольший удельный вес в структуре экспорта текстиля занимают товарные группы 55, 54, 53 (Прочие растительные текстильные волокна; бумажная пряжа и ткани из бумажной пряжи), а также 56 и 59 (93%), в том числе доля первых трех товарных групп составляет около 73% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля в целом сохранялась на прежнем уровне, при этом доля первых трех товарных групп существенно снизилась на 7,7 п.п. Это обусловлено снижением удельного веса экспортных поставок в третьи страны белорусского текстиля товарных групп 53 (с 26,5 до 21,5%) и 55 (с 29,7 до 26,5%) в общем объеме экспорта в третьи страны. Следовательно, наметилась положительная тенденция, характеризующаяся сокращением экспортных потоков за счет нескольких товарных групп. Однако, сложившаяся динамика изменения структуры текстиля по ключевым товарным группам объясняется изменениями в структуре товарных групп 53 и 54 и влиянием других факторов в 2020 г. Кроме того, в белорусском экспорте текстиля в третьи страны по-прежнему преобладает высокая доля товаров, характеризующихся невысокой степенью переработки с низкой добавленной стоимостью. За последние 6 лет стоимостный объем импорта текстильных товаров Беларуси из третьих стран вырос на 258,9 млн долл. США (83%) до 570,7 млн долл. США в 2020 г. В товарной структуре импорта текстиля из третьих стран наибольшую долю занимают товарные группы 60, 54, 52, 55 и 56 (78,3%) в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля снизилась на 2,8 п.п. Это снижение импортных потоков за последние 6 лет сложилось за счет товарных групп 54 (с 25,7 до 17,5%), 52 (с 15,1 до 7,6%) и 56 (с 12,9 до 9,5%), что обусловлено перераспределением в структуре импортных товаров. Так, на фоне снижения доли импорта по ключевым товарным группам 52, 54 и 56 наблюдалось наращивание удельного веса только товарной группы 60 (с 17,9 до 34%). Сальдо внешней торговли текстилем Беларуси с третьими странами за последние 6 лет сложилось отрицательным, его величина уменьшилась на 260,2 млн долл. США (в 4,8 раза) до 329,4 млн долл. США в 2020 г. Наибольший отрицательный вклад внесли все основные товарные группы (особенно товарная группа 60), кроме товарных групп 55 и 53 за весь период исследования.

За 2015 – 2020 гг. наибольший удельный вес в структуре экспорта текстиля Беларуси в третьи страны занимают 3–5 вида товаров: (5402), (5503), (5501), а также ткани льняные (5309) и лен-сырец или лен обработанный (5301) – 70,2% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля увеличилась на 4,9 п.п. (в основном за счет товара 5503). В 2020 г. по основным видам товаров (5309, 5402 и 5501) наблюдалось снижение их по сравнению с 2019 г. Вместе с тем, наибольший удельный вес в структуре импорта текстильных товаров в республику из третьих стран занимают 4 вида товаров: (6006), (5402), (5407) и трикотажные полотна шириной более 30 см с эластаном (6004) – 43,4% в 2020 г., по сравнению с 2015 г. их доля увеличилась на 6,8 п.п. (в основном за счет товара 6006). В 2020 г. по основным видам товаров (5402, 5407 и 6004) наблюдалось снижение их поставок по сравнению с 2019 г.

Таким образом, по товарной структуре экспортно-импортных потоков текстильных товаров Беларуси со странами вне ЕАЭС в разрезе основных товарных групп за последние 6 лет можно наблюдать их несбалансированность, о чем свидетельствуют наибольшие отрицательные вклады основных товарных групп: 54, 60, 52 и 56 (особенно товарная группа 60) во внешнеторговое сальдо и низкий уровень товарной диверсификации: на 3 ключевые товарные группы текстильных товаров 60, 54 и 55 приходится около 58% всего товарооборота, что может создать риски нестабильности поступления валютных средств. Кроме того, импорт текстиля Беларуси демонстрирует негативную тенденцию увеличения доли основных товарных групп (особенно товарная группа 60), характеризующиеся достаточно глубокой переработкой исходных материалов (продукция средних переделов), на фоне преобладающей доли в экспорте текстиля с невысокой степенью переработки (продукция нижних переделов), что в результате не способствует увеличению доли товаров с высокой добавленной стоимостью. В товарной структуре экспорта и импорта текстильных товаров Беларуси с третьими странами в разрезе основных видов товаров сложились высокие диспропорции, заключающиеся в том, что доля экспорта 5 ключевых товарных групп составляет 93%, при этом 5 основных видов текстильных товаров охватывают 70,2% в общем объеме экспорта текстиля в третьи страны. В импорте диспропорция составляет 78,3% (5 товарных групп) при 43,4% (4 основных вида текстильных товаров) в общем объеме импорта текстиля из третьих стран.

Динамика стоимостных объемов экспортно-импортных потоков текстильных товаров Беларуси и их структура в разрезе ключевых внешнеторговых партнеров и основных видов товаров. В 2015 – 2020 гг. снижение стоимостного объема экспорта текстиля Беларуси составило 0,6% (1,5 млн долл. США) – до 241,2 млн долл. США в 2020 г. по сравнению с 2015 г. При этом в 2019 г. стоимостный объем экспорта текстильных товаров увеличился на 35,9 млн долл. США (14,8%) по сравнению с 2015 г. За анализируемый период ключевыми покупателями экспорта текстиля Беларуси выступали 10 стран: Украина, Литва, Польша, Турция, Германия, Нидерланды, Индия, Китай, Бельгия и Эстония на долю которых в среднем приходится 72,8% всех поставок. В географической структуре экспорта белорусского текстиля по итогам 2015 г. и 2020 г. наблюдалось увеличение удельного веса в общем объеме внешнеторговых поставок в страны: Украина (на 3,8 п.п.), Польша (на 3,5 п.п.), Турция (на 2,2 п.п.), при этом снижение доли экспорта товаров наблюдалось по таким странам, как Литва (на 1,8 п.п.), Германия (на 2 п.п.) и Нидерланды (на 2,2 п.п.).

Для экспорта текстиля Беларуси характерна более высокая географическая концентрация, чем у ЕАЭС в целом: на пять первых партнеров в 2020 г. приходилось 53,1% общего объема экспортных поставок. В 2020 г. стоимостный объем импорта текстиля Беларуси из стран вне ЕАЭС увеличился на 258,7 млн долл. США (на 83%) до 570,5 млн долл. США по сравнению с 2015 г., в то время как в 2019 г. было зафиксировано увеличение импорта на 385,2 млн долл. США (в 2,2 раза). Определяющее влияние на увеличение объемов импорта текстиля оказало увеличение импорта текстиля из Китая и Турции, занимающих в структуре импорта наибольшую долю. К 10-ти важнейшим странам-импортерам текстиля Беларуси относятся: Китай, Турция, Италия, Польша, США, Литва, Украина, Германия, Узбекистан и Бангладеш, на долю которых в среднем приходится 82,9% всех поставок за последние 6 лет. Географическая структура импорта свидетельствует о доминирующем положении Китая, доля которого увеличилась с 16,6% в 2015 г. до 35,5% в 2020 г. в общем объеме импортных закупок текстиля. В 2020 г. наблюдался рост доли импорта китайского текстиля по сравнению с 2019 г., что обусловлено структурными изменениями в импорте товаров ключевых стран-поставщиков: Турции, Италии и др. Также наибольшая доля импорта текстиля по итогам 2015 г. и 2020 г. поступала в республику из Турции (с 21,1 до 27,3%), Италии (с 8 до 4,9%) и Польши (с 7,3 до 4,7%). Географическая концентрация импорта текстильных товаров Беларуси была меньше по сравнению с импортом текстиля из третьих стран в ЕАЭС и сохранялась на одном уровне с экспортом текстиля Беларуси в третьи страны. Так, 53,1% всех импортных поставок текстиля сосредоточены на пяти первых странах. Это свидетельствует о том, что белорусскому импорту текстиля характерна также невысокая географическая диверсификация и указывает на сохраняющуюся высокую зависимость импортного текстиля от двух стран-поставщиков – Китая и Турции.

По нашему мнению, основными причинами низкой диверсификации экспортно-импортных потоков текстиля Беларуси в географическом разрезе являются сохраняющаяся высокая специализация белорусского экспорта текстиля, основанная на узком перечне товарных видов и товарных групп; высокий физический износ активной части основных средств; отсутствие средств для финансирования инвестиций у ряда организаций (на долю собственных средств предприятий приходится более 50% всех вложений в основной капитал⁸); низкая ин-

⁸ Основные ориентиры макроэкономической политики государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на 2021 – 2022 годы [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: https://eec.eaeunion.org/comision/departament/dep_makroec_pol/orientiry.php.

новационная активность; наличие препятствий (барьеры, изъятия и ограничения) в законодательстве интеграционных объединений (ЕС) и международных организаций (ВТО) в отношении внешней торговли товарами (высокие таможенные пошлины, квоты, требования по уровню экологической чистоты товаров и др.), наличие многочисленных административных барьеров в сфере регулирования бизнеса и т.д.

В целом рост товарной концентрации экспорта текстильных товаров Беларуси в третьи страны с 2015 г. по 2020 г. обусловлен, в первую очередь, увеличением доли волокна синтетического нечесаного, тканей льняных, нетканых материалов и материалов кордных для шин. При этом, наиболее динамично наращивался стоимостный объем экспорта ключевых видов текстильных товаров Беларуси в Литву (5309 и 5402), Турцию (5503, 5402 и 5501), Украину (5603, 5902 и 5402), Китай (5301), Польшу (5603 и 5402), Германию (5402) и Индию (5501). Вместе с тем, рост товарной концентрации импорта текстиля Беларуси из третьих стран объясняется увеличением доли трикотажного полотна машинного или ручного вязания прочие, ткани из синтетических комплексных нитей и текстильных материалов пропитанные или покрытые пластмассами. Наибольшие стоимостные объемы импорта основных видов текстиля Беларуси за последние 6 лет были сосредоточены в странах: Турции (6006, 6004 и 5402), Китае (6006, 5402, 6001 и 5903), Италии и Польше (5402), Германии (5407), Литве (5601) и США (5502).

Заключение. Таким образом, проведенное исследование внешней торговли текстильными товарами ЕАЭС и Республики Беларусь по направлениям торговли за 2015 – 2020 гг. позволяет сделать следующие выводы, выделив положительные и отрицательные моменты.

К *положительным моментам торговли текстилем среди участников ЕАЭС* можно отнести сбалансированность структуры экспорта в целом, доля экспорта во взаимной торговле составила в среднем 52,2%.

Для Беларуси можно отметить следующие положительные моменты:

1) интенсивность роста экспортных поставок во взаимной торговле с представителями ЕАЭС была выше импорта, в результате чего сальдо взаимной торговли складывалось положительным.

2) товарооборот по всем направлениям торговли ЕАЭС был наиболее сбалансирован только в Беларуси, с ЕАЭС ее доля составила 10,5% с третьими странами – 14,3%.

3) товарная структура экспортно-импортных потоков во взаимной торговле с Россией в разрезе основных товарных групп характеризуется сбалансированностью, о чем свидетельствуют положительный вклад основных товарных групп (55, 54, 60, 57 и др.) в сальдо взаимной торговли.

4) в товарной структуре экспорта во взаимной торговле с Россией наблюдается увеличение доли товарных групп 60 и 56, характеризующиеся многостадийной достаточно глубокой переработкой исходных материалов с высокой добавленной стоимостью на фоне сохраняющейся сырьевой продукции в импорте.

5) для экспорта в третьи страны характерна более высокая географическая концентрация, чем у ЕАЭС в целом, при этом противоположная ситуация наблюдалась с импортом.

К *отрицательным моментам для продажи/покупки текстиля в ЕАЭС и Беларуси* можно отнести снижение интенсивности экспортных потоков в целом (по всем направлениям торговли) по отношению к импорту, что в результате негативно отразилось на внешнеторговом сальдо.

К *отрицательным моментам для торгового текстилеоборота в ЕАЭС* можно отнести:

1) распределение товарооборота в целом характеризуется несбалансированностью, наибольшая доля товарооборота государств-членов ЕАЭС приходится на торговлю с третьими странами – 76,1% (доля России – около 50%). Это свидетельствует о низкой вовлеченности участников Союза во взаимную торговлю.

2) на изменение сальдо в целом в 2020 г. по сравнению с 2015 г. наибольший отрицательный вклад внесла Россия (-56%) от общего вклада. Существенное ухудшение сальдо сложилось в Беларуси, что негативно отразилось на общем вкладе (-22,3%).

3) структура импорта характеризуется несбалансированностью, в среднем доля импорта во взаимной торговле с государствами ЕАЭС составила около 16%, что свидетельствует о высокой зависимости от импорта из третьих стран.

4) товарная структура экспортно-импортных потоков по всем направлениям торговли в разрезе товарных групп характеризуется несбалансированностью, о чем свидетельствует отрицательный вклад основных товарных групп во взаимной (52, 54, 59 и др.) и внешней (54, 60, 55, 52 и др.) торговле.

5) в целом товарная структура экспорта и импорта в разрезе товарных групп характеризуется низкой степенью товарной диверсификации: на 6 ведущих товарных групп приходится 70 – 80% всего товарооборота.

6) в экспорте и импорте по всем направлениям торговли преобладают товары с невысокой степенью переработки (продукция нижних переделов) и низкой добавленной стоимостью.

Отрицательные моменты белорусской торговли текстилем следующие:

1) в распределении товарооборота во взаимной торговле со странами ЕАЭС наибольшую долю занимает Россия – около 97%. Следовательно, белорусский товарооборот указывает на высокую зависимость экспортно-импортных потоков российского рынка и рисках изменений их в перспективе.

2) товарная структура товарооборота с третьими странами характеризуется низким уровнем товарной диверсификации: на 3 ключевые товарные группы 60, 54 и 55 приходится около 58% всего товарооборота.

3) в товарной структуре текстиля Беларуси и России сохраняется низкий уровень товарной и географической диверсификации: на 6 ведущих товарных групп приходится 81,4% всего товарооборота.

4) товарная структура экспортно-импортных потоков с третьими странами в разрезе товарных групп характеризуется несбалансированностью, о чем свидетельствуют отрицательные вклады основных товарных групп 54, 60, 52 и 56 (особенно товарная группа 60) во внешнеторговое сальдо.

5) прослеживается диспропорция в превышении доли импорта из третьих стран (в среднем 75%) по сравнению с долей экспорта во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС (в среднем 62,5%).

6) в товарной структуре экспорта и импорта с третьими странами в разрезе основных видов товаров сложились высокие диспропорции: доля экспорта 5 ключевых товарных групп составляет 93%, при этом 5 основных видов товаров охватывают 70,2% в общем объеме экспорта. В импорте диспропорция составляет 78,3% (5 товарных групп) при 43,4% (4 основных вида товаров) в общем объеме импорта.

7) импорт из третьих стран демонстрирует негативную тенденцию увеличения доли ключевых товарных групп (особенно товарная группа 60), характеризующихся достаточно глубокой переработкой исходных материалов (продукция средних переделов) с высокой добавленной стоимостью.

8) во внешней торговле отмечается низкая географическая диверсификация: на пять основных партнеров Китай, Турцию, Украину, Литву, Польшу и Германию приходится свыше 50% (2020 г.) всех экспортно-импортных поставок, что указывает на высокую зависимость от нескольких контрагентов: в географической структуре экспорта – Украина, Литва и Польша, в импорте – Китай и Турция.

Следует отметить, что существенным недостатком работы из-за проблемы доступа к информации в Департаменте статистики ЕЭК⁹ о средних ценах и физическом объеме экспорта и импорта текстильных товаров можно считать отсутствие индексного анализа внешней торговли текстилем в ЕАЭС и Беларуси. Применение его позволило бы сформулировать выводы о том, за счет каких факторов (средних цен или физического объема) наблюдался рост и снижение стоимостных объемов экспорта и импорта текстильных товаров ЕАЭС и Беларуси по всем направлениям торговли.

Результаты настоящего исследования могут учитываться при выработке управленческих решений, направленных на сбалансированность внешней торговли текстильными товарами ЕАЭС и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя торговля Республики Беларусь в условиях вступления в ВТО и евразийской интеграции / А.Е. Дайнеко [и др.] ; под науч. ред. А.Е. Дайнеко. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 245 с.
2. Внешнеэкономическая стратегия Республики Беларусь: теоретические и практические аспекты / А.Е. Дайнеко [и др.] ; науч. ред. А.Е. Дайнеко, Т.С. Вертинской. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 302 с.
3. Дайнеко, А.Е. Внешняя торговля и развитие экономики Беларуси / А.Е. Дайнеко, Д.В. Береснев // Наука и инновации. – 2019. – № 1. – С. 4–12.
4. Боровко, М.В. Внешнеторговые отношения: Республика Беларусь и Европейский союз (1999 – 2004 гг.) / М.В. Боровко // Журн. Междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 1. – С. 94–99.
5. Абрамчук, Н. Оценка состояния внешней торговли Беларуси: товарный аспект / Н. Абрамчук // Банковский вестник. – 2016. – № 2. – С. 46–53.
6. Вардеванян, Г.Л. Динамика сальдо внешней торговли товарами Республики Беларусь в 2005 – 2010 гг.: основные факторы и перспективные направления его сбалансированности / Г.Л. Вардеванян, Е.А. Червинский // Белорус. экон. журн. – 2011. – № 2. – С. 43–49.
7. Шмарловская, Г.А. Конкурентоспособность Республики Беларусь в мировой экономике / Г.А. Шмарловская // Белорус. экон. журн. – 2016. – № 1. – С. 22–41.
8. Левкович, А.П. Внешняя сбалансированность национальной экономики / А. П. Левкович // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2019. – № 5. – С. 12–19.
9. Внешнеэкономическая деятельность как источник экономического роста: науч. доклады / А.Ю. Кнобель [и др.]. – М. : Издат. дом Дело РАНХиГС, 2019. – 60 с.
10. Закиров, И.В. Сравнительно-географический анализ внешней торговли товарами регионов Беларуси и России (на примере Гомельской области и Республики Башкортостан) / И.В. Закиров, А.Н. Шавель // Журн. Белорус. гос. ун-та. География. Геология. – 2017. – № 2. – С. 40–51.
11. Быков, К. Р. Динамика сбалансированности внешней торговли товарами текстиля и одежды в странах ЕАЭС / К.Р. Быков // Материалы докладов 53-й Междунар. науч.-технич. конф. преп. и студ. В 2 т. / УО ВГТУ. – Витебск, 2020. – Т. 1. – С. 149–152.
12. Макроэкономика: учеб. и практикум / Г.А. Родина [и др.] ; под ред. Г. А. Родиной. – М. : Изд-во Юрайт, 2020. – 375 с.
13. Быков, К.Р. Сбалансированность внешней торговли предприятий текстильного производства в странах Евросоюза / К.Р. Быков // Материалы докладов 52-й Междунар. науч.-технич. конф. преп. и студ. В 2 т. / УО ВГТУ. – Витебск, 2019. – Т. 1. – С. 168–171.

REFERENCES

1. Daineko, A.E., Vertinskaya, T.S., Beresnev, D.V., Abramchuk, N.A., Shvedko, P.V., Chervinsky, E.A., ... Nikitina, E.I. (2013). *Vneshnyaya torgovlya Respubliki Belarus' v usloviyakh vstupleniya v VTO i evraziiskoi integratsii* [Foreign trade of the Republic of Belarus in the context of joining the WTO and Eurasian integration]. Minsk: Belarusian Navuka. (In Russ.).

⁹ Департамент статистики. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/Pages/default.aspx

2. Daineko, A.E., Vertinskaya, T.S., Beresnev, D.V. & Abramchuk, N.A. (2016). *Vneshneekonomicheskaya strategiya Respubliki Belarus': teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Foreign economic strategy of the Republic of Belarus: theoretical and practical aspects]. Minsk: Belarusian Navuka. (In Russ.).
3. Daineko, A.E., & Beresnev, D.V. (2019). *Vneshnyaya trgovlya i razvitie ekonomiki Belarusi* [Foreign trade and economic development of Belarus]. *Nauka i innovatsii* [Science and innovation], (1), 4–12. (In Russ.).
URL: <http://innosfera.by/files/2019/1.pdf>
4. Borovko, M.V. (2006). *Vneshnetorgovye otnosheniya: Respublika Belarus' i Evropeiskii soyuz (1999 – 2004 gg.)* [Foreign Trade Relations Between the Republic of Belarus and the European Union in 1999 – 2004]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Journal of International Law and International Relations], (1), 94–99. (In Russ.).
URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/23779>
5. Abramchuk, N. (2016). *Otsenka sostoyaniya vneshnei trgovli Belarusi: tovarnyi aspekt* [Assessment of the state of foreign trade of Belarus: commodity aspect]. *Zhurnal Bankauski Vesnik* [Journal Banking Bulletin], (2), 46–53. (In Russ.).
URL: <https://www.nbrb.by/bv/arch/631.pdf>
6. Vardevanyan, G.L., & Chervinsky, E.A. (2011). *Dinamika sal'do vneshnei trgovli tovarami Respubliki Belarus' v 2005 – 2010 gg.: osnovnye faktory i perspektivnye napravleniya ego sbalansirovannosti* [Dynamics of the balance of foreign trade in goods of the Republic of Belarus in 2005 – 2010: the main factors and promising directions of its balance]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal* [Belarusian Economic Journal], (2), 43–49. (In Russ.).
URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/3007>
7. Shmarlovskaya, G.A. (2016). *Konkurentosposobnost' Respubliki Belarus' v mirovoi ekonomike* [Competitiveness of the Republic of Belarus in the world economy]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal* [Belarusian Economic Journal], (1), 22–41. (In Russ.).
URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/60617>
8. Levkovich, A.P. (2019). *Vneshnyaya sbalansirovannost' natsional'noi ekonomiki* [External balance of the national economy]. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga ekanamichnaga universiteta* [Bulletin of the Belarusian State Economic University], (5), 12–19. (In Russ.).
URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/83725>
9. Knobel, A.Yu., Spartak, A.N., Baeva, M.A., Zaitsev, Yu.K., Levashenko, A.D., Loshchenkova, A.N., ... Proka, K.A. (2019). *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kak istochnik ekonomicheskogo rosta* [Foreign economic activity as a source of economic growth]. Moscow: Дело РАНХиГС. (In Russ.).
10. Zakirov, I.V. & Shavel, A.N. (2017). *Sravnitel'no-geograficheskii analiz vneshnei trgovli tovarami regionov Belarusi i Rossii (na primere Gomel'skoi oblasti i Respubliki Bashkortostan)* [Comparative geographical analysis of foreign trade in goods of the regions of Belarus and Russia (on the example of the Gomel region and the Republic of Bashkortostan)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Geografiya. Geologiya* [Journal of the Belarusian State University. Geography. Geology], (2), 40–51. (In Russ.).
URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/185496>
11. Bykau, K.R. (2020). *Dinamika sbalansirovannosti vneshnei trgovli tovarami tekstilya i odezhdyy v stranakh EAES*. [Dynamics of the balance of foreign trade in textiles and clothing in the EAEU countries]. *Materialy dokladov 53-i Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnikeskoi konferentsii prepodavatelei i studentov* [Proceedings of the 53rd International Scientific and Technical Conference of Teachers and Students]. In 2 vol. (Vol. 1), 149–152. (In Russ.).
URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43962743>
12. Rodina, G.A., Ivanova, E.V., Neklyudov, V.A., Nikolaeva, E.E., Proskurnova, K.Yu., Protas, V.F., ... Fomicheva, I.V. (2020). *Makroekonomika* [Macroeconomics]. Moscow: Юрайт. (In Russ.)
13. Bykau, K.R. (2019). *Sbalansirovannost' vneshnei trgovli predpriyatii tekstil'nogo proizvodstva v stranakh Evrosoyuz*. [Balance of foreign trade of textile enterprises in the EU countries]. *Materialy dokladov 52-i Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnikeskoi konferentsii prepodavatelei i studentov* [Proceedings of the 52nd International Scientific and Technical Conference of Teachers and Students]. In 2 vol. (Vol. 1), 168–171. (In Russ.).
URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39549451>

Поступила 15.10.2021

DYNAMIC AND STRUCTURAL DISPROPORTIONS OF THE BALANCE IN FOREIGN TRADE IN TEXTILE GOODS OF THE EAEU AND BELARUS

K. BYKAU

The article is devoted to the study of the balance of foreign trade in textile goods (C13) in two directions: on the one hand, the EAEU in mutual trade and with third countries, on the other hand, Belarus in mutual trade with the EAEU member states and third countries. A comparative analysis of the dynamics and changes in the structure of key indicators of foreign trade in the context of the main commodity groups, goods and key foreign trade partners has been carried out. The author identified the reasons and factors that have a negative impact on the dynamics of the balance of foreign trade in textiles between the EAEU and Belarus in order to make management decisions.

Keywords: balance, export, import, textiles, EAEU, mutual trade, foreign trade, commodity structure, commodity group, geographical structure, geographical concentration, geographical diversification.

УДК 311:332.122

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-30-35

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

канд. экон. наук, доц. С.Ю. ВЫСОЦКИЙ

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6049-7632>

Рассмотрены основные подходы к определению сравнительно нового для экономической науки термина – экономической резильентности территорий. Автором предпринята попытка оценить уровень экономической резильентности регионов Беларуси на основе индекса сопротивления рецессии 2015 – 2016 гг. и индекса восстановления экономической динамики в пострецессионный период (2017 – 2019 гг.). Аналитическая работа такого уровня в Беларуси выполняется впервые. Установлено, что высокой экономической резильентностью обладают центральные регионы страны – Минск и Минская область. Автором обозначены перспективы использования и методологические проблемы оценки экономической резильентности регионов в статистической науке.

Ключевые слова: региональный экономический рост, резильентность, экономический кризис, экономическая динамика, статистика, Беларусь.

Введение. В условиях нарастающего влияния социально-экономической, экологической и эпидемиологической неопределенности активизируется императив аналитического поиска и оценки предопределяющих факторов экономической динамики. Ведущие ученые мира заняты обнаружением причинно-следственных связей при изучении экономического роста, проблемами оценки влияния факторов как на способность противостоять, сопротивляться экономическим шокам, так и восстанавливаться экономическому росту в пострецессионный период.

В таких условиях зародилась принципиально новая для экономической науки категория – резильентность. Данная категория носит междисциплинарный характер и определяется как совокупная способность экономики противостоять шокным потрясениям и восстанавливаться в кратчайшие сроки. Экономика Республики Беларусь – это открытая хозяйственная система, во многом зависящая от развития стран-партнеров. Следует полагать, что экономические шоки вне зависимости от их природы (технологические, эпидемиологические, санкционные, другие) оказывают влияние на темпы роста как экономики Беларуси в целом, так и её территорий субнационального уровня. Поэтому в рамках настоящего исследования предлагается оценить экономическую резильентность регионов Республики Беларусь. Автором исследована способность региональных экономических систем Беларуси как противостоять рецессии 2015 – 2016 гг., так и восстанавливаться в пострецессионный период (2017 – 2019 гг.). Исследование ограничено временными рамками. Анализ экономической динамики регионов и Беларуси в целом выполнен за 2010 – 2019 гг., нивелируя тем самым шок мирового финансово-экономического кризиса (2008 – 2010 гг.), а также пандемии COVID-19, начавшейся в начале 2020 г.

Подходы к определению экономической резильентности территорий. Мировой финансово-экономический кризис 2008 – 2010 гг. поспособствовал новому витку роста научного направления, связанного с исследованием устойчивости экономической динамики территорий. Именно в это время появились не только теоретические научные работы по исследованию проблем экономической резильентности, но и были предложены методы её оценки [1–5].

В исследовании проблем экономической резильентности территорий выделяют ряд научных подходов. Первый из них – это так называемый «физический» или «инженерный» подход, в рамках которого под резильентностью понимают способность системы вернуться в исходное состояние. Чем быстрее система возвращается в свое «равновесное» (исходное, базисное) состояние, тем более устойчива она к внешним воздействиям, шокам. Использование данного подхода тесно связано с идеей о существовании самокорректирующих сил, приводящих к состоянию равновесия экономической системы.

Второй подход – «экологический». Он характеризуется способностью системы поглотить шок, прежде чем она перейдет в новое равновесное состояние. В экономических исследованиях в рамках данного подхода выделяют определенные эффекты, которые позволяют достичь качественно нового, улучшенного состояния явления или системы. В таких случаях говорят о положительных гистерезисных эффектах шока. В обратном случае экономические шоки могут привести к негативным последствиям в уровне и динамике рассматриваемого явления, т.е. существует отрицательный гистерезисный постшоковый эффект. Гистерезисный эффект возникает в силу определенного отставания наступления нового равновесного состояния от момента шока. При этом гистерезисный эффект не следует отождествлять с инерционностью экономических систем, т.к. система достигает «новое равновесное» состояние, а не стремиться к «старому» равновесию.

Третий подход к интерпретации резильентности – адаптивный. Профессор Кембриджского университета Рон Мартин в рамках адаптивного подхода характеризует резильентность как «способность системы претерпевать упреждающие или реакционные изменения свойств, функций с целью сведения к минимуму влияния дестабилизирующего шока» [1, р. 5]. Данный подход при определении и оценке резильентности используют в социологии, психологии, педагогике и других гуманитарных науках.

Следует отметить, что использование категории резильентности в экономических исследованиях Беларуси и России сравнительно ново. Так, в работе М. Фонтанари, А.Г. Траскевич разработана концепция резильентности туристических дестинаций в контексте устойчивого развития туризма [6]. Однако данное исследование не затрагивает проблемы экономической резильентности территорий в целом. Первый научный труд в СНГ, связанный с анализом факторов экономической резильентности территорий, это работа член-корреспондента Российской академии наук В.В. Акбердиной [7]. Теоретические обобщения В.В. Акбердиной позволили определить экономическую резильентность как «способность экономики полностью восстанавливаться после воздействия шоков различной природы за счет внутренних адаптивных свойств» [7, р. 1416]. Отдельные аспекты экономической резильентности исследуются доктором экономических наук И.В. Никулкиной при анализе влияния рецессионных шоков на социально-экономическую систему арктических поселений [8]. В трудах Мартина [1], Лагравинеса [4] экономическая резильентность характеризуется системой оценок, отражающих различные аспекты рассматриваемой категории. Наиболее значимыми характеристиками экономической резильентности являются степень сопротивляемости к экономическим шокам и интенсивность процесса восстановления экономики региона в пост-рецессионный период.

Оценивать степень сопротивляемости региона к экономическим шокам предлагается с помощью следующего индекса (1):

$$\beta_{res} = \frac{\Delta GRP_i / GRP_i - \Delta GDP / GDP}{|\Delta GDP / GDP|}, \quad (1)$$

где β_{res} – оценка индекса сопротивления рецессии;

GRP_i – валовой региональный продукт i -го региона;

GDP – валовой внутренний продукт.

Изучение индекса (1) приводит к выводу, что положительная оценка индекса сопротивления рецессии указывает на большую устойчивость региона к экономическим шокам по сравнению со страной в целом. В то время как отрицательная оценка индекса указывает на сравнительно слабую сопротивляемость экономики региона к кризисам.

Статистическая оценка процесса восстановления региональных хозяйственных систем в пострецессионный период, как указывают источники, может быть дана с использованием следующей зависимости (2):

$$\beta_{rec} = \frac{\Delta GRP_i / GRP_i}{\Delta GDP / GDP}, \quad (2)$$

где β_{rec} – оценка индекса восстановления экономики после рецессии.

Критериальным значением индекса (2) является единица. Превышение оценки индекса восстановления единичного значения свидетельствует о более высокой скорости экономического развития региона по сравнению с хозяйственным комплексом страны в целом. В таких условиях экономика региона является драйвером экономического роста государства. Эффективное использование финансовых, трудовых, природных ресурсов, человеческого капитала, а также высокий уровень предпринимательского потенциала территории позволили в короткий срок восстановить экономическую динамику. В случае, если оценка индекса восстановления меньше единицы, то это указывает на отставание экономического роста региона от среднереспубликанского значения (темпа роста ВВП).

Оценка экономической резильентности регионов Республики Беларусь. Экономика Беларуси выросла почти в 2,4¹ раза за 2000 – 2019 гг. Среднегодовой темп прироста до мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2010 гг. составлял 8%. В 2009 г. по сравнению с 2008 г. был зафиксирован прирост лишь в 0,2%. Второе десятилетие XXI века характеризуется относительно низкими темпами экономического развития страны, что явилось следствием ряда негативных причин: влияние мирового финансово-экономического кризиса, использование технологий производства преимущественно третьего и четвертого технологических укладов, низкий уровень предпринимательской активности населения, сравнительно низкий уровень эффективности производства.

В таких условиях аналитический интерес вызывает изучение региональных особенностей экономической динамики. Сравнительный анализ экономической динамики по темпу роста валового регионального продукта (ВРП) территорий субнационального уровня Беларуси за 2010–2019 гг. представлен на рисунках 1 и 2.

Экономический рост центральных регионов страны, как видно из данных рисунка 1, опережал динамику валового внутреннего продукта (ВВП) за рассматриваемый период. Так, прирост ВРП Минской области за десятилетие составил 37,2%. Разрыв со среднереспубликанской динамикой составил 26,4 п.п. по данным за 2019 г. Следует отметить, что экономика данного региона уже в первый посткризисный год (2017 г.) сумела обогнать предшоковое значение экономического роста за 2014 г. Так, темп роста в 2017 г. составил 127,7% против 124,4% в 2014 г. Докризисных значений динамики экономика г. Минска достигла лишь в 2019 г. Так, темп роста за 2014 г. составил 112,7%, за 2019 г. – 114,3%. Как показывают данные рисунка 1, аналогичная ситуация зафиксирована и с темпами роста ВВП. Экономическая динамика страны в целом вернулась в докризисное состояние лишь в 2019 г. В 2014 г. по сравнению с 2010 г. темп прироста экономики Беларуси был равен 10,2%, в 2015 г. – 6,0%,

¹ Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2021 URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/>

в 2016 г. – 3,4%, 2017 г. – 6,0%, 2018 г. – 9,2% по сравнению с аналогичной базой. И лишь в 2019 г. показатель динамики составил 10,8%. Из этого следует, что к экономическим потрясениям 2015–2016 гг. экономика Минской области была более устойчива, чем хозяйственный комплекс страны в целом.

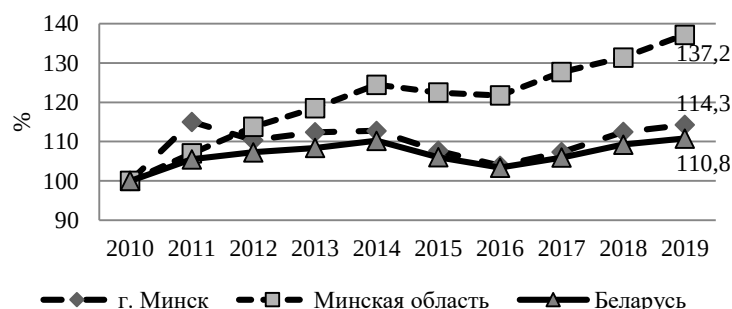

Рисунок 1. – Экономическая динамика центральных регионов Беларуси за 2010 – 2019 гг., %

Экономическая динамика периферийных регионов по сравнению с темпом роста ВВП Беларуси за 2011–2019 гг. представлена на рисунке 2.

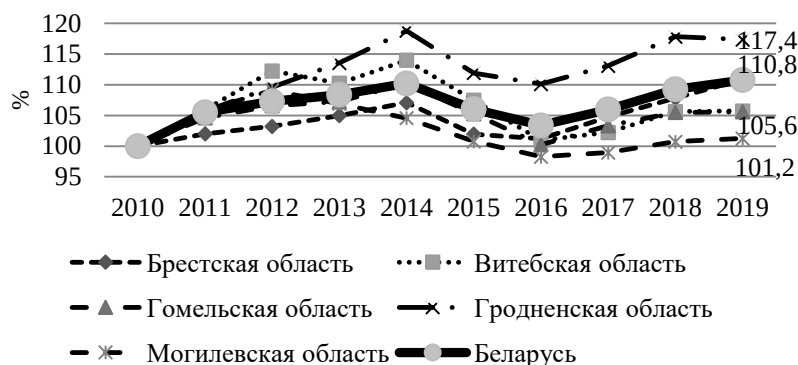

Рисунок 2. – Экономическая динамика периферийных регионов Беларуси за 2010–2019 гг., %

Данные рисунка 2 указывают на существование опережающей динамики ВРП Гродненской области по сравнению с темпом роста ВВП. Отличительной особенностью экономического роста Брестской области является её численное совпадение с динамикой ВВП в 2019 г. по сравнению с 2010 г., т.е. темп роста составил 110,8%. Следует отметить, что темп роста экономики Брестского региона до 2014 г. отставал от среднереспубликанских значений, однако посткризисное восстановление позволило достигнуть среднереспубликанского значения.

Компаративный анализ динамики ВРП и ВВП в докризисный период (2011 – 2014 гг.) и пострецессионный период (2017 – 2019 гг.) по формулам (1) и (2) позволяет оценить степень сопротивления и восстановления от экономической рецессии 2015 – 2016 гг. Результаты представлены в таблице.

Таблица. – Оценки индексов сопротивления рецессии и восстановления после рецессии 2015 – 2016 гг. по регионам Республики Беларусь²

Территория	Темп роста экономики территории за указанные годы, %		Оценка индекса сопротивления рецессии (2011 – 2014 гг.)	Оценка индекса восстановления (2017 по 2019 гг.)
	2011 – 2014 гг.	2017 – 2019 гг.		
Брестская область	107,078	109,484	–0,307	1,325
Витебская область	113,981	104,748	0,370	0,663
Гомельская область	110,229	105,370	0,002	0,750
Гродненская область	118,781	106,585	0,840	0,920
г. Минск	112,724	109,991	0,246	1,396
Минская область	124,444	112,692	1,394	1,773
Могилевская область	104,546	103,025	–0,555	0,423
Республика Беларусь	110,209	107,157	–	–

Из данных таблицы следует, что наилучшие результаты по сопротивлению рецессии 2015 – 2016 гг. продемонстрировали Минская область, Гродненская область, Витебская область и г. Минск. Результаты работы экономик Брестской и Могилевской областей указывают на их слабый уровень сопротивляемости кризису 2015 – 2016 гг.

² Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2021. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?rubric=1063065>.

Наибольшее значение индекса восстановления экономического роста зафиксировано по результатам работы хозяйственного комплекса Минской области. Оценка индекса составила 1,773. Интенсивный уровень процесса восстановления экономического роста региона связывается автором исследования с высокой оценкой сопротивляемости шоку хозяйственного комплекса Минской области в дорецессионный период 2011–2014 гг. Похожая ситуация зафиксирована и в столичном регионе. Опережающий темп роста экономики г. Минска в 2017–2019 гг. связан с высоким уровнем сопротивляемости экономической рецессии 2015–2016 гг. Научный интерес представляют и полученные результаты по экономике Брестской области. Экономика региона показала слабую сопротивляемость кризису, темпы роста валового регионального продукта отставали от роста ВВП. При этом, пострецессионный период характеризуется высокой степенью восстановления. Значительная скорость восстановления экономического роста Брестской области связана с увеличением объема производства продукции из местных ресурсов. Так, среднегодовое производство мяса и пищевых субпродуктов за 2011 – 2014 гг. составило 167,3³ тыс. т, за 2017 – 2019 гг. – 199,3 тыс. т. Среднегодовое производство рыбы и пищевых морепродуктов, включая рыбные консервы, в докризисный период – 60,2 тыс. т, в посткризисный период – 82,8 тыс. т. Среднегодовое производство масла растительного в постшоковый период выросло на 66,1%, сыров – на 49,2%, масла сливочного и пасты молочной – на 54,7%, обуви – на 33,3%, пиломатериалов – на 32,3%, плит древесностружечных – на 41,7%. Таким образом, экономика Брестской области, используя конкурентные преимущества развития в виде качественной сырьевой и эффективной производственной базы, сумела выйти на докризисные значения роста валового регионального продукта.

Агрегирование характеристик сопротивления рецессионным шокам и восстановления послекризисных темпов роста позволяет классифицировать регионы по уровню экономической резильентности (рисунок 3).

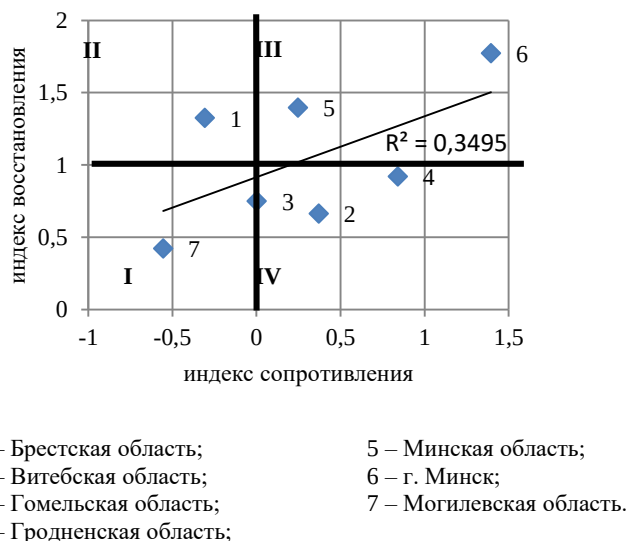

Рисунок 3. – Графическое зонирование регионов Беларуси по уровню экономической резильентности

На рисунке 3 поле графика разбито на 4 зоны (квадранта) пересекающимися перпендикулярами. Перпендикуляры позволяют структурировать поле графика с учетом характеристик сопротивляемости и восстановления.

Так, в зону высокой резильентности (*квадрант III*), характеризуемую сильной сопротивляемостью кризисным явлениям в экономике и относительно высокими темпами восстановления экономической динамики, попали центральные регионы страны – г. Минск, Минская область. Диагонально противоположная зона – зона низкой экономической резильентности территорий (*квадрант I*). Она характеризуется слабой сопротивляемостью региональной экономической системы к кризисам и относительно низкой скоростью выхода из рецессии. Анализ данных, представленных на рисунке 3, указывает, что в представленную зону включена только Могилевская область. Такое положение связано с тем фактом, что снижение экономической динамики в Могилевской области фиксируется уже с 2013 г. по 2016 г. включительно. При этом темп прироста ВРП в 2019 г. не достиг докризисного значения динамики за 2012 г. Темп прироста ВРП в 2019 г. на 7,9 п.п. ниже, чем темп прироста в 2012 г. по сравнению с 2010 г. Данный факт позволяет сделать вывод о глубокой рецессии экономики региона.

Квадранты II и IV – переходные зоны. Регионы зоны второго квадранта могут быть охарактеризованы как территории с низкой сопротивляемостью экономики шокам, но высокой степенью восстановления экономической динамики в посткризисные годы. К таким территориям следует отнести Брестскую область. Причины быстрого восстановления экономической динамики или так называемого положительного гистерезисного влияния

³ Глав. стат. управл. Брестской обл. URL: <https://brest.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ekonomicheskaya-statistika/promyshlennost/>

рецессии на послекризисную экономическую динамику кроется в активизации производств с использованием местных ресурсов.

К регионам четвертого квадранта относятся Витебская, Гомельская и Гродненская области. Они продемонстрировали высокий уровень сопротивления рецессии, но слабые характеристики восстановления экономической динамики в пострецессионный период. В характеристиках регионов данного квадранта проявляется негативное гистерезисное влияние рецессии 2014 – 2015 гг. Данный эффект связан со структурой экономики указанных регионов. Так, почти 50% добавленной стоимости обрабатывающей промышленности Витебской области приходится на продукты нефтепереработки. Среднегодовой объем производства в докризисный период автомобильного бензина составлял 1041,4 тыс. т⁴, за рассматриваемый посткризисный период – 619,5 тыс. т. Среднегодовое производство дизельного топлива сократилось на 25,1%. Гомельская область находится в пограничном состоянии между первым и четвертым квадрантом.

Заключение. Автором предложено использовать категорию экономической резильентности территорий в экономико-статистических исследованиях устойчивости к шокам различной природы. Обобщение зарубежных методик оценки сопротивляемости кризисам и интенсивности восстановления в пострецессионный период позволили оценить уровень экономической резильентности территорий субнационального уровня по отношению к экономическому развитию страны в целом. Установлено, что высокой экономической резильентностью обладают центральные регионы – г. Минск и Минская область, они показали сравнительно высокие значения индексов сопротивления рецессии и восстановления экономической динамики.

Экономическая резильентность территорий является динамической и многоаспектной характеристикой. Поэтому при разработке концептуальных теоретических основ и статистической методологии моделирования и анализа экономической резильентности территорий следует отметить ряд перспективных направлений исследования:

- *во-первых*, различные аспекты динамической оценки экономической резильентности территорий субнационального уровня исследуются по отношению к аналогичным ключевым показателям развития экономики страны в целом. Этот подход является обоснованным лишь при ограничении исследования рамками экономической территории страны или национальной экономики. Международная экономическая интеграция территорий субнационального уровня активизирует императив смены базы сравнения. В зависимости от целей научного исследования ей могут выступать аналитические показатели динамики ключевых индикаторов экономического развития интеграционных объединений, союзов, континентов или мира в целом.

- *во-вторых*, изучаемые международным сообществом проблемы измерения экономической резильентности территорий ограничены анализом показателей динамики занятости или объема производства продукции. По мнению автора, включение ключевых качественных индикаторов развития экономики в программу исследования позволит по-новому взглянуть на проблемы экономического роста территорий разного уровня. Одним из таких показателей может быть производительность труда, исчисленная по валовой добавленной стоимости, в динамике которой отражается эффект экономии промежуточного потребления и труда.

- *в-третьих*, представляется целесообразным и перспективным разработка методики статистической оценки влияния экономической резильентности регионов на темп роста ключевых индикаторов развития в дошоковый и пострецессионный периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Martin, R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks / R. Martin // *Journal of Economic Geography*. – 2012. – № 12. – P. 1–32. DOI:10.1093/jeg/lbr019.
2. Doran, J. Employment resilience in Europe and the 2008 Economic crisis: Insights from micro-level data / J. Doran, B. Fingleton // *Regional Studies*. – 2016. – № 50(4). – P. 644–656. DOI:10.1080/00343404.2015.1088642.
3. Bristow, G. Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis / G. Bristow, A. Healy // *The Annals of Regional Science*. – 2017. – № 60(2). – P. 1–20. DOI: 10.1007/s00168-017-0841-6.
4. Lagravinese, R. Economic crisis and rising gaps North–South: evidence from the Italian regions / R. Lagravinese // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. – 2015. – № 8. – P. 331–342. DOI:10.1093/cjres/rsv006.
5. Courvisanos, J. Economic resilience of regions under crises: A study of the Australian economy / J. Courvisanos, A. Jain, K. Mardaneh // *Journal of Regional Studies*. – 2016. – № 50 (4). – P. 629–643. DOI: 10.1080/00343404.2015.1034669.
6. Фонтанари, М. Концепция резильентности дестинаций и перспективы её применения в отношении сельских дестинаций Беларуси / М. Фонтанари, А.Г. Траскевич // *Белорусский экономический журнал*. – 2019. – № 1. – С. 136–151.
7. Никулина, И.В. Факторы, определяющие резильентность социально-экономических систем арктических поселений / И.В. Никулина // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2020. – Т. 10. – № 12. – С. 2977–2988. DOI: 10.18334/epp.10.12.111478.
8. Акбердина, В.В. Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000 – 2020 гг. / В.В. Акбердина // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2021. – Т. 17. – № 8. – С. 1412–1432. DOI: 10.18334/epp.10.12.111478.

REFERENCES

1. Martin, R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, (12), 1–32. DOI:10.1093/jeg/lbr019. (In Engl.).

⁴ Глав. стат. управл. Витебской обл., 2021. URL: <https://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ekonomicheskaya-statistika/promyshlennost/>

2. Doran, J. & Fingleton, B. (2016). Employment resilience in Europe and the 2008 Economic crisis: Insights from micro-level data, *Regional Studies*, (4), 644–656. DOI:10.1080/00343404.2015.1088642. (In Engl.).
3. Bristow, G. & Healy, A. (2017). Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis, *The Annals of Regional Science*, (2), 1–20. DOI: 10.1007/s00168-017-0841-6. (In Engl.).
4. Lagravinese, R. (2015). Economic crisis and rising gaps North–South: evidence from the Italian regions, *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, (8), 331–342. DOI: 10.1093/cjres/rsv006. (In Engl.).
5. Courvisanos, J. & Jain, A. & Mardaneh, K. Economic resilience of regions under crises: A study of the Australian economy. *Journal of Regional Studies*, (4), 629–643. DOI: 10.1080/00343404.2015.1034669. (In Engl.).
6. Fontanari, M. & Traskevich, A. (2019). Konceptsiya rezil'entnosti destinacij i perspektivy eyo primeneniya v otnoshenii sel'skih destinacij Belarusi [The concept of destination resilience and prospects of its application with regard to rural destinations in belarus]. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal [Belarusian economic journal]*, (1), 136–151. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Nikulkina, I. (2020) Faktory, opredelyayushchie rezil'entnost' social'no-ekonomicheskikh sistem arkticheskikh poselenij [Factors Determining Resilience of Socio-Economic Systems of Arctic Settlements]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Economics, business and law]*, (12), 2977–2988. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Akberdina, V. (2021) Faktory rezil'entnosti v rossijskoj ekonomike: sravnitel'nyj analiz za period 2000–2020 gg. [Resilience factors in the russian economy: the comparative analysis for 2000–2020]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*, (8), 1412–1432. (In Russ., abstr. in Engl.).

Поступила 08.10.2021

STATISTICAL ASSESSMENT OF THE ECONOMIC RESILIENCE OF THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

S. VYSOTSKY

The article discusses the main approaches to the definition of a relatively new term for economic science – economic resilience of territories. The author made an attempt to assess the level of economic resilience of the regions of Belarus on the basis of the 2015–2016 recession resistance index. and the index of recovery of economic dynamics in the post-recession period (2017–2019). This is the first time an analytical work of this level has been carried out in Belarus. It has been established that the central regions of the country – Minsk and the Minsk region - have high economic resilience. The author outlines the prospects for the use and methodological problems of assessing the economic resilience of regions in statistical science.

Keywords: regional economic growth, resilience, economic crisis, economic dynamics, statistics, Belarus.

УДК 338. 439:332.146

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-36-40

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНЦЕРНА ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОСНОВЕ СОЗДАНИЯ КОРПОРАЦИИ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

А.В. ГЕРАСЕНКО*(Белорусский государственный концерн пищевой промышленности «Белгоспищепром», Минск)***e-mail: gerasenko@bqp.by**

Статья посвящена важнейшему направлению совершенствования инвестиционной политики концерна «Белгоспищепром» – созданию на базе концерна Корпорации пищевой промышленности, что позволит провести комплексную реформу пищевой отрасли Республики Беларусь, в том числе за счет объединения ресурсов и сокращения издержек; более оперативного и акцентированного решения вопросов с финансовым оздоровлением ряда организаций; повышения отдачи от государственных активов, в первую очередь за счет совершенствования системы управления, централизации управления, создания интегрированной производственно-сбытовой цепочки и др.

Ключевые слова: корпорация, инвестиционная политика, пищевая промышленность, холдинг, акции.

Введение. О продукции, выпускаемой организациями концерна «Белгоспищепром», белорусские потребители знают не понаслышке, кроме того, ей отдают предпочтение граждане многих других государств. Кто не знает кондитерские изделия производства СОАО «Коммунарка» или СП ОАО «СПАРТАК», зефир ОАО «Красный Мозырянин» или ОАО «Красный пищевик», алкогольные напитки ОАО «МИНСК КРИСТАЛЛ» – управляющая компания холдинга «МИНСК КРИСТАЛЛ ГРУПП», шампанское ОАО «Минский завод игристых вин», детское питание ОАО «Гамма вкуса» и ОАО «Малоритский консервноовощесушильный комбинат», белорусский солод ОАО «Белсолод», сигареты ОАО «Гродненская табачная фабрика «Неман» и многое другое.

Одной из ключевых задач развития любой экономической системы или структуры является создание условий для устойчивого экономического роста, который может быть обеспечен путем совершенствования использования привлекаемых ресурсов и имеющегося экономического потенциала. Одним из направлений совершенствования работы Белорусского государственного концерна пищевой промышленности «Белгоспищепром» является создание на его базе Корпорации пищевой промышленности.

Цель исследования – выявить важнейшие экономические, социальные и, в первую очередь, инвестиционные эффекты от такого преобразования, а также определить организационно-правовую и организационно-экономическую структуры Корпорации.

Методология исследования: описание, анализ, синтез, систематизация, статистический, графический методы, дедукция, индукция и др.

Основная часть. Концерн – это одна из самых сложных форм объединения, поскольку включает в себя организации разных отраслей, банков, транспорта, торговли и осуществляет совместную деятельность на основе добровольной централизации функций (финансовой, научно-технической, производственной, инвестиционной, внешнеэкономической и др.) [1, с. 13].

Белорусский государственный концерн пищевой промышленности «Белгоспищепром» создан Указом Президента Республики Беларусь от 24 августа 2000 г. № 460 «О Белорусском государственном концерне пищевой промышленности «Белгоспищепром». По состоянию на 1 января 2021 г. в состав концерна входит 42 организации¹. В целях увеличения отдачи от инвестиционной деятельности организаций, входящих в состав концерна, повышения экономической эффективности их работы, целесообразно создание на базе Белорусского государственного концерна пищевой промышленности «Белгоспищепром» Корпорации пищевой промышленности.

Необходимо отметить, что в законодательстве Республики Беларусь нет такого понятия, как «корпорация». В отечественной практике действует схожее по смыслу понятие «холдинг». В то же время во многих странах, в том числе в КНР и Российской Федерации такие виды объединения успешно работают (ГК «Росатом», ГК «Ростехнологии», ГК «Роскосмос»)². При этом следует отметить, что в Российской Федерации государственные корпорации являются некоммерческими организациями.

¹ Вопросы Белорусского государственного концерна пищевой промышленности «Белгоспищепром» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 02.11.2000 г., № 1683 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

² О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» [Электронный ресурс] : федер. закон от 1 дек. 2007 г., № 317-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72969/.

О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» [Электронный ресурс]: федер. закон от 23 нояб. 2007 г. № 270-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72710/.

О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июля 2015 г., № 215-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182616/.

Целью создания Корпорации пищевой промышленности (далее – Корпорация) является проведение комплексной реформы пищевой отрасли Республики Беларусь. Корпорация будет обеспечивать реализацию государственной политики в области пищевой промышленности и ее нормативно-правовое регулирование.

К функциям Корпорации можно отнести:

- создание условий для повышения эффективности работы отрасли на внутреннем и внешних рынках, диверсификация источников привлечения инвестиций, расширение производства;
- обеспечение внедрения передовых технологий и инноваций в отечественную пищевую отрасль, гарантирование продовольственной безопасности Республики Беларусь и др.

Органы управления Корпорации должны обладать компетенциями во всей технологической цепочке – от производства сырья до реализации, обеспечить развитие международного сотрудничества.

Создание Корпорации позволит:

- сконцентрировать общепромышленный фокус на развитии передовых технологий и достижении амбициозных целей для каждого из приоритетных направлений;
- предусмотреть движение от регионального лидерства в пищевой отрасли к глобальному технологическому лидерству и задать единый вектор развития организаций отрасли;
- объединить ресурсы и сократить издержки, более оперативно и акцентированно решать вопросы с финансовым оздоровлением ряда организаций, а также повысить отдачу от государственных активов, в первую очередь за счет совершенствования системы управления ими;
- эффективно провести комплексное реформирование системы управления государственными активами в пищевой промышленности, внедрить современные методы корпоративного управления;
- централизовать управление: центральная фигура – Корпорация, которая формулирует основные стратегические решения, формирует кадровую, финансовую политику и прочее, бизнесы распределены в дочерних (зависимых) компаниях;
- создать интегрированную производственно-сбытовую цепочку (централизация закупок, организация сбыта продукции);
- более мобильно и гибко решать оперативные задачи отраслей, меньше времени тратить на бюрократические элементы в работе;
- выступать в качестве регулятора отраслевых бизнес-процессов, с учетом анализа развития пищевой промышленности и требований рынков сбыта;
- обеспечить единство управления и реализацию стратегии развития отрасли, включая дочерние (зависимые) организации. Все значимые решения принимаются с ведома наблюдательного совета или руководства Корпорации. Таким образом, обеспечивается единство управления и реализация стратегии развития отраслей в целом;
- диверсифицировать товары и рынки, что позволит уменьшить как совокупные риски, так и затраты на товаропроводящие сети за счет их интеграции.

В результате реализации стратегии Корпорация станет единым организмом, в том числе за счет развития эффективного проектного управления и командной работы, выстраивания единой политики с вовлечением зарубежных партнеров. Появится возможность повышать клиентоцентричность, то есть выявлять потребности постоянных клиентов и предлагать им наиболее востребованную продукцию. Стратегия нацелена на максимальное раскрытие потенциала работников корпорации, в том числе за счет формирования среды непрерывного образования, развития программ привлечения лучших кадров.

Корпорация – особое, учрежденное на основании Указа Президента Республики Беларусь, юридическое лицо в форме коммерческой организации, созданное для осуществления коммерческих, управленческих, социальных или иных функций. При подготовке Указа Главы государства необходимо заложить в проект определенные льготы, в том числе по освобождению от НДС при передаче товаров (работ, услуг) в пределах Корпорации; освобождение от земельного налога и арендной платы за участки, предназначенные для производственной деятельности Корпорации и её участников (на определенный срок); освобождение от налога на недвижимость по объектам в собственности или участников (на определенный срок).

Организационно-экономическая структура Корпорации пищевой промышленности создается путем внесения имущественного вклада Республики Беларусь. Имущество, в том числе ценные бумаги, переданное Корпорации, а также доходы, полученные от указанного имущества, являются ее собственностью. Корпорация не отвечает по обязательствам Республики Беларусь, а Республика Беларусь не отвечает по обязательствам государственной корпорации. Корпорация использует имущество для целей, определенных Указом Президента Республики Беларусь о ее создании, и может осуществлять предпринимательскую деятельность для достижения целей, ради которых она создана, и соответствующую этим целям.

Организации, акции которых переданы Республикой Беларусь в собственность Корпорации, сохраняют статус самостоятельных юридических лиц, не отвечают по обязательствам Корпорации, а Корпорация не отвечает по обязательствам входящих в ее состав организаций.

В рамках создания Корпорации для эффективной работы организаций пищевой промышленности необходимо передать в собственность Корпорации акции хозяйственных обществ пищевой отрасли, находящиеся в коммунальной собственности. В дальнейшем Корпорацией будет проведена оптимизация непрофильных активов дочерних (зависимых) хозяйственных обществ. В целях стимулирования процесса совершенствования организационно-экономической структуры целесообразно предусмотреть налоговые преференции организациям, входящим в Корпорацию.

Создание Корпорации будет проводиться посредством безвозмездной передачи акций из республиканской собственности в собственность Корпорации, что позволит сразу решить проблему двойной подчиненности организаций, акции которых переданы в управление административно-территориальных единиц: СОАО «Коммунарка», СП ОАО «СПАРТАК», ОАО «Бобруйский завод растительных масел», ОАО «Гомельский жировой комбинат», ОАО «Красный Мозырянин». Такая консолидация акций, позволит проводить Корпорации единую сбытовую, экономическую, техническую и технологическую политику.

Корпорация будет создана в форме открытого акционерного общества, а ее примерная структура продемонстрирована на рисунке 1.

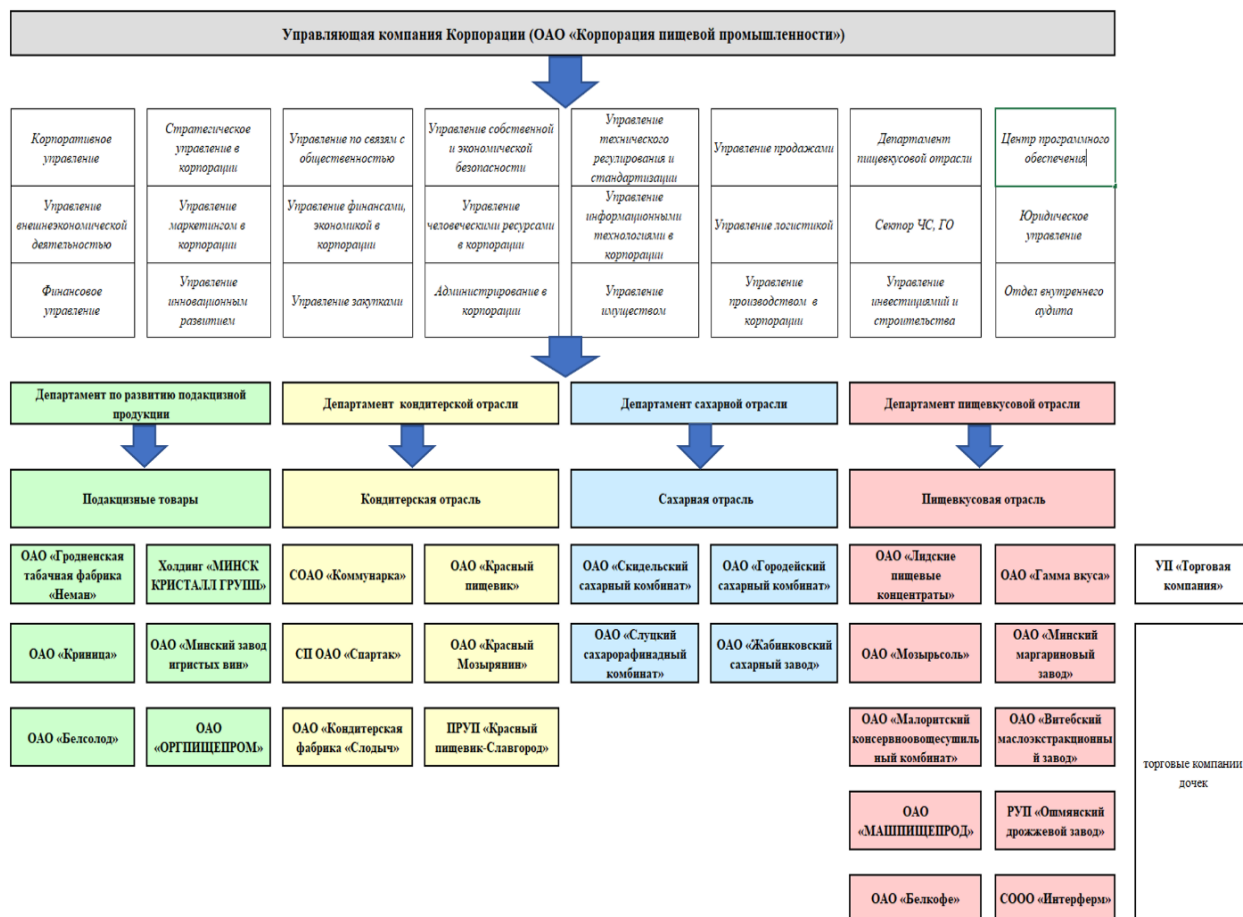

Рисунок. 1. – Примерная структура Корпорации пищевой промышленности

Организационная структура управления предполагает, что высшим органом управления Корпорации будет являться общее собрание акционеров. Учитывая задачи, решение которых возлагается на Корпорацию, в состав собрания должны входить заместитель премьер-министра, руководители республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, а также не менее двух независимых директоров. Члены Совета директоров (наблюдательного совета) будут назначаться постановлением Совета Министров Республики Беларусь.

К функциям общего собрания акционеров будут отнесены:

- изменение устава;
- изменение размера уставного фонда;
- избрание и досрочное прекращение полномочий председателя правления, членов правления и ревизионной комиссии, определение условий оплаты их труда;
- утверждение годовых отчетов, годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности, распределение прибыли и убытков;
- решение о создании, реорганизации, ликвидации организаций, входящих в состав Корпорации, а также об участии в деятельности других юридических лиц;
- утверждение локальных нормативных правовых актов;
- утверждение единой финансовой, инвестиционной и производственной политики корпорации, в том числе в части определения порядка ведения централизованных закупок, распределения сырья, материалов и комплектующих, продажи готовой продукции, организации маркетинговой, логистической и иной деятельности;
- утверждение стратегии плана перспективного развития корпорации.

- утверждение годового финансово-хозяйственного плана и контроль за его выполнением;
- утверждение стоимости имущества, в установленных случаях, необходимости определения стоимости имущества, формирования и использования резервных и других фондов хозяйственного общества;
- принятие решения о крупных сделках и сделках, в совершении которых имеется заинтересованность аффилированных лиц.

Для организации эффективной работы в составе дирекции будут созданы два комитета, возглавляемые независимыми директорами: комитеты по стратегии и по внутреннему контролю и аудиту.

Коллегиальным исполнительным органом Корпорации целесообразно назначить наблюдательный совет управляющей компании, в состав которого войдут:

- генеральный директор управляющей компании Корпорации;
- заместители генерального директора управляющей компании Корпорации;
- руководители хозяйственных обществ, входящих в состав Корпорации (с правом совещательного голоса);
- руководители структурных подразделений управляющей компании Корпорации (дирекций).

Члены наблюдательного совета назначаются на должность и освобождаются от должности общим собранием акционеров управляющей компании Корпорации по представлению генерального директора управляющей компании Корпорации. Единоличным исполнительным органом Корпорации станет генеральный директор управляющей компании корпорации. Генеральному директору управляющей компании корпорации подчиняются структурные подразделения, непосредственно выполняющие возложенные на Корпорацию функции – дирекции (рисунок 2).

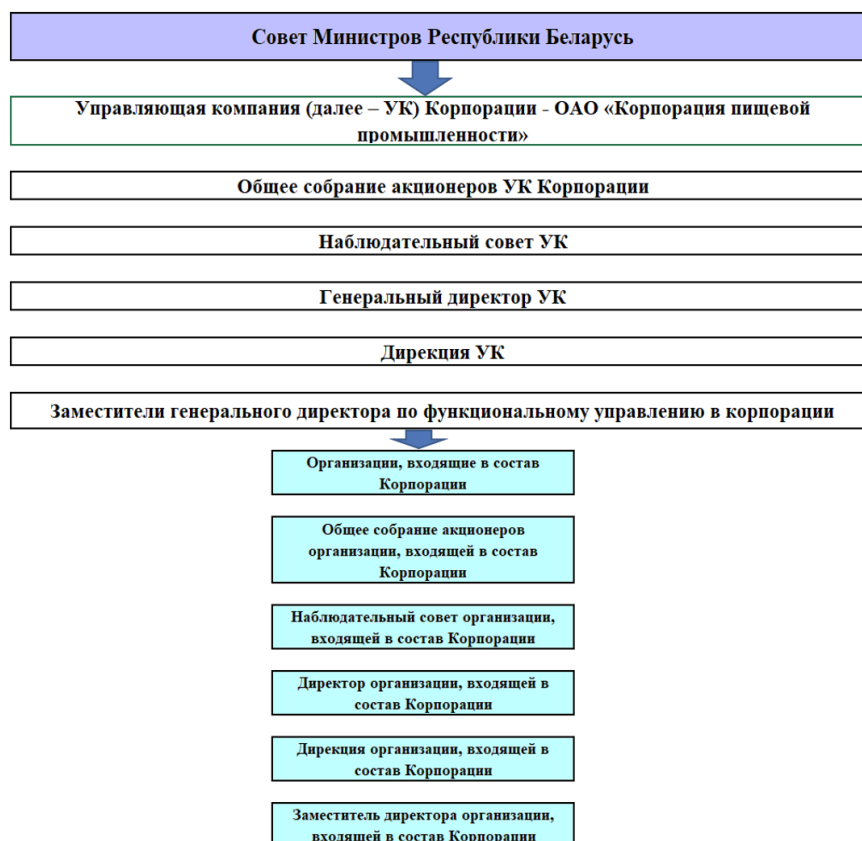

Рисунок 2. – Примерная вертикаль управления Корпорации пищевой промышленности

Дирекции создаются по отраслевому признаку – дирекция подакцизных товаров (организации алкогольной и табачной отраслей), дирекция кондитерской отрасли, дирекция сахарной отрасли и дирекция пищевкусовой отрасли (организации, производящие иные продукты питания).

Эффект от создания Корпорации пищевой промышленности в области инвестиционной политики позволит:

- централизовать процесс принятия решения о необходимости создания новых производств;
- проводить модернизацию производств исходя из понимания наибольшей эффективности и экономической целесообразности увеличения производственных мощностей по конкретной группе продукции;
- сосредоточить все финансовые ресурсы на решении наиболее актуальных и эффективных (прорывных) направлений;
- увеличить размер инвестиционного фонда концерна за счет повышения эффективности деятельности организаций и увеличения размера отчислений;

- оптимизировать товарно-сырьевые потоки в рамках реализуемых инвестиционных проектов за счет неприменения косвенного налогообложения (НДС), что позволит повысить эффективность проектов и ускорит окупаемость;
- сосредоточить инвестиционную деятельность на формировании собственных сырьевых зон для обеспечения производств организаций концерна сырьем в необходимом количестве и необходимом качестве;
- уйти от двойной подчиненности в управлении отдельными организациями, входящими в состав концерна «Белгоспищепром», но акции которых переданы в управление административно-территориальных единиц.

Заключение. Таким образом, целью создания Корпорации пищевой промышленности является проведение комплексной реформы пищевой отрасли Республики Беларусь. Корпорация будет обеспечивать реализацию государственной политики в области пищевой промышленности и ее нормативно-правовое регулирование.

Корпорация пищевой промышленности создается путем внесения имущественного вклада Республики Беларусь, а имущество, в том числе ценные бумаги, переданное Корпорации, доходы, полученные от указанного имущества, является ее собственностью. Корпорация является коммерческой организацией и будет создана в форме открытого акционерного общества.

Создание Корпорации позволит: сконцентрировать общепромышленный фокус на развитии передовых технологий и достижении амбициозных целей для каждого из приоритетных направлений; предусмотреть движение от регионального лидерства в пищевой отрасли к глобальному технологическому лидерству и задать единый вектор развития организаций отрасли; объединить ресурсы и сократить издержки, централизовать управление; создать интегрированную производственно-сбытовую цепочку (централизация закупок, организация сбыта продукции); выступать в качестве регулятора отраслевых бизнес-процессов, диверсифицировать товары и рынки.

Эффекты от создания Корпорации пищевой промышленности в области инвестиционной политики следующие: централизация процесса принятия решения о необходимости создания новых производств; проведение модернизации производств с максимальной эффективностью и экономической целесообразностью увеличения производственных мощностей; сосредоточение финансовых ресурсов на решении наиболее актуальных и эффективных (прорывных) направлений; увеличение размера инвестиционного фонда концерна за счет повышения эффективности деятельности организаций и увеличения размера отчислений; уход от двойной подчиненности в управлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, А.Е. Финансовая структура компании / А.Е. Карпов. – 4-е изд. – М., 2016. – 339 с.

REFERENCES

1. Karpov, A.E. (2016). *Finansovaya struktura kompanii*. 4-e eds. Moscow. (In Russ.).

Поступила 10.10.2021

IMPROVEMENT OF THE INVESTMENT POLICY OF THE BELARUSIAN STATE FOOD INDUSTRY CONCERN ON THE BASIS OF CREATION OF THE FOOD INDUSTRY CORPORATION

A. GERASENKO

The article is devoted to the most important direction of improving the investment policy of the concern «Belgospisheprom» – the creation of the Corporation of the food industry on the basis of the concern, which will make it possible to carry out a comprehensive reform of the food industry in the Republic of Belarus, including by pooling resources and reducing costs; more prompt and focused solution of issues related to the financial recovery of a number of organizations; increasing the return on state assets, primarily by improving the management system; centralization of management; creating an integrated value chain, etc.

Keywords: corporation, investment policy, food industry, holding, shares.

УДК 336.7

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-41-48

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЫНОЧНУЮ СТОИМОСТЬ БАНКА**Н.А. ГЛИНКОВ***(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

Изложены факторы, влияющие на рыночную стоимость банка. Отражена значимость такого фактора формирования стоимости банка, как система корпоративного управления. Показана связь между уровнем корпоративного управления банка и его рыночной стоимостью. В контексте системы корпоративного управления обозначены ее элементы, способствующие увеличению рыночной стоимости банка. Предложен подход расчета премии/дисконта за уровень эффективности системы корпоративного управления при проведении оценки стоимости банка.

Ключевые слова: стоимость банка, оценка, факторы, корпоративное управление.

Введение. Банковская система оказывает существенное влияние на функционирование мирового и, как следствие, национального финансовых рынков. В связи с этим актуальной становится проблема оценки стоимости банка, которая в настоящее время является ключевым показателем, позволяющим наиболее достоверно измерить эффективность его функционирования. Сложность проблемы оценки стоимости банка связана с ее зависимостью от ряда факторов, в том числе системы корпоративного управления. Одни факторы положительно влияют на формирование стоимости банка, другие – способствуют ее снижению. Должным образом организованное корпоративное управление может существенно увеличить его стоимость.

Изучения факторов, влияющих на рыночную стоимость банка, системы корпоративного управления, в частности, в свете изложенного видится достаточно актуальным.

Основная часть. В настоящее время существует ряд подходов и методов оценки рыночной стоимости банка. Несмотря на большое количество таких методик, основные подходы оценки стоимости банков можно разделить на три группы: 1) затратный подход; 2) сравнительный подход (отдельные авторы называют его рыночным); 3) доходный подход.

В силу специфики банковской деятельности при проведении оценки необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на рыночную стоимость банка. Данные факторы могут быть как связанными друг с другом, так и автономными и оказывать воздействие на банк как в сторону увеличения его стоимости, так и в сторону снижения.

Вопросу факторов стоимости банка уделено достаточно серьезное внимание специалистами.

Российский экономист А.А. Филиппова классифицирует факторы, влияющие на величину рыночной стоимости банка и ее структуру, как внешние (макро- и микроэкономические) и внутренние (самого банка) [1]. По её мнению, «макросреда – это общие условия среды функционирования предприятий и организаций в данном государстве» [2]. Макросреда состоит из следующих основных групп факторов: политико-правовые, экономические, социально-культурные, технологические. При этом к экономическим факторам отнесены следующие показатели: валовой внутренний продукт, доходы населения и его покупательная способность, уровень цен и инфляции, ставка рефинансирования, курсы рубля к иностранным валютам, профицит/дефицит государственного бюджета, состояние денежного и финансового рынков, инвестиционный климат, степень интеграции страны в международную экономическую систему и др. [2]. Микросреда, по мнению А.А. Филипповой, «это непосредственное окружение. В него входят потребители банковских продуктов, партнеры, конкуренты, рынок рабочей силы и др. Особое значение имеет анализ конкурентной среды, основных показателей и тенденций развития банковского сектора» [2]. В качестве внутренних факторов, оказывающих влияние на рыночную стоимость банка, данный автор приводит такие, как:

- размер банка;
- специализация;
- участие в системе страхования вкладов;
- дополнительные лицензии (на работу с ценными бумагами, драгоценными металлами);
- SWIFT, Reuters (современные телекоммуникационные, информационные и платежные системы);
- финансовая устойчивость – выполнение регулятивных норм;
- отсутствие (наличие) претензий со стороны регулятора, налоговых и других органов;
- показатели эффективности деятельности;
- качество кредитного портфеля;
- клиентская база;
- региональная сеть;
- бренд;
- отчетность по МСФО;
- аудит международными компаниями;
- издержки;

- уровень корпоративного управления;
- информационные технологии;
- структура собственности, репутация собственников;
- местонахождение головного офиса... [2].

А.А. Филиппова считает, что «факторы внутренней среды характеризуют состояние самого банка и включают группы материальных и нематериальных факторов. К материальным факторам относятся: капитал, денежные средства, кредитный портфель, портфель ценных бумаг, основные средства и др. <...> Нематериальные факторы включают: лицензии (на осуществление банковских операций, на работу с ценными бумагами и др.), участие в системе страхования вкладов, качество корпоративного управления, бренд, взаимоотношения с клиентами и др.» [2]. Специалист полагает, что «качество кредитного портфеля в условиях кризиса становится основным фактором стоимости» [3], а факторами, понижающими рыночную стоимость банка, являются: «наличие к банку претензий со стороны надзорного органа (в виде предписаний об ограничении отдельных банковских операций) или правоохранительных органов, наличие неурегулированных юридических споров, рассматриваемых в судах» [2].

Российский исследователь Т.Н. Мозгалева выделяет следующие основные факторы, влияющие на итоговую величину рыночной стоимости коммерческого банка:

– «факторы, характеризующие общее состояние банковской системы» (например, «прогноз стремительного роста банковского сектора...»; «позитивное воздействие на банковский сектор принятой стратегии развития...» государства; «тенденция к транспарентности»);

– «факторы на уровне коммерческих банков (наличие «дубового» капитала у многих банков; «рисование» балансов (использование технических, «схемных» доходов и расходов); наличие у банка не только скрытых активов, но и скрытых обязательств (неучтенные авали, векселя, некачественный кредитный портфель и пр.)» [4].

Т.Н. Мозгалева предлагает способы учета факторов, влияющих на показатель стоимости, «через корректировку ставки дисконтирования и применения модели кумулятивного построения <...> (помимо общеизвестных поправок на степень ликвидности и контроля приводятся следующие: поправка на качество менеджмента, территориальную диверсификацию, товарную диверсификацию, прибыльность и степень стабильности банковского бизнеса, наличие схемного капитала, участие в системе страхования вкладов физических лиц)». По мнению данного автора, в целом, «когда речь идет об оценке банковского бизнеса, «интеллектуальные» ресурсы банка оказывают решающее влияние на величину рыночной стоимости»: влияние «интеллектуального капитала» через «управление знаниями» на рыночную стоимость банка оценено в диапазоне от 50 до 90% [4].

Белорусские ученые М.М. Ковалев и А.В. Василевский, рассматривая факторы, влияющие на стоимость банка, подчеркивают, что «максимизация стоимости банка невозможна без развитой системы стратегического планирования, эффективно реализуемой финансовой политики, политики риск-менеджмента, а также без мер, направленных на сокращение объема активов, уничтожающих стоимость, и увеличение объема активов, создающих ее» [5]. Основными факторами стоимости банка, по их мнению, являются: коммуникации (включая информационные), финансовый капитал, интеллектуальный капитал, динамические способности, показатели надежности, и недооценка отдельных факторов «может не отразиться на стоимости и рейтинге банка в ближайшие 1–1,5 года, но несомненно <...> ухудшит конкурентоспособность и рыночную позицию банка в будущем» [5]. Данные авторы считают, что управляющие воздействия менеджеров банка, направленные на рост стоимости банка, должны сконцентрироваться не только на его капитале и ресурсной базе, но на интеллектуальном капитале, динамических характеристиках и системе управления рисками, развитии таких конкурентных преимуществ, как эффективные связи, коммуникации, сотрудничество с партнерами, акционерами, госорганами, клиентами. Динамичность развития банка обеспечивают внутренние и внешние проекты, связанные с созданием новых продуктов, услуг, выходом на новые сегменты рынка и т.д., что требует от банка соответствующей адаптации организационной структуры и бизнес-процессов [5].

Указанные авторы подробно рассматривают в качестве увеличивающих стоимость банка такие факторы, как:

– проектное управление (проект – «комплекс взаимосвязанных работ, действий, направленных на достижение определенной цели, результата к заданному времени в пределах установленного бюджета и представляющий собой неоднократное повторяющееся действие» [5]). Примерами внутренних проектов банка являются: разработка корпоративной стратегии, выпуск и размещение акций или облигаций, открытие нового филиала или дополнительного офиса, внедрение нового продукта, приобретение здания, программного комплекса или финтех компании, и др. Внешние проекты, предлагаемые банку клиентами, обычно связаны со стратегией развития клиента, и, если они соответствуют стратегии банка и его инвестиционной политике, банк определяет форму своего участия в проекте и соответствующую форму организации работ по проекту и его финансированию.

– Качество и объем предоставляемой банком информации (качество информации о банке и отчетности, представляемых в регулирующие органы и инвесторам; транспарентность (информационная прозрачность (от англ. transparent – прозрачный) или открытость, гласность, публичность).

– Нематериальные активы. По мнению, специалистов, важным фактором роста стоимости банка являются нематериальные активы, которые играют всё возрастающую роль в бизнесе и определяют (в развитых рыночных условиях) до 60% стоимости компаний. Из всех видов нематериальных активов для банков наиболее важным является интеллектуальная собственность, включая лицензии, программные продукты, бренд, информацию о клиентах и др., а также гудвилл (деловая репутация).

– Интеллектуальный капитал М.М. Ковалевым и А.В. Василевским рассматривается в качестве отдельного важного фактора стоимости банка. Ссылаясь на Т.А. Стюарта [6], авторы подразумевают под интеллектуальным капиталом интеллектуальную собственность, такую как патенты и авторские права, а также сумму знаний всех работников компании, обеспечивающую её конкурентоспособность. Исходным или базовым понятием в этом определении является то, что под интеллектуальным капиталом понимаются все знания, собранные в соответствии с каким-то алгоритмом организацией [5].

Российским исследователем Г.П. Головиной систематизированы факторы, влияющие на формирование стоимости коммерческого банка, предложено разделить их на внешние и внутренние детерминанты. К основным внешним факторам отнесены: макроэкономические условия развития экономики, степень регулирования банковской деятельности, конкуренция между участниками финансового рынка, возможность выбора способов наращивания собственного капитала. Главными внутренними факторами названы: уровень капитала банка, наличие четкой и ясной стратегии, развитие продуктового ряда и использование современных технологий, формирование устойчивой клиентской базы, позитивная деловая репутация банка, качество управления персоналом. При этом, данный автор считает, что «...основными источниками наращивания стоимости банка служат капитализация прибыли, привлечение субординированных кредитов, проведение IPO, приобретение пакетов акций других банков, использование государственных и частных программ, последовательная реализация стратегии банка в расчете на увеличение его стоимости» [7].

Так же, на внешние и внутренние, разделены важнейшие факторы, влияющие на формирование стоимости коммерческого банка, А.Е. Будицким. Основные внешние факторы, по его мнению: макроэкономические условия развития экономики; степень регулирования банковской деятельности; конкуренция между участниками финансового рынка (региональная и в заданной группе); возможность выбора способов наращивания собственного капитала; поведенческие аспекты участников на финансовых рынках. Среди внутренних факторов названы в том числе: уровень капитала банка; наличие четкой и ясной стратегии; развитие продуктового ряда и использование современных технологий; формирование устойчивой клиентской базы [8].

Исследователи В.Б. Фролова и Т.Ф. Хань полагают, что «на стоимость кредитной организации непосредственное влияние оказывают особенности ведения банковского бизнеса, включая запас прочности по соблюдению требований центробанка к достаточности капитала и аппетит к риску, наличие возможностей по привлечению фондов по выгодной стоимости, маржинальность кредитного портфеля, управление операционными расходами» [9].

Исследуя факторы, влияющие на стоимость инвестиционного банка, А.Б. Братов [10] идентифицирует следующие группы детерминантов:

- внешние факторы: макроэкономические условия развития экономики; сфера деятельности организации; степень регулирования инвестиционно-банковской деятельности;
- внутренние факторы: эффективность организационной структуры; развитие продуктового ряда и использование современных технологий; клиентская база; географический охват; деловая репутация [10].

При этом данным автором основными макроэкономическими факторами названы: уровень иностранных инвестиций, отток капитала за рубеж; уровень инфляции; уровень роста ВВП; уровень транзакционных издержек; объем сбережений в иностранной валюте (тезаврация); ставка ссудного процента и ее динамика; уровень неопределенности экономической ситуации в стране. Эффективность организационной структуры определяется следующими факторами: степень взаимодействия (отношение) с клиентами, качество риск-менеджмента, степень налаженности информационной сети [10].

Российскими специалистами А.М. Карминским и Э.А. Фроловой сформулированы следующие ключевые факторы стоимости для розничного банка: процентные ставки по банковским продуктам, балансовые стоимости активов и пассивов, соотношение расходов и доходов (cost-to-income ratio), коэффициент достаточности капитала (capital ratio), стоимость собственного капитала (cost of equity), темпы роста активов и пассивов, ожидаемые потери по кредитам [11].

Таким образом, учеными подчеркивается ряд внешних и внутренних факторов, влияющих на стоимость банка. Мы полагаем, что важнейшим фактором рыночной стоимости банка, способным ее увеличивать, является *эффективная система корпоративного управления банком*.

Так, Международной консалтинговой компанией McKinsey доказано влияние корпоративного управления на стоимость акций посредством исследований и опросов, проведенных в разных регионах мира¹. В соответствии с данными исследования более 80% инвесторов говорят о том, что при равных финансовых показателях двух организаций они заплатят больше за акции организации с хорошим качеством корпоративного управления. Стоит подчеркнуть, что премия, которую инвесторы готовы платить за акции компаний с развитой системой корпоративного управления на рынках развивающихся стран выше, чем в развитых странах. Качество корпоративного управления сильнее влияет на стоимость компании в странах со слабой правовой средой, где законодательство не может в полной мере защитить интересы миноритарных акционеров и обеспечить соблюдение высоких стандартов бухгалтерской отчетности [12]. Премия к цене акции в данном случае «представляет собой гарант соблюдения прав акционеров и обеспечивает прозрачность компании» [13; 14]. Размер премии, которую инвесторы

¹ McKinsey (2002). Global investor opinion survey. URL: <http://www.eiod.org/uploads/publications/pdf/ii-rp-4-1.pdf>.

готовы платить за хорошее корпоративное управление, меняется от страны к стране. Так, в США и Великобритании инвесторы готовы платить на 18% больше за акции компаний с эффективным корпоративным управлением, чем за бумаги компаний с аналогичными финансовыми показателями, но менее совершенной практикой управления. В Италии аналогичный показатель достигал 22%, в Индонезии – 27%. По мнению инвесторов, на развивающихся рынках размер премии может достигать 30%². Специалисты полагают, что «премия за высокое качество корпоративного управления может составлять на российском рынке до 40%» [15].

В целом исследование McKinsey показало, что размеры надбавки к цене акции могут быть весьма значительными и компания любой отрасли любой страны происхождения может рассчитывать на 10 – 12%-й рост капитализации при условии эффективной реализации любого из 15 принципов хорошо организованной системы корпоративного управления: «собственность не сконцентрирована, прозрачность структуры собственности, принцип “одна акция – один голос”, защита от возможного поглощения, уведомление о собрании акционеров, размер совета директоров, внешние директора и совмещение постов, независимые директора, правила функционирования совета директоров, комитеты совета директоров, раскрытие информации, стандарты бухгалтерской отчетности, независимый аудит, различные способы доступа к информации и своевременность раскрытия информации»³.

По результатам опроса инвесторов международной аудиторско-консалтинговой компании Ernst & Young, факторы корпоративного управления на российском рынке «имеют часто даже более приоритетную значимость по сравнению с фундаментальными: первые позиции в общем рейтинге значимости факторов занимают прозрачность, состав акционеров, компетенция менеджеров и совета директоров, затем идут фундаментальные факторы (выручка, рентабельность и др.)» [12; 15]. Эмпирические исследования, проведенные П.Ю. Старюком, показывают, что «совершенствование внутренней практики корпоративного управления может создать для репрезентативной российской компании значимый потенциал увеличения рыночной стоимости в среднесрочной перспективе (до 80 – 90%)» [15; 16].

Эмпирическое исследование деятельности 1500 компаний США, проведенное профессорами гарвардской бизнес-школы во главе с Полом Гомперсом, свидетельствует о том, что те компании, которые придерживаются высоких стандартов корпоративного управления, в среднем имеют более высокие показатели эффективности и капитализации, чем остальные фирмы. Кроме того, эффективное корпоративное управление снижает и стоимость капитала. Разница в приросте стоимости акций компаний с высокими стандартами корпоративного управления (15,5%) и низкими (7%) составила 8,5 п.п. [13]⁴.

Немецкими исследователями проведен эмпирический анализ влияния качества корпоративного управления на стоимость корпораций ФРГ. Результаты исследования свидетельствуют, что капитализация находится в прямой зависимости от качества корпоративного управления, учитывающего такие факторы, как прозрачность, практика отношений с миноритарными акционерами, качество аудита, профессионализм и независимость совета директоров и др. А. Дурнев и Э. Ким, используя систему рейтингов банка «Креди Лионе», построили модель оценки влияния качества корпоративного управления на стоимость компаний в 26 странах, обнаружив его неоспоримую значимость, но, в то же время, существенную специфику в различных государствах. Подтверждая это, Л. Клаппер и И. Лав на основе подобного анализа выявили существенное влияние степени защиты прав инвесторов на стоимость компаний из развивающихся стран [17]. Исследование, проведенное профессором Стэнфордского университета Б. Блэком, показывает взаимосвязь между уровнем корпоративного управления и рыночной стоимостью компаний в России. Используя рейтинги корпоративного управления и отношение фактической капитализации к потенциальной, он отметил значительную корреляцию данных показателей [20]. Согласно расчетам Б. Блэка, компания может достигнуть 700-кратного увеличения стоимости, если произойдет улучшение качества ее корпоративного управления от низшего уровня к высшему. Б. Блэк констатирует, что «практика корпоративного управления оказывает мощное воздействие на рыночную стоимость в стране со слабыми правовыми и культурными средствами ограничения поведения корпораций»⁵.

Международная аудиторско-консалтинговая компания PriceWaterhouseCoopers (PWC) показала зависимость капитализации нефтяных компаний от качества корпоративной отчетности. Качество корпоративной отчетности является одним из элементов корпоративного управления. Раскрытие соответствующей информации, согласно исследованию данной компании, «приведет к росту капитализации корпорации на 20–30%» [17].

Российский специалист Е.Н. Гунина опираясь на результаты ряда исследований полагает, что «в государствах с транзитивной экономикой 80% инвесторов согласны на «надбавку» за качество корпоративного управления к стоимости акций, причем размер премии находится в пределах от 20% до 50%. В российских условиях данная величина может составлять до 38% стоимости акций отечественных корпораций» [17].

² Цена корпоративного управления [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnikmckinsey.ru/organizational-models-and-management-systems/cena-korporativnogo-upravleniya>.

³ Там же.

⁴ Gompers P., Ishii J., Metrick A. (2003). Corporate Governance and Equity Prices [Электронный ресурс]. *Quarterly Journal of Economics*. (1), 107–155. URL: http://www.corporategovernanceadvisory.com/uploads/4/0/9/3/40931365/cg_and_equity_prices_-_gim.pdf.

⁵ Блэк, Бернард С. Поведение в области корпоративного управления и рыночная стоимость российских фирм [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=263014>; DOI: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.263014>.

Следует отдельно отметить, что современным трендом у крупных международных компаний является соблюдение принципов устойчивого развития ESG (Environmental, Social and Governance factors), которые подразумевают инициативы компании и ответственное отношение к охране окружающей среды, обществу (социальная ответственность) и стандартам управления (корпоративное управление). «Результаты исследования Deutsche Asset Management и университета Гамбурга, проведенного в декабре 2015 года, показывают, что между интеграцией так называемых ESG-факторов и улучшением финансовой результативности существует положительная зависимость. Причем, как отмечают эксперты, среди трех ESG-факторов именно корпоративное управление является основной движущей силой» [13].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что корпоративное управление является одним из определяющих факторов при принятии инвестиционных решений, который необходимо учесть оценщику.

Полагаем, что ключевым фактором увеличения стоимости является *эффективная система корпоративного управления* банка. Ранее фактором, увеличивающим стоимость банка, рассматривалось в основном качество и уровень корпоративного управления либо качество менеджмента. Качество корпоративного управления не является синонимом его эффективности. Для инвестора важно, чтобы система корпоративного управления была оптимальной с точки зрения выполнения ей своих функций и затрат на неё. Также, в качестве факторов, повышающих стоимость банка, по нашему мнению, следует рассматривать следующие составные элементы системы корпоративного управления: *системы внутреннего контроля и управления рисками, риск-ориентированный внутренний аудит, системы управления процессами и инновациями, эффективное взаимодействие контрольных служб банка*.

Эффективные системы внутреннего контроля и управления рисками. Ранее в качестве фактора стоимости рассматривались качество и политика риск-менеджмента. В качестве фактора следует рассматривать не только системы как таковые, но и их эффективность. Эффективные системы (подсистемы) внутреннего контроля и управления способствуют достижению банком стратегических целей, выполнения показателей и сохранности банковских активов, а также минимизации банковских рисков. Миссией внутреннего аудита в соответствии с Международными Основами Профессиональной Практики внутреннего аудита является «сохранение и повышение стоимости организации посредством проведения объективных внутренних аудиторских проверок на основе риск-ориентированного подхода, предоставления рекомендаций и обмена знаниями».

Эффективная система управления инновациями способствует реализации новых идей и знаний с целью их практического использования для удовлетворения запросов потребителей банковских продуктов и, как следствие, последовательному превращению идей в товар. При этом обязательным критерием данной системы является способность банка к быстрым изменениям – высокая скорость реагирования на изменения внешней среды.

Эффективная система управления процессами позволяет достигать максимальных выгод от бизнес-процессов банка при оптимальном вложении средств в их функционирование.

В силу того, что отличительной чертой банковской деятельности в Республики Беларусь является большое количество контрольных служб, фактором, увеличивающим стоимость банка, является *эффективное взаимодействие контрольных подразделений банка*: служб внутреннего аудита, внутреннего контроля (комплаенс-службы), риск-менеджмента и других.

По мнению П.Ю. Старюка, корпоративное управление представляет собой самостоятельный значимый риск для владельцев капитала и, в особенности, для владельцев акционерного капитала (акционеров) в связи с отсутствием у последних обеспечения и наиболее низкого статуса в очереди на возврат средств в случае банкротства компании. По его мнению, корпоративное управление наряду с фундаментальными показателями (факторами операционной, инвестиционной и финансовой эффективности) является важнейшим фактором создания стоимости компании, и система корпоративного управления эффективной компании должна быть интегрирована в общую стратегию и систему управления стоимостью [15]. Мы поддерживаем данную точку зрения.

Система корпоративного управления является отдельным важнейшим фактором создания стоимости банка. Фундаментальные показатели его деятельности (характеризующие операционную, инвестиционную и финансовую эффективность) зависят и, по сути, являются следствием организованной и должным образом функционирующей системы корпоративного управления банка. В связи с этим мы полагаем, что уровень эффективности системы корпоративного управления оцениваемого банка должен учитываться в качестве поправочного коэффициента к результату величины рыночной стоимости банка, рассчитываемому согласно трем упомянутым выше основным подходам: затратному, доходному и сравнительному, либо посредством гибридных моделей.

Предлагается следующий методологический подход к расчету премии/дисконта.

Приняв за основу стоимость банка, полученную посредством вышеуказанных распространенных подходов (затратного, доходного и сравнительного), рассчитывается его взвешенная (средняя) стоимость. Применив поправочный коэффициент, полученный по результатам оценки эффективности системы корпоративного управления, определяется рыночная стоимость банка. Диапазон значений и поправочные коэффициенты представлены в таблице 1.

Например, стоимость банка, полученная доходным подходом, составляет 130,0 млн руб., затратным подходом – 110,0 млн руб., а сравнительным подходом – 95,0 млн руб. Среднее значение составляет 111,7 млн руб. Результаты оценки эффективности системы корпоративного управления составляют 86,32%. Применив шкалу, устанавливается поправочный коэффициент 1,10. Рыночная стоимость банка с учетом поправочного коэффициента составляет 122,8 млн руб. (таблица 2).

Таблица 1. – Размеры поправочных коэффициентов на уровень эффективности системы корпоративного управления банка

Диапазон значений эффективности	Размер поправочного коэффициента
96-100%	1,30
91-95%	1,25
86-90%	1,10
81-85%	1,00
75-80%	0,85
71-74%	0,80
51-70%	0,70
менее 50%	0,60

Таблица 2. – Пример расчета рыночной стоимости банка с учетом премии за уровень эффективности системы корпоративного управления

Подходы/показатели	Тыс. руб. / % эффективности
Доходный подход	130 000,00
Затратный подход	110 000,00
Сравнительный подход	95 000,00
Среднее значение	111 666,67
Эффективность системы корпоративного управления банка	86,32%
Поправочный коэффициент для расчета премии	1,10
Рыночная стоимость банка с учетом премии	122 833,34

Порядок расчета рыночной стоимости банка с учетом влияния эффективности системы корпоративного управления представляет собой формулу (1).

$$СБ_{ску} = СБ_{оц} * \begin{matrix} 1,30 \\ 1,25 \\ 1,10 \\ 1,00 \\ 0,85 \\ 0,80 \\ 0,70 \\ 0,60 \end{matrix}, \quad (1)$$

где $СБ_{ску}$ – коэффициент влияния системы корпоративного управления на стоимость банка;

$СБ_{оц}$ – оценка с учетом традиционных методов (затратный, доходный, сравнительный);

$К_{попр}$ – поправочный коэффициент, соответствующий показателю эффективности системы корпоративного управления.

Соглашаясь с классификацией факторов стоимости банка на внешние и внутренние, мы полагаем, что можно выделить третью группу факторов – «смешанные». В данную группу можно включить как минимум систему корпоративного управления, которая в широком смысле представляет собой систему взаимоотношений ряда стейкхолдеров (заинтересованных сторон): как внешних, так и внутренних. Следовательно, не совсем корректным будет ее отнесение к какому-то одному из внешних или внутренних факторов. Топ-менеджмент банка, взаимодействуя с внешней и управляя внутренней средой банка, является агентом их обеих. Так, предлагаемая уточненная классификация включает внешние, внутренние, смешанные факторы стоимости банка.

Заключение. Таким образом, на формирование стоимости банка оказывает влияние множество факторов. Важнейшим из них, повышающим стоимость банка, является эффективная система корпоративного управления, и ее элементы: эффективная система внутреннего контроля, эффективная система управления рисками, риск-ориентированный внутренний аудит, направленный на достижение установленных акционерами целей, эффективная система управления инновациями, эффективная система управления процессами, взаимодействие контрольных подразделений банка.

Установлено, что существует прямая взаимосвязь между уровнем эффективности системы корпоративного управления банка и его рыночной стоимостью. Предложен подход к оценке рыночной стоимости банка, учитывающий данную взаимосвязь. Подход представляет собой систему поправочных коэффициентов для расчета премии либо дисконта при расчете рыночной стоимости банка с учетом уровня эффективности его системы корпоративного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филиппова, А.А. Совершенствование методики оценки рыночной стоимости коммерческого банка : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / А.А. Филиппова ; Моск. гор. ун-т управления Правительства Москвы. – М., 2013. – 27 с.

2. Филиппова, А.А. Факторы рыночной стоимости коммерческого банка / А.А. Филиппова // Финансы и кредит. – 2011. – № 32. – С. 15-23.
3. Филиппова, А.А. Качество кредитного портфеля как фактор стоимости банка / А.А. Филиппова // Финансы и кредит. – 2010. – № 22. – С. 44–51.
4. Мозгалева, Т.Н. Адаптация оценки рыночной стоимости коммерческого банка к условиям современной российской экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / Т.Н. Мозгалева ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова – М., 2008. – 30 с.
5. Ковалев, М.М. Стоимость банка / М.М. Ковалев, А.В. Василевский. – Минск : Изд. ц-р БГУ, 2018. – 148 с.
6. Стюарт, Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Т.А. Стюарт ; пер. с англ. В. Ноздриной. – М. : Поколение, 2007. – 368 с.
7. Головина, Г.П. Оценка рыночной стоимости коммерческого банка : автореф.дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Г.П. Головина ; Самар. гос. ун-т – Самара, 2010. – 19 с.
8. Будицкий, А.Е. Стоимость коммерческого банка и методика ее оценки : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / А.Е. Будицкий ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М., 2009. – 23 с.
9. Фролова, В.Б. Исследование факторов стоимости банковского бизнеса [Электронный ресурс] / В.Б. Фролова, Т.В. Хань // Финансы и кредит – 2018. – Т. 24. – № 5. – С. 1109 – 1128. URL: <https://www.fin-izdat.com/journal/fc/detail.php?ID=72833>.
10. Братов, А.Б. Факторы, влияющие на стоимость инвестиционного банка / А.Б. Братов // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 16. – С. 2551–2564. – DOI: 10.18334/rp.16.16.613.
11. Карминский, А.М. Методы оценки стоимости коммерческого банка в условиях глобализации [Электронный ресурс] / А.М. Карминский, Э.А. Фролова // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3(42). – С. 173–183. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/367/367>.
12. Шуклина, М.А. Роль корпоративного управления при формировании стоимости акций и бизнеса публичного акционерного общества в современной российской экономике / М.А. Шуклина, О.Д. Косорукова // Имущественные отношения в РФ. – 2018. – № 12(207). – С. 6–16.
13. Абашева, А.А. Влияние корпоративного управления на стоимость компании / А.А. Абашева // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2016. – № 40-1. – С. 20–26.
14. Газин, Г.З. Корпоративное управление в России: реальное конкурентное преимущество / Г.З. Газин // Вестник McKinsey. – 2003. – № 3. – С. 7–19.
15. Старюк, П.Ю. Управление стоимостью компании как основная задача корпоративного управления / П.Ю. Старюк // Журнал «Корпоративные финансы». – 2007. – № 2 – С. 5–16.
16. Старюк, П.Ю. Влияние корпоративного управления на стоимость российских компаний (эмпирический анализ) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / П.Ю. Старюк ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М., 2008. – 24 с.
17. Гунина, Е.Н. Влияние качества корпоративного управления на стоимость компании как парадигма перехода к стоимостной концепции управления / Е.Н. Гунина // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – № 4 – С. 87–90.

REFERENCES

1. Filippova, A.A. (2013). *Sovershenstvovanie metodiki ocenki rynochnoj stoimosti kommercheskogo banka. [Improving the methodology for assessing the market value of a commercial bank]*. Moscow. (In Russ.).
2. Filippov, A.A. (2011). *Faktory rynochnoj stoimosti kommercheskogo banka. [Factors of the market value of commercial banks]. Finansy i kredit. [Finance and credit]. (32), 15–23. (In Russ., abstr. in Engl.)*.
3. Filippov, A.A. (2010). *Kachestvo kreditnogo portfelya kak faktor stoimosti banka. [The quality of the loan portfolio as a determinant of the cost of the Bank]. Finansy i kredit [Finance and credit]. (22), 44–51. (In Russ., abstr. in Engl.)*.
4. Mозgaleva, T.N. (2008). *Adaptatsiya ocenki rynochnoj stoimosti kommercheskogo banka k usloviyam sovremennoj rossijskoj ekonomiki. [Adaptation of the assessment of the market value of a commercial bank to the conditions of the modern Russian economy]*. Moscow. (In Russ.).
5. Kovalev, M.M. & Vasilevsky, A.V. (2018). *Stoimost' banka*. Minsk: Publishing Center of BSU. (In Russ.).
6. Stewart, T.A. (2007). *Intellektual'nyj kapital. Novyj istochnik bogatstva organizacij. [Intellectual capital. A new source of wealth of organizations]*. Transl. from the Engl. by V. Nozdrina. Moscow: Generation. (In Russ.).
7. Golovina, G.P. (2010). *Ocenka rynochnoj stoimosti kommercheskogo banka. [Assessment of the market value of a commercial bank]*. Samara. (In Russ.).
8. Buditsky, A.E. (2009). *Stoimost' kommercheskogo banka i metodika ee ocenki. [The cost of a commercial bank and the methodology of its assessment]*. Moscow. (In Russ.).
9. Frolova, V.B. & Han, T.V. (2018). *Issledovanie faktorov stoimosti bankovskogo biznesa. [Study of the factors of the banking business]. Finansy i kredit. [Finance and credit]. (5), 1109–1128. (In Russ., abstr. in Engl.)*. URL: <https://www.fin-izdat.com/journal/fc/detail.php?ID=72833>.
10. Brother, A.B. (2015). *Faktory, vliyayushchie na stoimost' investitsionnogo banka. [Factors affecting the cost of the investment Bank]. Rossijskoe predprinimatel'stvo. [Russian entrepreneurship]. (16), 2551–2564. DOI: 10.18334/rp.16.16.613. (In Russ., abstr. in Engl.)*.
11. Karminsky, A.M. & Frolova, E.A. (2015). *Metody ocenki stoimosti kommercheskogo banka v usloviyah globalizatsii. [Methods of assessing the value of a commercial bank in the context of globalization]. Vestnik MGIMO-Universiteta. [Herald MGIMO University]. (3), 173–183. (In Russ., abstr. in Engl.)*. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/367/367>.
12. Shuklina, M.A. & Kosorukova, O.D. (2018). *Rol' korporativnogo upravleniya pri formirovanii stoimosti akcij i biznesa publichnogo akcionernogo obshchestva v so-vremennoj rossijskoj ekonomike. Imushchestvennye otnosheniya v RF. (12), 6–16. DOI: 10.24411/2072-4098-2018-10121. (In Russ.)*.
13. Abasheva, A.A. (2016). *Vliyaniye korporativnogo upravleniya na stoimost' kompanii. Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad. (40-1), 20–26. (In Russ.)*.

14. Gazin, G.Z. (2003). Korporativnoe upravlenie v Rossii: real'noe konkurentnoe preimushchestvo. *Vestnik McKinsey*. (3), 7–19. (In Russ.).
15. Saryuk, P.Yu. (2007). Upravlenie stoimost'yu kompanii kak osnovnaya zadacha korporativnogo upravleniya. *Zhurnal «Korporativnye finansy»*. (2), 5–16. (In Russ.).
16. Saryuk, P.Yu. (2008). Vliyanie korporativnogo upravleniya na stoimost' rossijskih kompanij (empiricheskij analiz). [The impact of corporate governance on the value of Russian companies (empirical analysis)]. Moscow. (In Russ.).
17. Gunina, E.N. (2008). Vliyanie kachestva korporativnogo upravleniya na stoimost' kompanii kak paradigma perekhoda k stoimostnoj koncepcii upravleniya. *Ekonomicheskij vестnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. (4), 87–90. (In Russ.).

Поступила 15.10.2021

FACTORS AFFECTING THE MARKET VALUE OF THE BANK

N. GLINKOV

The factors influencing the market value of the bank are stated. The importance of such a factor in the formation of the bank's value as the corporate governance system is reflected. The relationship between the level of corporate governance of the bank and its market value is shown. In the context of the corporate governance system, its elements are identified that contribute to increasing the market value of the bank. An approach is proposed for calculating the premium / discount for the level of efficiency of the corporate governance system when assessing the value of the bank.

Keywords: bank value, evaluation, factors, corporate governance.

УДК 338

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-49-52

**РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК
С ЦЕЛЬЮ ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПИ ПОСТАВОК****канд. экон. наук, доц. О.С. ГУЛЯГИНА****(Белорусский государственный экономический университет, Минск)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3739-0650>**

Представлен перечень факторов развития логистического потенциала цепей поставок, которые оказывают прямое и опосредованное воздействие на компоненты логистического потенциала как во внутренней, так и во внешней среде цепи. В качестве таких факторов развития предложены: внедрение новых логистических технологий доставки грузов и хранения товаров на складах, активное развитие информационных систем и их внедрение в сферу логистики и управления цепями поставок, развитие рынка логистических услуг, в том числе комплексного логистического сопровождения, ресурсосберегающая политика предприятий, повышение значимости экологического аспекта ведения бизнеса в рамках стремления государств к устойчивому развитию. Приведенные факторы позволят определить резервы наращивания логистического потенциала для национальных цепей поставок с целью их интеграции в глобальные цепи поставок.

Ключевые слова: *цепь (цепи) поставок, логистический потенциал факторы развития.*

Введение. Интеграция субъектов хозяйствования в цепи поставок с целью качественного и эффективного управления материальными потоками уже давно доказала свою актуальность и целесообразность. Сегодня любая организация входит в одну или несколько цепей поставок и играет определенную роль в каждой из них. Высокие темпы изменений и ежегодно возрастающая неопределенность как на национальных рынках, так и на международной арене поспособствовало усилению стремлений организаций различных форм собственности и сфер деятельности к участию в устойчивых глобальных цепях поставок, что может гарантировать некую стабильность и безопасность на рынке. При этом к интеграции в глобальные цепи поставок стремятся уже не только отдельные организации, но и целые цепи поставок. И чем выше логистический потенциал таких цепей, тем выше вероятность их включения в глобальные цепи.

Основная часть. Логистический потенциал цепи поставок – совокупная способность звеньев цепи поставок и факторов внешней среды цепи за счет их взаимодействия обеспечивать оптимальное, с точки зрения стоимости, сохранности и скорости, продвижение материального потока и сопутствующих ему сервиса, информационного и финансового потоков от источника сырья до потребителя конечной продукции [1, с. 7]. В качестве компонентов логистического потенциала цепей поставок можно выделить: во внешней среде цепи – транспортная инфраструктура, предложение транспортных услуг, складская инфраструктура и предложение складских услуг, обслуживающие секторы; во внутренней – звенья цепи поставок (поставщики, фокусная организация, покупатели, логистические операторы и прочие участники) (рисунок).

Основной компонент логистического потенциала цепей поставок – их звенья. К ним относятся поставщики, фокусная организация (производитель, торговая организация), покупатели, логистические операторы (транспортные операторы, экспедиторы, складские операторы, терминалы, таможенные брокеры, стивидорные компании, 3PL-провайдеры), прочие участники (банки, биржи, страховые, консалтинговые, информационные и рекламные компании). Отметим, что в рамках изучения логистического потенциала цепей поставок их деятельность анализируется как по отдельности, так и во взаимодействии. Другой важный компонент логистического потенциала цепей поставок – транспортная инфраструктура, которая должна обеспечивать комфортную, надежную и безопасную доставку грузов между звеньями цепи. Развитие этого компонента зависит от протяженности и плотности автомобильных, железных и иных дорог, количества объектов придорожного сервиса. Предложение транспортных услуг предполагает наличие и уровень развитости транспортных услуг, оценка которых может быть произведена относительно показателей количества организаций, оказывающих соответствующие услуги, и грузооборота различного вида транспорта. Данный компонент отражает потенциальные звенья и их возможности по повышению логистического потенциала цепей поставок. Следующий компонент – складская инфраструктура и предложение складских услуг. Этот компонент характеризует возможность формирования и качественного хранения запасов продукции в цепях поставок, что позволяет сократить издержки на транспортные услуги и снизить риск невыполнения обязательств по своевременной доставке продукции. Оценка данного компонента зависит от количества складов, их класса, площади и объема, а также количества складских операторов на рынке.

Обслуживающие секторы – это компонент, включающий в себя все то, что помогает эффективному продвижению материальных ресурсов по цепям поставок, – секторы обеспечения информационными и финансовыми потоками. Так, необходимым условием согласованной работы всех звеньев является наличие информационных систем, способных быстро и экономично подвести нужный сигнал к нужной точке в нужный момент, а также организаций, оказывающих информационные услуги. Предложение финансовых услуг является неотъемлемой частью логистического потенциала цепи поставок, поскольку финансовые потоки в обязательном порядке сопутствуют материальным потокам. Чем качественнее уровень предлагаемых услуг, тем выше логистический потенциал цепи поставок, которую они обслуживают.

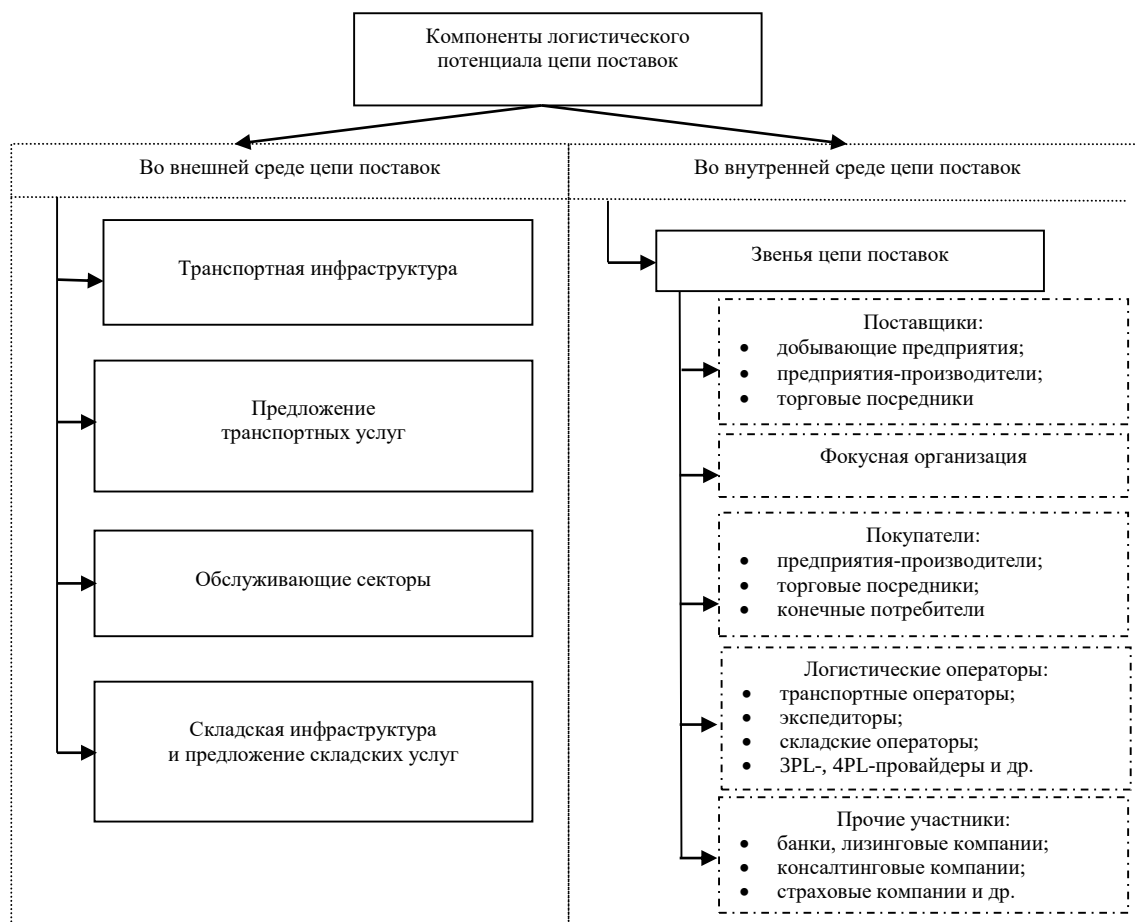

Рисунок. – Компоненты логистического потенциала цепей поставок

Перечисленные компоненты являются той базой, которую необходимо совершенствовать для достижения своевременного, качественного продвижения материального потока от производителя к потребителю с заданным уровнем издержек.

Согласно сформированному составу все компоненты логистического потенциала можно разделить на две группы: во внутренней (звенья цепи поставок) и внешней среде цепи (транспортная инфраструктура, предложение транспортных услуг, складская инфраструктура и предложение складских услуг, обслуживающие секторы). Следовательно, наращивание логистического потенциала цепи поставок можно проводить по двум направлениям: усиливать логистический потенциал звеньев цепи и развивать логистический потенциал территории (региона). Для интеграции национальных цепей поставок в глобальные цепи важны оба направления.

Уровень логистического потенциала цепей поставок прежде всего определяется факторами его развития. На базе разработанного и проанализированного нами компонентного состава логистического потенциала цепей поставок, а также проведенного теоретического исследования трудов Т.Г. Зориной [2], В.И. Сергеева, В.В. Дыбской [3; 4], С.Ф. Куган [5], S. Banker [6] нами был сформирован и адаптирован к современным реалиям перечень факторов развития логистического потенциала цепей поставок, которые оказывают прямое и опосредованное воздействие на компоненты логистического потенциала как во внутренней, так и во внешней среде цепи. В качестве таковых нами выделены:

1. Внедрение новых логистических технологий доставки грузов и хранения товаров на складах. Здесь следует отметить уже внедренные и доказавшие свою эффективность технологии. Для транспортной логистики это мультимодальные перевозки, доставка сборных грузов. Для складской логистики это технологии кросс-докинга, адресного хранения. Следует отметить значимость таких внедрений, как унификация транспортной тары (контейнеризация), внедрение радиочастотной идентификации грузов и др. В то же время существует ряд технологий, которые только ищут свое место в логистической сфере, но со временем могут стать настоящей движущей силой. И эти новые логистические технологии ориентированы, в первую очередь, на автоматизацию и цифровизацию процессов транспортировки и складирования. Так, беспилотный транспорт, роботизированные склады и цифровые двойники на них уже перестали быть чем-то далеким, а находят реальное применение на местах и трансформируют технологии доставки и складирования до неузнаваемости. Внедрение новых технологий в процесс доставки материального потока от производителя к потребителям, а также в процесс аккумулялирования и хранения запасов в цепи, позволяет повысить логистический потенциал цепей поставок, поскольку дает возможность достичь требуемых результатов более эффективными способами.

2. Активное развитие информационных систем и их внедрение в сферу логистики и управления цепями поставок. Сегодня любую хозяйственную деятельность невозможно представить без участия информационных систем. Их развитие позволяет повышать эффективность логистических процессов: ускоряет обмен данными, улучшает механизм контроля за продвижением груза, повышает безопасность всех процессов, добавляет прозрачность в процесс доведения товара до потребителя, то есть совершенствует логистический потенциал цепей поставок. И здесь мы подразумеваем не только информационные системы управления складом (например, WMS – *Warehouse Management System*) или транспортом (например, TMS – *Transport Management System*), которые применяются в деятельности конкретных звеньев цепи поставок. Сюда мы относим и более глобальные вещи. Например, уберизацию в логистике (реализация которой достигается, в том числе, за счет технологии блокчейна), т.е. использование бизнесом цифровой платформы для создания дополнительной ценности сервиса путем объединения потребителей и поставщиков услуг без привлечения посредников, что способствует сокращению числа посредников в цепи поставок, минимизации издержек, ускорению и кастомизации всех процессов. Так, на сегодняшний день развитие таких платформ, которые именуют себя «логистический агрегатор» или «биржа грузоперевозок», можно назвать стремительным. Стоит отметить также цифровую трансформацию цепей поставок (что подразумевает не просто покупку и установку новейшего цифрового инструментария, но и создание новой системы ценностей, кодекса, нового цифрового мышления), которая постепенно находит отклик в бизнес-среде. Такое развитие информационных систем несомненно оказывает положительное влияние на уровень и возможности наращивания логистического потенциала цепей поставок.

3. Развитие рынка логистических услуг, в том числе комплексного логистического сопровождения. Появление специализированных логистических провайдеров дало производителям возможность снять с себя часть функций по продвижению товара и передать их аутсорсинговым организациям, способным осуществлять данные услуги на более качественном уровне и с меньшими затратами. Кроме того, их возрастающее количество способствует постоянному улучшению качества услуг. Заметим также, что возрастает не только количество логистических операторов, но и объемы работ, которые они готовы на себя брать. Всё большую популярность, например, приобретает фулфилмент – комплекс операций с момента оформления заказа покупателем и до момента получения им покупки. То есть фулфилмент-оператор берет на себя все функции, кроме самого производства (обработка заказов, приемка товаров на склад, складирование и хранение, комплектация и упаковка заказов, отгрузка заказов службе доставки или же самостоятельная доставка заказов, работа с возвратами и др.). Повышение качества логистических услуг и снижение их стоимости способствует развитию логистического потенциала цепи.

4. Ресурсосберегающая политика предприятий. Ресурсосберегающее снабжение, малозатратное производство, рациональное распределение готовой продукции в сочетании с качественным обслуживанием клиентов обеспечивают высокий логистический потенциал как конкретного предприятия, так и цепей поставок, в которых оно участвует.

5. Повышение значимости экологического аспекта ведения бизнеса в рамках стремления государств к устойчивому развитию. Такой подход позволяет сформировать эффективный мотивированный подход к управлению цепями поставок с целью снижения логистических издержек и эколого-экономического ущерба, причиняемого окружающей среде, т.е. координировать деятельность в цепи поставок таким образом, чтобы удовлетворялись потребности при наименьших затратах для окружающей среды с учетом таких факторов, как изменение климата, загрязнение воздуха, сброс отходов (включая отходы упаковки), загрязнение почвы, шум, вибрация т.д.

Перечисленные факторы позволяют определить основные резервы наращивания логистического потенциала цепей поставок и, следовательно, пути развития, которые повысят вероятность интеграции конкретной цепи в глобальные цепи поставок. Заметим, что многим из указанных факторов в нашей стране не оказывается должного внимания, что негативно сказывается на логистическом потенциале цепей поставок, звеньями которых являются отечественные субъекты хозяйствования, и/или цепей поставок, пролегающих по территории Республики Беларусь. Так, далеко не все наши логистические операторы стремятся внедрять новые технологии доставки грузов и их хранения или же активно внедрять цифровизацию в деятельность. Это касается как транспортных компаний, экспедиторов, так и логистических центров. Наиболее передовой, на наш взгляд, сегодня выглядит белорусская таможня, которая за последние несколько лет добилась существенных результатов в области цифровизации (например, технологии автоматического выпуска и удаленного оформления товаров).

Пропагандируемая ресурсосберегающая политика предприятий также остается пока только формальностью и на большинстве отечественных предприятий не имеет реального подтверждения. Во многом это связано с неспособностью наших предприятий сегодня переналадить производственные процессы. А это, в свою очередь, сказывается на конкурентоспособности субъектов хозяйствования на мировом рынке и приводит к низкой вероятности их включения в глобальные цепи поставок как полноценных субъектов.

Слабо у нас обстоят дела и с повышением значимости экологического аспекта ведения бизнеса. В сентябре 2015 г. Республика Беларусь вошла в состав стран, выразивших свою приверженность Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и приняла обязательства «обеспечивать устойчивый, всеохватный и поступательный экономический рост, социальную интеграцию и охрану окружающей среды, а также способствовать обеспечению мира и безопасности на планете». Однако реальные подвижки в данном направлении пока не существенны. Во многом такое положение вещей сложилось из-за нежелания организаций отходить от уже налаженных традиционных путей и механизмов работы (так как любые изменения требуют существенных вложений денег, времени и усилий) и высокого уровня недоверия к новым подходам, хорошо зарекомендовавшим себя за рубежом, но не дающим стопроцентной гарантии успешного внедрения в отечественных реалиях.

Заключение. Для поддержания своей конкурентоспособности как на национальном рынке, так и на международной арене цепи поставок должны постоянно развиваться и совершенствоваться. Для этого необходимо периодически проводить оценку логистического потенциала цепей поставок (как их способности обеспечивать оптимальное, с точки зрения стоимости, сохранности и скорости, продвижение материального потока), отслеживать и максимально задействовать возможные источники наращивания логистического потенциала цепей. Такой подход позволяет формировать четкое представление о том, насколько хорошо цепь работает в настоящее время, в каком направлении следует ее усовершенствовать, насколько успешно проходит процесс преобразований цепи поставок в выбранном направлении. Источники наращивания логистического потенциала цепей определяются факторами развития логистического потенциала цепей. Таким образом, разработанные и изложенные нами факторы — это те резервы, которые необходимо использовать в качестве основного источника развития логистического потенциала национальных цепей поставок с целью их интеграции в глобальные цепи поставок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулягина, О.С. Логистический потенциал цепей поставок химической продукции в регионе: оценка и развитие : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / О.С. Гулягина ; Белор. гос. экон. ун-т. — Минск, 2016. — 24 с.
2. Зорина, Т.Г. Современная парадигма логистического потенциала региона / Т.Г. Зорина, В.Э. Зубков // Науч. тр. Белор. гос. экон. ун-та. / редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГЭУ, 2019. — Вып. 12. — С. 200–209.
3. Дыбская, В.В. Мировые тренды развития управления цепями поставок / В.В. Дыбская, В.И. Сергеев // Логистика и управление цепями поставок. — 2018. — № 2. — С. 3–14.
4. Дыбская, В.В. Концепция Supply Chain Control Tower: методология проектирования и практическая реализация / В.В. Дыбская, В.И. Сергеев // Логистика и управление цепями поставок. — 2019. — № 2. — С. 3–15.
5. Куган, С.Ф. Логистический потенциал как фактор формирования конкурентоспособности региона / С.Ф. Куган // Технико-технологические проблемы сервиса. — 2020. — № 1(51). — С. 71–75.
6. Banker, Steve. 20 things to know about supply chain digital transformations [Electronic resource] / Steve Banker // Forbes. — 2019. — 18 September. URL: <https://www.forbes.com/sites/stevebanker/2019/09/18/20-things-to-know-about-digital-supply-chain-transformations/?sh=27516c6d45b1>.

REFERENCES

1. Gulyagina, O.S. (2016). *Logisticheskij potencial cepej postavok himicheskoy produkcii v regione*. Minsk. (In Russ.).
2. Zorina, T.G. & Zubkov, V.E. (2019). *Sovremennaya paradigma logisticheskogo potenciala regiona*. [Modern paradigm of logistics potential of the region]. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. (12), 200–209. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Dybskaya, V.V. & Sergeev, V.I. (2018). *Mirovye trendy razvitiya upravleniya cepyami postavok*. *Logistika i upravlenie cepyami postavok*. (2), 3–14. (In Russ.).
4. Dybskaya, V.V. & Sergeev, V.I. (2019). *Koncepciya Supply Chain Control Tower: metodologiya proektirovaniya i prakticheskaya realizaciya*. *Logistika i upravlenie cepyami postavok*. (2), 3–15. (In Russ.).
5. Kugan, S.F. (2020). *Logisticheskij potencial kak faktor formirovaniya konkurentosposobnosti regiona*. [Logistic potential as a factor for forming competitiveness of region] *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*. (1), 71–75. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Banker, Steve. (2019). 20 Things to know about supply chain digital transformations. *Forbes*. (In Engl.). URL: <https://www.forbes.com/sites/stevebanker/2019/09/18/20-things-to-know-about-digital-supply-chain-transformations/?sh=27516c6d45b1>.

Поступила 08.10.2021

DEVELOPMENT OF LOGISTIC POTENTIAL OF NATIONAL SUPPLY CHAINS FOR THE PURPOSE OF THEIR INTEGRATION INTO GLOBAL SUPPLY CHAINS

O. HULIAHINA

The article presents the list of development factors of the logistics potential of supply chains that have a direct and indirect impact on the components of the logistics potential both in the internal and external environment of the chain. As such development factors, were proposed: the introduction of new logistics technologies for the delivery of goods and storage of goods in warehouses, the active development of information systems and their implementation in the field of logistics and supply chain management, the development of the logistics services market, including integrated logistics support, resource-saving policies of enterprises, increasing the importance of the environmental aspect of doing business in the framework of states' aspirations for sustainable development. The above factors will make it possible to determine the reserves for building up the logistics potential for national supply chains in order to integrate them into global supply chains.

Keywords: supply chain, logistics potential of the supply chain, development factors.

УДК 338.45

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-53-58

ПРОДУКТОВАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

М.А. ДУДАН*(Белорусский государственный технологический университет, Минск)*ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8663-3068>

В теоретической части рассмотрена сущность продуктовой диверсификации и обозначена ее роль в теории экономического роста. Приводится классификация видов диверсификации, выявлены основные преимущества и недостатки ее применения.

В практической части проведен анализ развития экономики Республики Беларусь, вследствие которого была выявлена её высокая зависимость от результатов работы узкой группы отраслей. В качестве фактора повышения устойчивости экономического роста предложена политика продуктовой диверсификации, рассмотренная на примере деятельности конкретного предприятия. В частности, рекомендованы меры по модификации технологического процесса, которые позволят увеличить выпуск продукции с улучшенными качественными характеристиками и более высокой добавленной стоимостью для потребности смежной отрасли (в приведенном примере – использование продукции пищевой отрасли в фармацевтике). Представлен экономический эффект от внедрения.

Ключевые слова: продуктовая диверсификация, инновационная стратегия, экономический рост, модели эндогенного роста, межотраслевое взаимодействие.

Введение. Устойчивый рост современной экономики невозможен без инноваций. Эффективность инновационной стратегии государства зависит от многих факторов, включающих размер экономики, ее структуру, институциональные условия и уровень развития в целом. Республика Беларусь в данном случае также не является исключением. Как показывает анализ, по ряду параметров инновационного развития экономика Беларуси значительно отстает от развитых стран и остро нуждается в повышении своей эффективности.

Особая значимость инноваций состоит в том, что они являются ключевым фактором эндогенного экономического роста, способствуя улучшению благосостояния без вовлечения дополнительных ресурсов извне. При этом в литературе в качестве одного из важных условий эндогенного роста экономики рассматривается продуктообразное разноразнообразие, которое приводит к диверсификации производства. В данной статье проводится анализ возможности реализации стратегии продуктовой диверсификации для повышения эффективности инновационного развития.

Роль продуктовой диверсификации в теории экономического роста. Важным направлением современных экономических исследований является поиск факторов, которые будут способствовать росту экономики в условиях ограниченности ресурсов. В частности, широкое распространение получила концепция инновационного развития, рассматривающая новые знания, изобретения и передовые технологии в качестве одного из ключевых инструментов повышения эффективности экономики.

Систематизируя подходы к изучению влияния инновационных факторов на экономический рост можно выделить модели экзогенного и эндогенного роста. В экзогенной модели технологический прогресс рассматривается как внешний фактор, в результате чего экономическая система зависит от процесса накопления знаний и распространения технологий, но никак не может на него повлиять. С точки зрения устойчивого развития больший интерес представляет теория эндогенного роста, которая рассматривает технологический прогресс как свойство самой экономической системы. А инвестиции в сфере исследований и разработок способствуют увеличению запаса знаний и новых технологий, что в свою очередь приводит к внедрению технологических инноваций, позволяя преодолеть тенденцию убывания предельной производительности капитала.

Содержание эндогенной модели зависит от факторов, которые признаются решающими для инновационного процесса. Среди эндогенных моделей можно выделить 3 основных направления: АК-модель, модель продуктовой диверсификации и модель, основанная на концепции креативного разрушения Шумпетера [1]. Так, первая АК-модель в рамках теории эндогенного роста была предложена Р. Лукасом. В ее основе лежит линейная зависимость:

$$Y = A \cdot K,$$

где Y – объем производства;

A – технологический параметр, характеризующий совокупную производительность факторов;

K – капитал, использованный в производстве.

Суть данной модели сводится к тому, что рост экономики определяется улучшением навыков наряду с совершенствованием технологий, которые позволяют постоянно повышать отдачу от инвестиций. Навык и опыт работников рассматривается как важный элемент человеческого капитала, отдельно от приобретенных знаний и образования, что определяет способность работников повышать качество труда и внедрять инновации в процессе своей деятельности. Вместе с тем, динамическое равновесие в данной модели неустойчиво из-за невозможности строго соблюдать постоянную отдачу от капитала. В рамках данной модели не приводятся явных различий между аккумулярованием физического капитала и накоплением знаний, технологическим прогрессом.

В рамках концепции продуктовой диверсификации экономический рост достигается за счет выпуска в стране большего объема товаров. Для их производства используется больше разнообразных умений при меньшем времени освоения инноваций. Продуктовая диверсификация способствует повышению уровня знаний и количества компетенций, несмотря на то, что она не всегда приводит к расширению ассортимента за счет выпуска товаров с более высокими технологическими характеристиками.

В модели, основанной на концепции креативного разрушения Шумпетера, центральное внимание отдается непосредственно инновационному процессу. В своей работе «Теория экономического развития» Й.А. Шумпетер впервые наиболее полно описал механизм организации инновационной деятельности. Австрийский экономист увидел возможность преодоления кризисов и спадов в промышленном производстве за счет инновационного обновления капитала через технические, организационные, экономические и управленческие нововведения. Согласно концепции инновационного развития в экономической системе всегда возникают новые комбинации факторов производства, которые не дают экономике прийти к равновесию и позволяют находиться в постоянном ее саморазвитии. Так называемое «осуществление новых комбинаций» факторов возникает в случае: изготовления нового продукта или открытия нового свойства уже известного; внедрения новой технологии производства, а также способа коммерческого использования продукта; освоения нового рынка сбыта; применения нового вида сырья или полуфабриката; значительных изменений в организации производства. Й.А. Шумпетер определяет инновации как производственную функцию, а инновационную деятельность рассматривает лишь при условии цикличности и динамического развития новых технологий, приходящих на смену старым [2]. Таким образом, в различных вариантах моделей он рассматривает влияние на экономический рост ряда факторов, которые определяют расходы на научные исследования, эффективность инноваций, степень защиты авторских прав и пр.

Каждый из перечисленных подходов акцентирует внимание на конкретном условии эндогенного роста. Не отрицая важности инвестиций в человеческий капитал, а также системы мер по стимулированию и повышению эффективности инновационной деятельности, более подробно остановимся на модели продуктовой диверсификации. Последняя играет особо важную роль для повышения эффективности экономического роста в странах с узкой специализацией экономики. Кроме того, привлекательность мер по продуктовой диверсификации не требуют применения специальных инструментов экономической политики, связанных с защитой авторских прав и пр.

Диверсификация (от лат. *diversus* – «разный» и *facere* – «делать») – это важная инвестиционная концепция развития организации, которая по своей сути отражает меру разнообразия в какой-либо совокупности (выпускаемой продукции, предоставляемых услугах, географических рынках, сегментах сбыта и др.). Соответственно, чем больше это разнообразие, тем больше будет проявляться диверсификация.

Впервые вопросы стратегии диверсификации, определение ее мотивации и характерных особенностей поднимались в трудах А. Чендлера и И. Ансоффа в 1960-х гг. [3]. Позднее существенный вклад в исследование стратегии внесли такие ученые, как Л. Ригли, Р. Румельт, В. Рамануджам и П. Варадараджан, Д. Берри и М. Горт, Р. Питтс и Х. Хопкинс, С. Монтгомери и др. [4–7].

К настоящему времени определений представленной категории в научной и методической литературе дается большое разнообразие, однако все они сводятся к характеристике видов стратегий диверсификации. Основные общепринятые направления диверсификации можно укрупненно представить в виде схемы (рисунок 1).

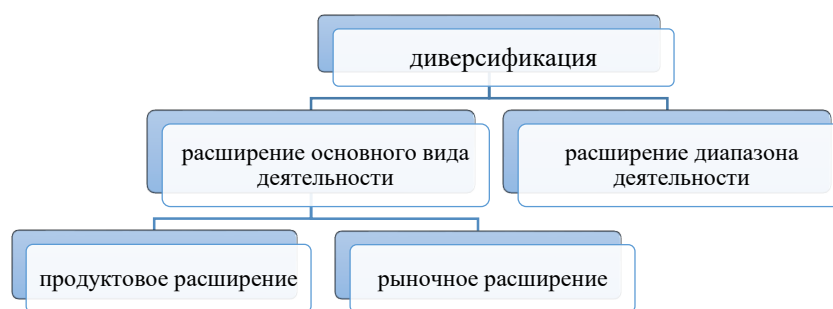

Рисунок 1. – Направления диверсификации

Источник: на основании [8].

Из представленных направлений видно, что проведение диверсификации может осуществляться как на базе основного вида деятельности, положенного в основу создания организации, так и на основании внедрения новых видов производств.

В целом в литературе предлагаются различные интерпретации диверсификации, ее разновидности, включая диверсификацию: производства, цен, капитала, продукта, рисков, экономики, деятельности, бизнеса, поставщиков и др. В контексте данного исследования наибольший интерес представляет продуктовая диверсификация, которая характеризуется увеличением разнообразия выпущенных продуктов. На основании существующих в литературе подходов, в таблице 1 предложена группировка видов продуктовой диверсификации по следующим классификационным признакам: технологической, профильной, отраслевой и страновой принадлежности.

Таблица 1. – Классификация видов продуктовой диверсификации

Признаки классификации	Виды диверсификации
Технологическая принадлежность	горизонтальная, вертикальная (центрированная), конгломератная
Профильная принадлежность	связанная (родственная или синергетическая), несвязанная (неродственная или латеральная), смешанная (комбинированная)
Отраслевая принадлежность	моноотраслевая
	полиотраслевая
Страновая принадлежность	монострановая
	полистрановая

Источник: составлено автором на основании [9; 10].

Стратегия диверсификации, чья область новой деятельности совпадает с уже осуществляемой, определяется как связанная. Стратегическое совпадение (соответствие) в данном случае может выражаться в производстве, маркетинге, материальном снабжении или технологии. Связанная диверсификация в свою очередь подразделяется на вертикальную и горизонтальную. Вертикальная диверсификация основана на поиске дополнительных возможностей и реализуется на предыдущей или следующей ступени производственного процесса (производственной цепочке, цепочке создания добавленной стоимости). Горизонтальная диверсификация ориентирована на производство на той же ступени производственной цепочки и предполагает поиск потенциала в условиях существующего рынка за счет новой продукции и новых технологий, отличных от используемой.

Несвязанная диверсификация – новая область деятельности, которая предполагает отсутствие открытых связей с уже осуществляемыми сферами бизнеса. В этом случае происходит пополнение ассортимента продукцией (работами, услугами), не имеющими какого-либо отношения к существующей номенклатуре, а также к используемым для этого технологиям на новых рынках в рамках конгломератной диверсификации. Нередко для роста организации может быть реализован комбинированный вариант одновременно связанных и несвязанных стратегий развития, что и определяет смешанный вид диверсификации. Кроме того, очевидно, что диверсификация может реализовываться в рамках одной или нескольких отраслей. А с учетом современной глобализации мировой экономики естественно осуществление диверсификации как в рамках одной страны, так и нескольких.

Какую бы из вышеперечисленных стратегий организация не выбрала для реализации необходимо учитывать, что сам процесс диверсификации имеет как преимущества, так и недостатки. Наиболее значимые выгоды:

- повышение устойчивости экономической деятельности, снижение рисков в случае спада в отдельном направлении развития;
- накопление более широкого круга знаний и компетенций, развитие человеческого капитала и инновационного потенциала в целом;
- возможное снижение постоянных затрат за счет единой системы управления;
- усиление конкурентоспособности за счет расширения ассортимента продукции и услуг, улучшения имиджа и защиты от конкурентов и др.

При этом необходимо учитывать и то, что переход на новые технологии и разработки, рынки и отрасли требует больших капитальных вложений, а возникающие в результате риски не всегда оправдывают себя. Кроме того, развитие нескольких видов деятельности рассредоточивает ресурсы организации, а потому нередко не удается достичь по отдельным из них рациональной концентрации, в результате чего предприятие может потерять эффект масштаба производства. То же самое верно и для экономики страны в целом.

Таким образом, выбор стратегии диверсификации напрямую будет зависеть от поставленной цели, условий и уровня развития. Цели могут варьироваться от простой возможности стабилизации продаж в процессе выживания фирмы до поиска дополнительных возможностей роста и повышения прибыльности в процессе освоения новых рынков. Главное при принятии выбранной стратегии диверсификации – взвешенный подход к оценке ожидаемых преимуществ в соотношении с понесенными затратами и возникающими рисками.

Практические аспекты применения концепции продуктовой диверсификации. Проблема продуктовой диверсификации особо актуальна для Республики Беларусь в свете высокой зависимости ее экономики от результатов работы узкой группы отраслей. Это можно проследить на примере экспорта товаров и услуг, который оказывает большое влияние не только на состояние национальной экономики в целом, но и на ее положение в мировом конкурентном пространстве. Можно отметить, что более 60% производимой продукции Республики Беларусь поставляется на зарубежные рынки. Среди ключевых товарных позиций можно выделить следующие: нефть и нефтепродукты, удобрения, грузовые автомобили и тракторы, молоко и сыры, а также лесоматериалы и изделия из древесины. На рисунке 2 отражен вклад основных групп товаров в общую сумму экспорта.

Стоит отметить, что на протяжении последних лет доля нефтепродуктов и удобрений в экспорте товаров составляла более 30%, приближаясь в отдельные годы к 40%. Такая высокая степень зависимости от двух групп товаров является существенным фактором неустойчивости белорусской экономики, когда падение цен на указанные продукты, либо перебои с поставкой сырья для нефтеперерабатывающей промышленности приводит к серьезному замедлению экономического роста. Показательным в данном случае является 2020 год. В этом году в мире произошло ощутимое ухудшение условий экономического развития, о чем свидетельствуют изменения

в основных макроэкономических показателях большинства стран, в том числе и в Республике Беларусь. По итоговым данным величина ВВП в 2020 году снизилась на 0,9%, а экспорта – на 11,5%. На изменение показателей оказали влияние следующие факторы:

- снижение деловой активности из-за COVID-19;
- сокращение объемов производства кокса и продуктов нефтепереработки;
- снижение мировых цен на калийные удобрения.

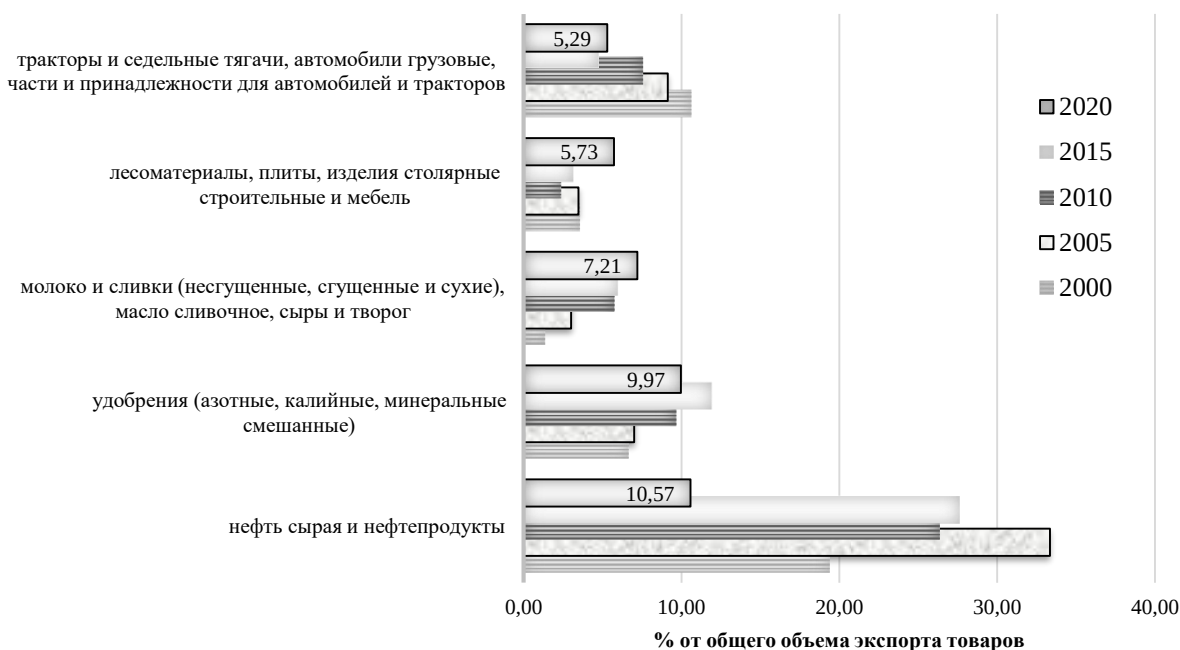

Рисунок 2. – Динамика доли экспорта важных видов продукции за 2000–2020 гг.¹

При этом необходимо отметить, что два последних фактора, учитывая, что экспорт калийных удобрений и продуктов переработки нефти – самые крупные статьи в структуре экспорта товаров, повлияли на ВВП сильнее, чем COVID-19. В данном контексте политика продуктовой диверсификации может стать важным фактором повышения устойчивости экономического роста.

На начальной стадии реализации политики диверсификации целесообразно ориентироваться на расширение ассортимента товаров на действующих предприятиях, поскольку этот вариант не требует привлечения значительных инвестиций, как в случае с созданием новых производств. В данном процессе важную роль играет межотраслевая кооперация, которая позволяет более полно использовать имеющиеся ресурсы и способствовать разработке новых (модификации существующих) продуктов для использования их в смежных отраслях [11]. В частности, высоким потенциалом такого взаимодействия обладает пищевая, фармацевтическая и химические промышленности.

Это можно продемонстрировать на примере деятельности ОАО «Рогозницкий крахмальный завод».

ОАО «Рогозницкий крахмальный завод» – крупнейшее предприятие по производству крахмала, с общей мощностью около 8,8 тыс. т в год. Производство считается уникальным не только для территории Республики Беларусь, но и для стран СНГ. Основной вид деятельности – производство крахмала сухого картофельного и крахмалов модифицированных. Основная продукция: картофельный и кукурузный экструзионный крахмал, картофельный крахмал «Экстра» сорта, реагент крахмалосодержащий модифицированный картофельный и кукурузный для бурения, белкрахмалит, крахмал кислотного гидролизованного. С 2011 г. на предприятии установлено прогрессивное инновационное энерго- и ресурсосберегающее оборудование шведской компании «Ларссон», позволяющее перерабатывать от 100 до 300 т картофеля ежедневно. Благодаря полностью автоматизированным системам производственный процесс протекает с высокой скоростью, что способствует полной загрузке мощностей. Коэффициент извлечения крахмала на данном оборудовании составляет не менее 95%. В 2014 г. предприятие запустило в эксплуатацию линию швейцарской фирмы «Бюллер» по производству экструзионных модифицированных крахмалов. Мощность линии составляет около 8–10 т в сутки. Производство крахмала картофельного нативного на заводе осуществляется из экологически чистого сырья, без химических добавок и примесей путем механической переработки картофеля. Качество крахмала определяется органолептическими (внешний вид, запах, цвет) и физико-химическими показателями (влажность, кислотность, зольность, наличие вредных примесей,

¹ Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. 2021. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=160880>.

количество крапин на 1 дм²). В зависимости от полученного качества устанавливается сорт крахмала: высший или «Экстра».

Получаемая продукция предназначена для применения в различных отраслях пищевой и фармацевтической промышленности, а также для технических целей. В структуре потребления наибольший удельный вес приходится на крахмал, используемый в химической промышленности (70–75%). Так, экструзионный крахмал в больших объемах применяется на нефтедобывающих производствах в качестве стабилизаторов глинистых суспензий, используемых при бурении скважин. Помимо белорусских организаций, ОАО «Рогозницкий крахмальный завод» ведет взаимовыгодное сотрудничество с компаниями Российской Федерации, Казахстана, Узбекистана, Китая, Молдовы, Азербайджана, Германии, Нидерландов, Таджикистана и Украины.

Как показал анализ деятельности, предприятие не полностью использует свой потенциал роста. В структуре продаж наиболее ценный сорт крахмала («Экстра»), который может быть использован в фармацевтической промышленности, характеризуется лучшим качеством и более высокой добавленной стоимостью, составляет менее 2%. Учитывая потребности рынка, технологические особенности производства (для получения сорта «Экстра» важно использовать свежий картофель в летне-осенний сезон) и наличие производственных возможностей, предприятие может увеличить выпуск данного вида крахмала. Чтобы обеспечить его производство необходимо предусмотреть следующие организационные элементы: усовершенствовать режим промывки оборудования и наладить систему регулярной сертификации продукции, соответствующую требованиям фармацевтической промышленности. Как показали расчеты, предложенные меры по модификации техпроцесса позволят получить экономический эффект в размере 94 тыс. руб. дополнительными прибылями в год. Иными словами, продуктовая диверсификация в результате точечных инновационных решений позволит повысить использование экономического потенциала предприятия путем увеличения доли выпуска крахмала более высокого качества и его объемов реализации на рынке фармсырья.

Заключение. Таким образом, продуктовая диверсификация может стать важным фактором экономического роста. Как показал приведенный пример, даже без привлечения значительных инвестиций, инновационные решения, направленные на модификацию основной продукции способны дать существенный экономический эффект. Важную роль в данном процессе играет межотраслевое взаимодействие. Создание новой разновидности продукта с улучшенными качественными характеристиками и более высокой добавленной стоимостью для потребности смежной отрасли (в приведенном примере – использование продукции пищевой отрасли в фармацевтике) позволяет повысить эффективность производства и стратегическую конкурентоспособность предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревяго, И.П. Зеленый рост экономики: от теории к практике / И.П. Деревяго. – Минск : Бинера, 2019. – 160 с.
2. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития / Й.А. Шумпетер ; пер. с нем. В.С. Автономова [и др.]. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 401 с.
3. Ansoff, H.I. Corporate Strategy: an Analytic Approach to Business Policy for Growth and Expansion / H.I. Ansoff. – New York: McGraw-Hill, 1965. – 241 p.
4. Rumelt, R.P. Strategy, Structure and Economic Performance / R.P. Rumelt. – Cambridge: Harvard University Press, 1974. – 249 p.
5. Ramanujam, V. Research on Corporate Diversification: A Synthesis / V. Ramanujam, P. Varadarajan // Strategic Management Journal. – 1989. – Vol. 10. – № 6. – P. 523–551.
6. Pitts, R.A. Firm diversity: conceptualization and measurement / R.A. Pitts, H.D. Hopkins // Academy of Management Review. – 1982. – № 7. – P. 620–629.
7. Montgomery, C.A. The Measurement of Firm Diversification: Some New Empirical Evidence / C.A. Montgomery // The Academy of Management J. – 1982. – Vol. 25. – № 2. – P. 299–307.
8. Рой, Л.В. Стратегия диверсификации компании (теоретические подходы) / Л.В. Рой // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. – 2009. – № 2. – С. 87–105.
9. Чебыкина, М.В. Теоретические вопросы диверсификации / М.В. Чебыкина, Н.А. Дергунова // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2007. – № 8. – С. 151–158.
10. Макаров, А.В. Диверсификация как инструмент развития современного предприятия / А.В. Макаров, А.Р. Гарифуллин // Известия УрГЭУ. – 2010. – № 1(27). – С. 27–36.
11. Дудан, М.А. Трансфер инноваций в межотраслевой кооперации: эффект синергии / М.А. Дудан // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2021. – № 1(244). – С. 163–168.

REFERENCES

1. Dzeraviah, I.P. (2019). *Zelenyi rost ekonomiki: ot teorii k praktike*. Minsk: Binera. (In Russ.).
2. Schumpeter, J.A. (2008). *Teoriia ekonomicheskogo razvitiia [The Theory of Economic Development]*. Moscow: Directmedia Publishing. (In Russ.).
3. Ansoff, H.I. (1965). *Corporate Strategy: an Analytic Approach to Business Policy for Growth and Expansion*. New York: McGraw-Hill. (In Engl.).
4. Rumelt, R.P. (1974). *Strategy, Structure and Economic Performance*. Cambridge: Harvard University Press. (In Engl.).
5. Ramanujam, V. & Varadarajan, P. (1989). Research on Corporate Diversification: A Synthesis. *Strategic Management Journal*, (6), 523–551. (In Engl.).

6. Pitts, R.A. & Hopkins, H.D. (1982). Firm diversity: conceptualization and measurement. *Academy of Management Review*. (7), 620–629. (In Engl.).
7. Montgomery, C.A. (1982). The Measurement of Firm Diversification: Some New Empirical Evidence. *The Academy of Management J*, (2), 299–307. (In Engl.).
8. Roy, L.V. (2009). Strategiiia diversifikatsii kompanii (teoreticheskie podkhody) [Company diversification strategy (theoretical approaches)]. *Vestnik MGU. Seriya 6. Ekonomika [Bulletin of Moscow State University, issue 6. Economy]*, (2), 87–105. (In Russ. abstr. in Engl.).
9. Chebykina, M.V. & Dergunova, N.A. (2007). Teoreticheskie voprosy diversifikatsii. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, (8), 151–158. (In Russ.).
10. Makarov, A.V. & Garifullin, A.R. (2010). Diversifikatsiia kak instrument razvitiia sovremennogo predpriatiia. *Izvestiia UrGEU*, (1), 27–36. (In Russ.).
11. Dudan, M.A. (2021). Transfer innovatsii v mezhotraslevoi kooperatsii: effekt sinergii [Transfer of innovations in intersectoral cooperation: synergy effect]. *Trudy BGTU. Ser. 5, Ekonomika i upravlenie [Proceedings of BSTU, issue 5, Economics and Management]*, (1), 163–168. (In Russ. abstr. in Engl.).

Поступила 18.10.2021

PRODUCT DIVERSIFICATION AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF AN INNOVATION STRATEGY

M. DUDAN

The theoretical part considers the essence of product diversification and defines its role in the theory of economic growth. The classification of types of diversification is given, the main advantages and disadvantages of its application are revealed.

In the practical part, an analysis of the development of the economy of the Republic of Belarus was carried out, as a result of which its high dependence on the results of the work of a narrow group of industries was revealed. As a factor in increasing the sustainability of economic growth, a policy of product diversification is proposed, considered on the example of the activities of a particular enterprise. In particular, measures are recommended to modify the technical process, which will increase the output of products with improved quality characteristics and higher added value for the needs of a related industry (in the given example, the use of food products in pharmaceuticals). The economic effect of implementation is presented.

Keywords: product diversification, innovation strategy, economic growth, endogenous growth models, inter-sectoral interaction

УДК 330:339.35:65.02:657:658.64:658.8

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-59-66

ДРОПШИПИНГ: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТОВАРНЫХ ОПЕРАЦИЙ**д-р экон. наук, проф. С.Л. КОРОТАЕВ***(аудиторская компания ЗАО «АудитКонсульт», Минск)***ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-9373-4091>****Д.С. КОРОТАЕВ***(индивидуальный предприниматель, Беларусь – Испания)*

В статье исследуются актуальные вопросы документального оформления товарных операций при осуществлении дропшипинговой деятельности, в частности, операций, связанных с доставкой дропшипперами товаров их конечным покупателям, осуществляемой силами поставщиков (изготовителей), у которых дропшиппер приобрел эти товары. Рассматриваются особенности оформления товаросопроводительных документов с использованием и без использования автомобильного транспорта поставщика (изготовителя). Предлагаются схемы поставок и их документального сопровождения, учитывающие особенности, присущие дропшипинговой деятельности (продажа товаров покупателям через интернет-магазины и интернет-площадки, транзитная поставка товаров со складов поставщика (изготовителя), доставка товара конечному покупателю силами самого поставщика и т.п.). Даются конкретные предложения по упрощению существующих процедур документального оформления транзитного движения товаров, а также по совершенствованию национального законодательства, регламентирующего осуществление товарных операций, в целях развития в Беларуси дропшипинга – как эффективного способа торговли, активно применяемого во многих развитых странах мира.

Ключевые слова: дропшипинг, дропшиппер, поставщик (изготовитель), продавец, конечный покупатель, транзитная поставка, грузоотправитель, грузополучатель, товаросопроводительные документы, документальное оформление.

Введение. Дропшипинг – это относительно новый для Республики Беларусь вид деятельности [1–3], не регламентируемый однозначно национальным законодательством, в связи с чем на практике возникает достаточно много вопросов, в том числе в части документального сопровождения дропшипинговых операций. Вот только некоторые из них:

– Чем дропшипинг отличается от классической транзитной торговли, когда продавец товара реализует его покупателю с доставкой в адрес конечного покупателя силами поставщика (изготовителя), у которого этот товар был приобретен?

– Какие товаросопроводительные документы должны оформляться дропшиппером при отпуске товаров конечным покупателям транзитом со склада поставщика (изготовителя)?

– Кто оформляет и каковы особенности оформления ТТН-1 и ТН-2 при осуществлении дропшипинговой деятельности?

– Кто является грузоотправителем при транзитной поставке товара конечному покупателю дропшиппером с учетом того, что доставку товара до конечного покупателя обеспечивает поставщик (изготовитель), осуществивший продажу этого товара дропшипперу?

– Каким должен быть документооборот при транзитной торговле с участием дропшиппера?

Чтобы ответить на поставленные и некоторые другие вопросы, рассмотрим их более детально, основываясь, где это возможно, на нормах национального законодательства. При этом будем использовать следующие термины, которые необходимы для однозначного понимания рассматриваемых нами операций:

– *дропшипинг (дропшипинговая деятельность)* – деятельность по продаже в интернет-магазине товаров дропшипперами, приобретающими эти товары у поставщиков (изготовителей) и обеспечивающих их доставку конечным покупателям со складов поставщика (изготовителя) силами самого поставщика (изготовителя);

– *договор дропшипинга* – договор между поставщиком (изготовителем) и дропшиппером, в соответствии с которым дропшиппер приобретает товар у поставщика (изготовителя), а поставщик (изготовитель) обеспечивает доставку проданного им товара до конечного покупателя, который, в свою очередь, приобрел этот товар в интернет-магазине дропшиппера;

– *поставщик (изготовитель)* – продавец товара дропшипперу, обеспечивающий по договору дропшипинга доставку товара, приобретенного дропшиппером, конечному покупателю;

– *продавец* – субъект хозяйствования, осуществляющий продажу товара конечному покупателю и выступающий стороной по сделке с конечным покупателем;

– *дропшиппер* – продавец приобретенного у поставщика (изготовителя) товара, реализуемого через интернет-магазин по публичной оферте конечному покупателю с доставкой ему такого товара непосредственно со склада поставщика (изготовителя) силами самого поставщика (изготовителя). При этом дропшиппер выступает собственником реализуемого конечному покупателю товара¹;

¹О рассмотрении обращения : письмо Мин-ва антимонопольного регулирования и торговли Респ. Беларусь, 21.08.2020 г., № 05-01-09/1290к <О праве собственности на товар и выручке дропшиппера>.

– *конечный покупатель* – юридическое или физическое лицо, осуществившее покупку товара у его продавца (в т.ч. в интернет-магазине дропшипера) для собственных нужд.

По отношению к поставщику (изготовителю) дропшиппер выступает в роли покупателя, а по отношению к конечному покупателю – продавца, обеспечивающего доставку товара покупателю силами поставщика (изготовителя). В силу того, что доставка товара конечному покупателю обеспечивается не со склада продавца (дроппипера), такая поставка является транзитной. Учитывая, что дропшиппер является собственником приобретенного им у поставщика (изготовителя) товара, реализация товаров дропшиппером в целом соответствует варианту реализации товаров конечному покупателю продавцом, купившим эти товары у поставщика (изготовителя) и обеспечивающим их поставку конечному покупателю со склада поставщика (изготовителя) силами самого поставщика (изготовителя).

В этой связи рассмотрим, прежде всего, особенности документального оформления классической транзитной поставки товаров продавцами в случаях, когда такая доставка обеспечивается силами поставщиков (изготовителей). При этом будем руководствоваться общими нормами оформления товаросопроводительных документов, установленными Инструкцией о порядке заполнения товарно-транспортной и товарной накладной, утв. Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.06.2016 г. № 58² (далее – Инструкция № 58).

Документальное оформление транзитной поставки товара конечному покупателю транспортом поставщика (изготовителя) (схема, обусловленная законодательством). В соответствии с данным вариантом поставки продавец сначала покупает товар у поставщика (изготовителя), становится его собственником, а затем реализует этот товар конечному покупателю. В силу того, что продавец, реализующий товар конечному покупателю, приобретает этот товар у поставщика (изготовителя) по договору купли-продажи, этот товар после приобретения должен учитываться в балансе продавца, несмотря на то, что по факту на склад продавца он не поступает и отгружается конечному покупателю непосредственно со склада поставщика (изготовителя). Применительно к данному варианту в зависимости от способа доставки движения товара до конечного покупателя с момента приобретения продавцом товара у поставщика (изготовителя) должно сопровождаться оформлением соответствующих товаросопроводительных документов (накладных по форме ТТН-1 и ТН-2). Обязанность по оформлению накладных возложена на грузоотправителей. Это следует, в частности, из п. 3 и п. 4 Инструкции № 58. При этом отметим, что согласно законодательству грузоотправителем выступает юридическое или физическое лицо, от имени которого оформляется отправка груза, а грузополучателем – юридическое или физическое лицо, уполномоченное на получение груза на основании договора или на ином законном основании (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14.08.2007 г., № 278-З «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках»³).

Если по договору между поставщиком (изготовителем) и продавцом товара доставка товара конечному покупателю осуществляется поставщиком (изготовителем) собственным или привлеченным транспортом, то с учетом норм законодательства выписывается ТТН-1 (ч. 5 п. 1 Инструкции № 58). Накладная ТТН-1 является основанием для списания товара у грузоотправителя и (или) принятия его к учету у грузополучателя (ч. 4 п. 1 Инструкции № 58).

В рассматриваемом случае грузоотправителем является поставщик (изготовитель), отпускающий товар со своего склада, а грузополучателем – продавец, являющийся собственником приобретенного товара, реализуемого им транзитом конечному покупателю. Место погрузки товара – склад поставщика, с которого осуществляется отгрузка товара, место разгрузки – склад (иное место разгрузки) конечного покупателя. Порядок и особенности оформления и заполнения строк ТТН-1 регламентируются п. 1-3 Инструкции № 58.

Что касается продавца, осуществляющего транзитную торговлю со склада поставщика (изготовителя), то ему необходимо оформить ТН-2, в которой он будет являться грузоотправителем, а конечный покупатель – грузополучателем. Экземпляр грузоотправителя (продавца) будет служить основанием для списания товара у продавца, а также для отражения операций по отгрузке (реализации) товара конечному покупателю. Необходимость оформления ТН-2 обусловлена тем, что передача товара продавцом его конечному покупателю не сопровождается перемещением этого товара между ними – фактическое перемещение осуществляется между поставщиком (изготовителем) и конечным покупателем (ч. 4, абз.4 ч. 6 п. 1 Инструкции № 58).

С учетом изложенного, применительно к рассмотренной ситуации, классическая схема документального оформления транзитной поставки товара продавцом конечному покупателю, осуществляемой поставщиком (изготовителем) по договору с продавцом с использованием транспорта, может быть, по нашему мнению, представлена следующим образом: *Поставщик (изготовитель) – ТТН-1 – продавец – ТН-2 – конечный покупатель*.

Структурно-логическая схема оформления транзитной доставки товара конечному покупателю – юридическому лицу поставщиком (изготовителем) с использованием собственного и привлеченного транспорта представлена на рисунке 1.

Рассмотрев классическую схему документального сопровождения доставки товара конечному покупателю продавцом силами поставщика (изготовителя) с использованием транспортных средств, определим на ее основе, учитывая присущие дропшиппинговой деятельности особенности, возможную схему доставки товаров конечному покупателю дропшиппером, привлекающим для этого в соответствии с договором дропшиппинга самого поставщика (изготовителя).

² Инструкция о порядке заполнения товарно-транспортной накладной и товарной накладной [Электронный ресурс] : утв. постановлением Мин-ва финансов Респ. Беларусь, 30.06.2016 г., № 58 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

³ Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14.08.2007, № 278-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

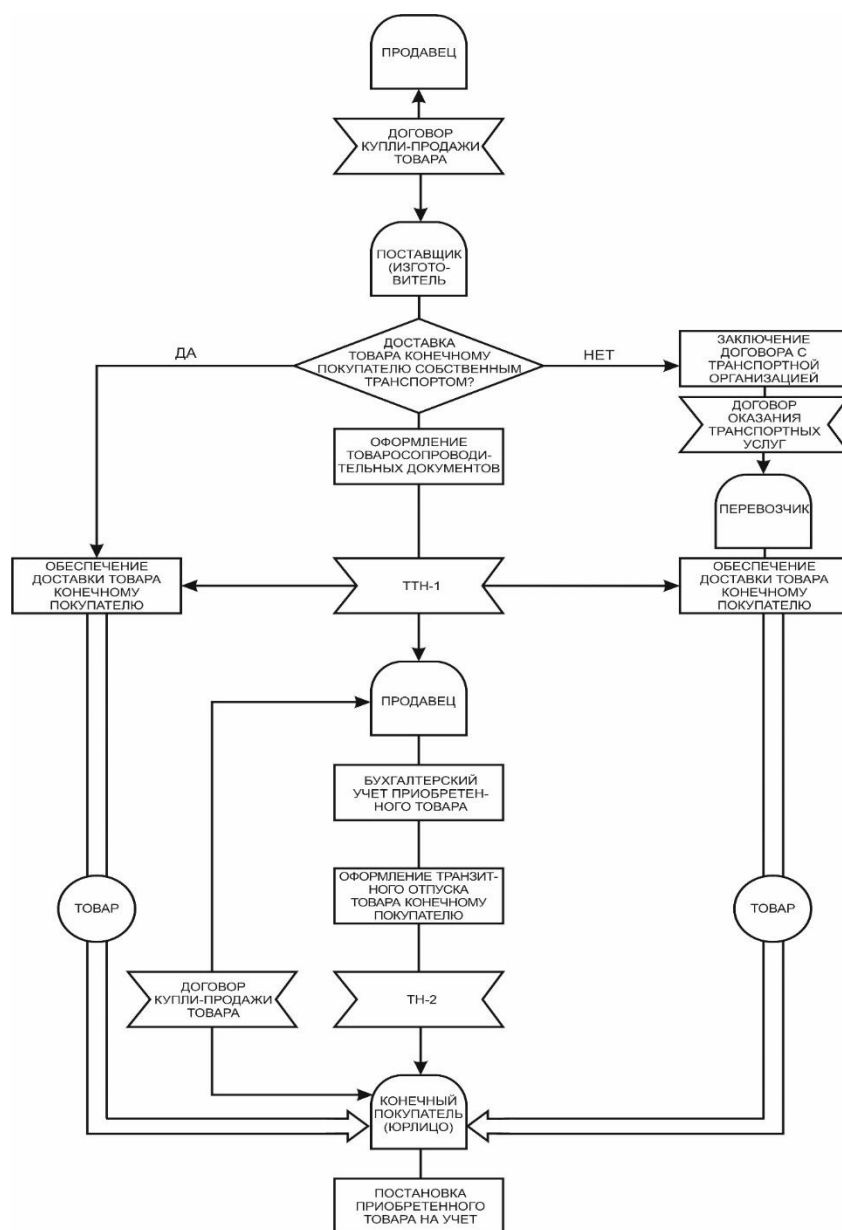

Рисунок 1. – Структурно-логическая схема оформления транзитной доставки товара конечному покупателю – юридическому лицу поставщиком (изготовителем) с использованием собственного и привлеченного транспорта

При этом доставку товаров конечному покупателю будем рассматривать не только с использованием транспортных средств, но и других способов доставки (курьерской службой, почтой и т.п.), в отношении которых законодательством в настоящее время оговорены некоторые принципиальные особенности, в частности:

- при реализации товаров по договорам розничной купли-продажи физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, накладная ТТН-1 и накладная ТН-2 могут не заполняться (ч. 8 п. 1 Инструкции № 58);
- при осуществлении интернет-торговли и доставке товаров с использованием и без использования автомобильного транспорта в пределах населенного пункта физическому лицу (физическим лицам) – покупателю (покупателям) интернет-магазина организацией-продавцом интернет-магазина может составляться одна накладная (ТТН-1 или ТН-2) на весь перемещаемый в пределах населенного пункта товар. При этом в строке «Грузополучатель» накладной указываются наименование и адрес организации, осуществляющей доставку товара. При доставке товара одним автомобилем в разные населенные пункты организацией-продавцом интернет-магазина на доставку товара в каждый населенный пункт заполняется отдельная накладная ТТН-1. В строке «Пункт разгрузки» накладной ТТН-1 может указываться наименование населенного пункта без указания точного адреса (месторасположения) покупателя (покупателей) интернет-магазина. В накладную ТН-2 может быть введена строка «Пункт доставки», в которой указывается наименование населенного пункта без указания точного адреса (месторасположения) покупателя (покупателей) интернет-магазина (ч. 18 п. 3, ч. 6 п. 4 Инструкции № 58);

– если товар доставляется грузополучателю посредством почтовой связи или иного вида доставки, включая доставку железнодорожным, воздушным, водным, автомобильным (при международной автомобильной перевозке) транспортом, в строке «Товар к доставке принял» накладной ТН-2 указываются наименование, дата и номер документа, подтверждающего принятие товара к доставке (транспортировке). Оформленная накладная ТН-2 с приложенным к ней документом, подтверждающим принятие товара к доставке, является основанием для списания товара у грузоотправителя (продавца) (ч. 4 п. 4 Инструкции № 58).

Документальное оформление транзитной поставки товара конечному покупателю дропшиппером (предлагаемые схемы). Обозначим, прежде всего, принципиальные особенности, присущие дропшиппинговой деятельности, которые могут повлиять на порядок оформления товаросопроводительных документов при дропшиппинге:

– дропшиппер, выступая продавцом-посредником, является, тем не менее, как уже отмечалось ранее, собственником товара, который он приобретает у поставщика (изготовителя) и впоследствии реализует конечному покупателю. Именно дропшиппер – как собственник – распоряжается приобретенным им товаром и соответственно именно он дает указание поставщику (изготовителю) на доставку товара конечному покупателю. От его имени оформляется отправка груза и соответственно именно дропшиппер является для конечного покупателя грузоотправителем;

– при дропшиппинге заказ товаров покупателями осуществляется через интернет-магазин по публичной оферте товара (ст. 464 ГК⁴), что, как правило, изначально предполагает как большую номенклатуру реализуемых товаров, а также потенциально большое количество покупателей. При этом дропшиппер, как правило, принимает на себя обязанности по доставке товара конечному покупателю, которая обеспечивается по договору дропшиппинга силами поставщика (изготовителя), у которого дропшиппер приобретает товар для конечного покупателя;

– покупателями у дропшиппера являются преимущественно физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, что обуславливает большую вариативность способов доставки товаров покупателям и, соответственно, особенности в оформлении товаросопроводительных документов.

Так, если при классической транзитной поставке товара его доставка силами поставщика (изготовителя) со своих складов конечным покупателям осуществляется с использованием транспортных средств и, как правило, значительными партиями и объемами, то при дропшиппинге доставка товара обеспечивается, во-первых, всеми возможными способами доставки (почтой, курьерскими службами и т.п.), и, во-вторых, преимущественно поштучно либо небольшими партиями. Данное обстоятельство однозначно обуславливает необходимость существенного упрощения документооборота, связанного с такими поставками. Очевидно, что рассмотренный нами выше классический вариант транзитной доставки товара конечному покупателю силами самого поставщика (изготовителя) при большом количестве транзитных поставок, причем в отношении покупателей – физических лиц, достаточно сложен для применения.

В этой связи определим основывающуюся на нормах национального законодательства наиболее приемлемую, с нашей точки зрения, схему документального сопровождения доставки товара дропшиппера, купившего его у поставщика (изготовителя), конечному покупателю силами самого поставщика (изготовителя). При этом отметим, что предлагаемая нами схема является новаторской и соответственно законодательством однозначно не урегулирована.

Полагаем, что при использовании собственного автотранспорта для доставки конечному покупателю товара, приобретенного дропшиппером, поставщик (изготовитель) может сам оформлять ТТН-1, в которой:

- грузоотправителем выступает дропшиппер;
- грузополучателем является конечный покупатель (в отличие от классического варианта, по которому грузополучателем является продавец, купивший товар у поставщика (изготовителя));
- основание отпуска – реквизиты договора дропшиппинга, заключенного между поставщиком (изготовителем) и дропшиппером;
- пункт погрузки товара – склад поставщика (изготовителя);
- пункт разгрузки товара – конечный покупатель;
- заказчик автомобильной перевозки (плательщик) – дропшиппер;
- перевозчик – поставщик (изготовитель).

При таком подходе ТТН-1 может, с нашей точки зрения, оформляться в 3 экз.:

- 1-й экземпляр ТТН-1 передается конечному покупателю (если конечный покупатель является субъектом хозяйствования);
- 2-й экземпляр ТТН-1 передается собственнику товара (дропшипперу) (является основанием для транзитного отражения поступления и выбытия приобретенного у поставщика (изготовителя) товара). Передача ТТН-1 осуществляется после приема товара конечным покупателем, что с учетом предварительной оплаты товара, произведенной конечным покупателем на счет дропшиппера, дает основание для признания дропшиппером выручки от реализации товара;

⁴Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 07.12.1998, № 218-3 [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14.08.2007, № 278-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

– 3-й экземпляр ТТН-1 остается у поставщика (изготовителя) для учета транспортной работы и является основанием для списания товара при его продаже дропшипперу.

Если доставка товара конечному покупателю осуществляется поставщиком (изготовителем) с использованием транспорта привлеченных организаций, то ТТН-1 оформляется в 4-х экземплярах. Дополнительный (4-й) экземпляр ТТН-1 передается перевозчику.

В строке «Заказчик автомобильной перевозки (плательщик)» ТТН-1 поставщик (изготовитель) указывает себя, в строке «Перевозчик» – транспортную организацию, которая непосредственно осуществляет доставку товара конечному покупателю. Обратим внимание, что экземпляр ТТН-1, получаемый дропшиппером от поставщика (изготовителя), служит не только для транзитного отражения поступления товара к дропшипперу, но и одновременно для его списания с балансового учета дропшиппера. При таком подходе отпадает необходимость оформления ТН-2 для передачи товара дропшипперу с последующим оформлением накладной для отпуска дропшиппером товара конечному покупателю.

Если доставка товара осуществляется без использования транспортного средства, поставщик (изготовитель) должен, по нашему мнению, оформить ТН-2 в 3-х экземплярах: по одному для дропшиппера, конечного покупателя (если покупатель является субъектом хозяйствования), и для поставщика (изготовителя).

Применительно к предложенному варианту схема документального оформления транзитной поставки товара дропшиппером конечному покупателю может быть представлена следующим образом: *Поставщик (изготовитель) – ТТН-1 или ТН-2 (в зависимости от способа доставки товара конечному покупателю) – конечный покупатель и дропшиппер.*

Если покупателем является физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность, то полагаем, что ТТН-1 и ТН-2 для покупателя дропшиппером могут не оформляться, что, соответственно, уменьшает количество выписываемых при осуществлении дропшиппинговых операций накладных. Такая возможность, в частности, предусмотрена и нормами действующего законодательства. Так, при осуществлении торговли через интернет-магазин в отношении покупателей-физических лиц допускается не указание в выписываемом грузоотправителем товаросопроводительном документе в качестве грузополучателя покупателя товара. Грузополучателем указывается организация, осуществляющая доставку товара, что, с нашей точки зрения, позволяет исключить физических лиц-покупателей из числа адресантов, в отношении которых должна выписываться и которым должна предоставляться накладная (часть 18 п. 3, ч. 6 п. 4 Инструкции № 58).

Если товар доставляется дропшиппером конечному покупателю посредством почтовой связи в строке «Товар к доставке принял» ТН-2 указываются дата и номер квитанции о приеме почтового отправления. Оформленная накладная ТН-2 с приложенным к ней документом, подтверждающим принятие товара к доставке, является основанием для списания товара у грузоотправителя (продавца). Экземпляр ТН-2 при отправке товара почтой конечному покупателю не выписывается и соответственно не отправляется (не передается). Оформленная накладная ТН-2 с приложенным к ней документом, подтверждающим принятие товара к доставке, является основанием для списания товара у грузоотправителя (продавца) (ч. 4 п. 4 Инструкции № 58).

Такова предлагаемая нами схема поставки товаров дропшипперами конечным покупателям, базирующаяся на нормах действующего законодательства. Вместе с тем, учитывая международный опыт осуществления дропшиппинговой деятельности, полагаем, что предложенный вариант является промежуточным, требующим дальнейшего развития. В перспективе представляется целесообразным установить еще более простой порядок оформления товаросопроводительных документов, поскольку при значительных объемах транзитных поставок товаров необходимость предоставления экземпляра ТТН-1 или ТН-2 поставщиком (изготовителем) дропшипперу существенно усложняет процедуру документального сопровождения транзитных операций.

Вот как, например, организована схема товаро- и документооборота по реализуемым дропшиппером товарам с использованием интернет-магазинов в странах, где дропшиппинг применяется уже много лет:

- конечный покупатель заказывает и оплачивает товар и его доставку через интернет-магазин дропшиппера;
- дропшиппер уведомляет покупателя о получении заказа и его оплате;
- получив заказ на товар и оплату за этот товар, дропшиппер переадресовывает заказ конечного покупателя товара на поставщика (изготовителя) с указанием адреса доставки товара конечному покупателю, а также своих платежных реквизитов для выставления ему счета за приобретаемый товар;
- поставщик (изготовитель), получив заказ от дропшиппера, уведомляет его о приемке заказа «в работу» и о сумме, которую дропшиппер должен оплатить за товар и его доставку;
- после поступления от дропшиппера оплаты за товар и его доставку поставщик (изготовитель): комплектует заказ и передает его курьерской службе для доставки товара конечному покупателю, указывая на этикетке заказа адрес доставки; направляет дропшипперу фактуру о выполнении заказа (для целей бухгалтерского учета); перевозчик (курьерская служба) обеспечивает доставку товара конечному покупателю;
- дропшиппер уведомляет покупателя об отгрузке ему товара и отслеживает доставку товара конечному покупателю, используя оперативные данные о доставке товаров курьерской службы;
- бланк заказа покупателя и фактура поставщика (изготовителя) передаются дропшиппером в его бухгалтерскую службу.

3. Порядок документального оформления поставки товара конечному покупателю дропшиппером, приобретающим этот товар у поставщика (изготовителя) и поручающим ему обеспечить доставку товара до конечного покупателя, действующим законодательством однозначно не установлен.

Полагаем, что при такой транзитной поставке товара конечному покупателю, осуществляемой по договору дропшиппинга поставщиком (изготовителем) с использованием транспортных средств, грузоотправителем является дропшиппер, грузополучателем – конечный покупатель (в отличие от классического варианта, по которому грузополучателем является продавец, купивший товар у поставщика (изготовителя)).

Оприходование товара у дропшиппера осуществляется на основании экземпляра ТТН-1, оформляемого и передаваемого дропшипперу поставщиком (изготовителем). Указанный экземпляр является одновременно документом для списания приобретенного дропшиппером товара, реализованного им конечному покупателю.

Предлагаемая схема поставки товара исключает необходимость оформления ТН-2 дропшиппером, которое обязательно для продавца при осуществлении классической схемы транзитной поставки товара конечному покупателю силами поставщика (изготовителя). Если доставка товара поставщиком (изготовителем) конечному покупателю сопровождается оформлением ТН-2 (доставка товара осуществляется без использования транспортных средств), экземпляр ТН-2, полученный дропшиппером от поставщика (изготовителя), является основанием для транзитного отражения движения товара у дропшиппера.

Схема документального оформления транзитной поставки товара дропшиппером конечному покупателю может быть представлена следующим образом: *поставщик (изготовитель) – ТТН-1 или ТН-2 (в зависимости от способа доставки товара конечному покупателю) – конечный покупатель и дропшиппер.*

4. Доставка в соответствии с договором дропшиппинга поставщиком (изготовителем) товаров покупателям, осуществившим их покупку в интернет-магазине дропшиппера, в т.ч. физическим лицам, должна оформляться ТТН-1 (при доставке товара с использованием собственных либо привлеченных транспортных средств) и ТН-2 (при доставке товара без использования транспортных средств). Грузоотправителем по такой поставке является дропшиппер. Грузополучателем в ТТН-1 и ТН-2 указываются наименование и адрес организации, осуществляющей доставку товара (сам поставщик (изготовитель) либо привлекаемая им для доставки сторонняя организация).

5. Если товар доставляется конечному покупателю поставщиком (изготовителем) посредством почтовой связи, в строке «Товар к доставке принял» ТН-2 указываются дата и номер квитанции о приеме почтового отправления. Экземпляр ТН-2 при отправке товара конечному покупателю почтой не выписывается и соответственно не отправляется (не передается). Оформленная накладная ТН-2 с приложенным к ней документом, подтверждающим принятие товара к доставке, передается дропшипперу и является основанием для списания у него товара с учета.

6. В товаросопроводительных документах, предназначенных для конечного покупателя, поставщиком (изготовителем), осуществляющим (обеспечивающим) доставку товара до конечного покупателя, должна указываться не цена, по которой товар был приобретен дропшиппером, а цена, по которой дропшиппер – как собственник товара – реализует этот товар конечному покупателю.

7. Учитывая специфику дропшиппинговой деятельности, считаем необходимым осуществить ее нормативное правовое урегулирование, предусмотрев, в частности, включение в ГК Республики Беларусь (раздел IV «Отдельные виды обязательств») специальной главы «Дропшиппинг», в которой бы регулировались принципиальные особенности осуществления дропшиппинговой деятельности.

Также полагаем целесообразным включение в структуру Методических рекомендаций по документальному оформлению и учету товарных операций, составу и учету расходов на реализацию в организациях торговли и общественного питания, утвержденную приказом Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 10.06.2021 г. № 130⁵, отдельной методики документального оформления и бухгалтерского учета операций, обусловленных осуществлением дропшиппинговой деятельности.

8. В перспективе, с учетом опыта зарубежных стран, представляется целесообразным упростить процедуру документального оформления движения товаров при осуществлении дропшиппинговой деятельности, в частности, у дропшиппера, основывающуюся не на основе товаросопроводительных документов (ТТН-1 и ТН-2), а на основе передаваемых дропшипперу счетов-фактур поставщика (изготовителя) о доставке товаров, приобретенных дропшиппером у поставщика (изготовителя), конечному покупателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коротаев, С.Л. Транзитная торговля товарами: схемы поставок, особенности учета транзитных операций, транспортные расходы / С.Л. Коротаев // Бухгалтерский учет и анализ. – 2021. – № 2. – С. 3–14.

⁵ Методические рекомендации по документальному оформлению и учету товарных операций, составу и учету расходов на реализацию в организациях торговли и общественного питания [Электронный ресурс] : утв. приказом Мин-ва антимонопольного регулирования и торговли Респ. Беларусь, 10.06.2021, № 130 // Мин-во антимонопольного регулирования и торговли Респ. Беларусь. URL: <https://www.mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/%d0%9d%d0%9f%d0%90/130.pdf>.

2. Коротаев, С.Л. Дроппинг в Беларуси: проблемные аспекты бухгалтерского учета и налогообложения / С.Л. Коротаев, Д.С. Коротаев // Бухгалтерский учет и анализ. – 2020. – № 7. – С. 30–53.
3. Коротаев, С.Л. Дроппинг в Беларуси: схемы, преимущества, риски, организация, договоры / С.Л. Коротаев, Д.С. Коротаев // Гермес. – 2020. – № 69. – С. 37–48.

REFERENCES

1. Korotaev, S.L. (2021). Tranzitnaya trgovlya tovarami: skhemy postavok, osobennosti ucheta tranzitnykh operatsii, transportnye raskhody. *Buhgalterskij uchet i analiz*. (2), 3–14. (In Russ.).
2. Korotaev, S.L. & Korotaev, D.S. (2020). Dropshipping v Belarusi: problemnye aspekty bukhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya. *Buhgalterskij uchet i analiz*. (7), 30–53. (In Russ.).
3. Korotaev, S.L. & Korotaev, D.S. (2020). Dropshipping v Belarusi: skhemy, preimushchestva, riski, organizatsiya, dogovory. *Germes*. (69), 37–48. (In Russ.).

Поступила 21.09.2021

DOCUMENTATION OF COMMODITY TRANSACTIONS

S. KOROTAEV, D. KOROTAEV

The article examines topical issues of documenting commodity transactions in the implementation of dropshipping activities, in particular, operations related to the delivery of goods by dropshippers to their end customers, carried out by suppliers (manufacturers) from whom the dropshipper purchased these goods. The features of registration of shipping documents with and without the use of motor transport of the supplier (manufacturer) are considered. Supply schemes and their documentary support are proposed, taking into account the features inherent in dropshipping activities (sale of goods to customers through online stores and online platforms, transit delivery of goods from the warehouses of the supplier (manufacturer), delivery of goods to the final buyer by the supplier himself, etc.). Concrete proposals are made to simplify the existing procedures for documenting the transit movement of goods, as well as to improve the national legislation regulating the implementation of commodity transactions in order to develop dropshipping in Belarus as an effective way of trade, actively used in many developed countries of the world.

Keywords: dropshipping, dropshipping, supplier (manufacturer), seller, final buyer, transit delivery, shipper, consignee, shipping documents, documentation.

УДК 330.34

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-67-71

**ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ МЕЖСТРАНОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К ИНДУСТРИИ 4.0¹**

д-р экон. наук, проф. С.Ю. СОЛОДОВНИКОВ
(Белорусский национальный технический университет, Минск)

Статья посвящена рассмотрению важнейшей проблемы повышения межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0 – инструментам этого процесса. Показано, что названные инструменты следует рассматривать системно, с учетом новых и актуализации некоторых старых рисков межстрановой технологической кооперации. В современных условиях доминирующим фактором этого процесса выступает последовательное развитие цифрового общества. В исследовании уделяется особое внимание раскрытию сути цифрового общества и цифровой экономики, развитию понятия «подглядывающий капитализм». Рассматривается проблема взаимодействия виртуальной и аналоговой экономик в контексте перехода с использованием потенциала межстрановой технологической кооперации к Индустрии 4.0, а также подчеркивается необходимость сохранения и развития нецифровых (аналоговых) современных технологий в промышленности.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, цифровая экономика, технологическая кооперация, технологии, новая индустриализация, модернизация экономики, научно-технический прогресс.

Введение. В современном мире при расширении межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0 возникают новые и актуализируются некоторые старые риски (появление и развитие экономики рисков [1]; институциональные межстрановые, цивилизационные и культурные различия; усиление многоукладности, сопровождаемое усложнением и обострением политико-экономических отношений; завышенные потребностные ожидания индивидов; снижение уровня доверия в обществе за счет снижения уровня социального капитала и усиление межклассовых и внутриклассовых противоречий; ослабление роли государства в управлении социальными, экономическими и технико-технологическими процессами в обществе; сложность адаптации институтов партнерства общество – государство – бизнес в условиях быстрой диджитализации), во многом обуславливают современные формы, механизмы и инструменты межстрановой технологической кооперации. При этом доминирующим фактором этого процесса выступает последовательное развитие цифрового общества, революционно трансформирующего не только экономическую систему (в которой опережающими темпами развивается цифровая экономика), но и практически все социокультурные отношения.

Основная часть. По нашему мнению, наиболее гносеологически интересной из всех последних научных публикаций, посвященных такому явлению, как цифровизация, является статья Т.Н. Юдиной «"Подглядывающий капитализм" как "цифровая экономика" и/или Цифровое общество» [2]. Сразу же оговоримся, что нами выделяется эта статья не потому, что она является единственной философско-экономической работой названного автора по этой тематике, а, напротив, представляет собой своеобразную квинтэссенцию серии наукоемких публикаций Т.Н. Юдиной [3–15], посвященных цифровизации, и наиболее методологически подходит для исследования инструментов повышения межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0.

Перейдем к рассмотрению названной статьи как средству реализации цели нашего исследования с учетом вышеизложенных оговорок. Т.Н. Юдиной удалось показать общее и особенное в развитии современной экономики. По существу, названный автор сумел развить понятие «подглядывающий капитализм», введенное Ш. Зубофф [16], охарактеризовав его как «саму суть "цифровой экономики" и/или "цифрового общества"» [2, с. 14]. При этом Тамара Николаевна, по нашему мнению, сумела показать феноменологическую природу цифрового общества и/или цифровой экономики, в том числе раскрыв их сущность как ноумена.

Напомним, что ноумен – «это философское понятие, которое было введено в неоплатонизме, для обозначения мира умопостигаемых сущностей» [17, с. 569]. Позднее И. Кант, исходя из своего трансцендентального идеализма, «использовал понятие ноумен для обозначения сферы, выходящей за пределы чувственного опыта. Традиционная взаимосвязь сущности и явления заменяется у Канта жестким противопоставлением сферы явлений обыденного и научного опыта (феномен) непознаваемому миру "вещи-в-себе"» [17, с. 569]. Под феноменом сегодня понимается совокупность свойств системы и/или явления, сложившихся в процессе его индивидуального развития. При таком методологическом подходе феномен представляет собой сочетание общего (закона, принципа развития) и особенного (уникального).

Рассмотрим под этим углом зрения высказывание Т. Н. Юдиной: «Однако многие соотечественники, в том числе и ученые, не видят феномена "цифровой экономики" вообще, принимая его за ноумен. В феномене «ЦЭ»

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Организационно-экономические проблемы расширения белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0» по договору с БРФФИ № Г20РА-008 от 04.05.2018 г.

(цифровая экономика – примечание автора) содержатся скачки к количественному развитию экономики и одновременно – качественные угрозы, касающиеся человека и общества в целом» [2, с. 14]. По нашему мнению, если рассматривать ноумен в неоплатоновском смысле, поскольку маловероятно, что Тамара Николаевна считает, что многие ее соотечественники, в том числе и ученые, стоят на методологических и/или идеологических позициях кантовского трансцендентального идеализма, то названный ноумен (как закон, принцип развития) не противоречит феноменологическому подходу, при котором происходит рассмотрение всех реальных объектов как сочетания общего (закона, принципа развития) и особенного (уникального), а является его частью.

Вместе с тем, названное методологическое уточнение не опровергает того, что многие соотечественники Т. Н. Юдиной, и не только они, но, например, и белорусские ученые, при рассмотрении феномена цифрового общества и/или цифровой экономики, преувеличивают значение внешней схожести ряда экономических процессов до и после цифровой революции. Именно в содержательном анализе и синтезе последних и заключается научный вклад этого российского ученого.

«Десятые годы XXI в., – отмечает Т. Н. Юдина – это время, когда человек связал себя со смартфоном – по сути суперкомпьютером. Можно даже сказать, что человек со смартфоном – это и есть "цифровая экономика" и/или "цифровое общество", позволившие взойти на современный хрематистический, финансовоэкономический олимп ИТ-гигантам (Apple, Amazon, Facebook и др.), которые стали обладать новым видом капитала – большими данными, BIG DATA – по сути источником цифровой ренты» [2, с. 14]. Названный автор справедливо замечает, что «аналоговая, нецифровая экономика представляла и представляет собой реальные отношения между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления реальных благ (товаров и услуг) и институты. "Цифровая экономика" уводит в виртуальный искусственный мир, она сама представляет собой "следающий капитализм" или "подглядывающий капитализм" со своими институтами и организациями» [2, с. 14–15].

Рассматривая проблему взаимодействия виртуальной и аналоговой экономик в контексте перехода с использованием потенциала межстрановой технологической кооперации к Индустрии 4.0, необходимо понимать, что аналоговая экономика предоставляет все материальные товары, потребляемые домашними хозяйствами, поскольку, как бы мы ни развивали цифровую экономику, человек никогда не сможет обойтись без пищи, воды, одежды и огромного количества вещей материального мира. Точно так же цифровая трансформация промышленности в рамках концепции Индустрия 4.0, ориентируясь первоначально на максимально возможную цифровизацию национального промышленного комплекса (по критериям экономической целесообразности и/или экологической безопасности, и/или гуманизации и безопасности производственных процессов), породила новую цифровую реальность – параллельное виртуальное отображение производственных процессов. Это виртуальное отображение, позволяя не только улучшить процессы непосредственного производства, в том числе за счет широкого использования роботов (материальных и виртуальных), но и развивать услуги промышленного характера ускоренными темпами, привело к новой промышленной революции и значительно изменило бизнес-модели промышленности. Параллельно с этими процессами активно происходило и со все большей скоростью происходит накопление и капитализация BIG DATA и соответственно увеличение цифровой ренты. «В определении цифровой экономики как новой парадигмы экономического развития основным является развитие за счет синергетических трансформационных эффектов цифровых информационно-коммуникационных технологий, а также формирование оптимальной структуры и снижение неопределенности при принятии решения на основе оцифрованной информации» [18, с. 131].

Вместе с тем для обеспечения конкурентоспособного национального промышленного комплекса, в том числе и как основы межстрановой технологической кооперации, необходимо сохранение и развитие нецифровых (аналоговых) современных технологий в промышленности.

Т.Н. Юдина отмечает: «С появлением и использованием больших данных (BIG DATA – BD) как одной из важнейших цифровых технологий институциональные изменения среды принятия решений достигли фундаментальных основ мировой и глобальных экономик – процессов накопления нового капитала. Этим капиталом стали большие данные (BIG DATA). <...> В среде больших данных информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) превращаются в инструмент извлечения не только прибыли непосредственно из информационных процессов, но и получения новой глобальной ренты – цифровой ренты» [2, с. 15]. Все это революционным образом трансформирует основные инструменты повышения межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, когда традиционные инструменты не только дополняются, но и во многом заменяются ИТ-инструментами, в том числе за счет формирования бизнеса цифровых платформ, которые, как подчеркивает М.И. Лугачев «автоматически реализует поиск, сбор и хранение данных, <...> их обработку, поиск пользователей <...>, доставку им информации, учет активности и расчет с заказчиками» [19, с. 144]. «BD определяют главное свойство этих информационных технологий, – пишет Т.Н. Юдина, – создание добавленной стоимости с помощью данных, т.е. обеспечение процесса накопления цифрового капитала. Сами данные в интернете для пользователей не имеют цены. Однако, пройдя сквозь цифровые двоичные коды как алгоритмы больших данных, они получают потребительские свойства информации как фактора производства, необходимого рекламодателям» [2, с. 16].

В результате развития вышеназванных процессов цифровизации естественным образом у инвесторов возникает альтернатива при инвестировании в Индустрию 4.0: вкладывать деньги в развитие собственно промышленности и услуг промышленного характера или в виртуальную оболочку оцифрованной промышленности (в расчете на получение большего дохода за счет цифровой ренты или для занятия бизнесом по обеспечению информационной безопасности). В этих условиях для Республики Беларусь представляется перспективным развивать межстрановую технологическую кооперацию не только в направлении продуктовой кооперации и услуг

промышленного характера, но в направлении накопления и капитализации BIG DATA, порождаемых продолжающейся цифровизацией национальных промышленных комплексов, с целью получения цифровой ренты. Возможность такой стратегии подтверждается технико-экономической природой феномена Индустрия 4.0, под которой сегодня понимается «тип промышленного производства, основанный на кибер-физических системах, функционирующих благодаря промышленному интернету вещей, межмашинному взаимодействию и Интернет-услугам, позволяющих оптимизировать производственные и логистические процессы, что оказывает положительный экономический и экологический эффекты» [20, с. 81]. По мере своего развития Индустрия 4.0 превратилась в «новый хозяйственный уклад, сложившийся под влиянием цифровых технологий» [21, с. 25].

Необходимость проведения роботизации национального промышленного комплекса Республики Беларусь сегодня поддерживается многими белорусскими экономистами. Так, Т.В. Сергиевич пишет: «Одним из перспективных направлений технико-технологической модернизации национальной экономики, обуславливающих трансформацию социально-трудовых отношений, является роботизация. Расширение производства и использования роботов в экономике нашей страны как компонент модернизации позволит совершить технологический скачок, который повлечет за собой изменения в цепочках создания стоимости, в отношениях производитель-потребитель, повышение конкурентоспособности отечественной экономики» [22, с. 68]. При этом следует отметить, что потенциал быстрого наращивания использования бестелесных (нематериальных) роботов в Республике Беларусь во многом исчерпан. Соответственно государственный и частный бизнес начинает более активно двигаться в направлении использования материальных, в том числе промышленных, роботов.

Развитие Индустрии 4.0, что тождественно продолжению новой индустриализации, требует нахождения длинных и дешевых денег как для финансирования отечественной промышленности, так и для развития межстрановой технологической кооперации. Без наличия в Республике Беларусь сильных государственных банков добиться этого невозможно. Румынские ученые, анализируя уроки проведения промышленной политики в своей стране за последние годы, категорически отмечают, что «мы не можем ожидать капитального финансирования и финансирования местной промышленности, пока румынские государственные банки в настоящее время владеют только 5% всех активов банковской системы» [23, р. 168]. Названные авторы также добавляют: «создание банка с румынским капиталом и/или суверенного инвестиционного фонда для экономического развития Румынии – шаг, который не только необходим, но и является вопросом здравого смысла» [23, р. 168]. Таким образом, в качестве инструмента повышения межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0 выступает создание механизма финансирования модернизации промышленности.

По мере развития цифровой экономики и Индустрии 4.0 возрастают затраты на обеспечение безопасности ее функционирования. Так, по данным компании Gartner, «расходы на обеспечение кибербезопасности во всем мире возросли со 101 млрд долл. США в 2017 г. до 124 млрд долл. США в 2019 г. Стоимость преодоления последствий кибератаки тоже значительна: в США в среднем влияние одной кибератаки на чистую прибыль компании составляет 8 млн долл. США, а в целом по миру этот показатель равен 4 млн долл. США. Сегодня киберпреступность наносит общий урон компаниям во всем мире в сумме 608 млрд долл. США, что составляет почти 1% от мирового ВВП» [22, с. 20]. Аналитики PricewaterhouseCoopers International Limited поясняют, что «стоимость восстановления после кибератаки возрастает еще и в связи с тем, что компании часто не знают, что они подверглись кибератаке. В среднем на обнаружение кибератаки уходит 200 дней. А после обнаружения этого факта требуется еще 70 дней на то, чтобы локализовать инцидент» [24, с. 20]. Из этого следует, что для повышения межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0 требуется такой важный инструмент, как обеспечение кибербезопасности.

Заключение. Установлены основные инструменты повышения межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0: цифровизация производственных и бизнес-процессов в национальном промышленном комплексе; роботизация производственных процессов; сохранение и развитие аналоговых (нецифровых) технологических процессов в промышленности; обеспечение развития промышленности длинными и дешевыми деньгами; обеспечение кибербезопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодовников, С.Ю. Современная экономика – экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Друкеровский вестник. – 2019. – № 5. – С. 43–56. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-5-43-56.
2. Юдина, Т.Н. «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/или «цифровое общество» / Т.Н. Юдина // Теоретическая экономика. – 2018. – № 4. – С. 13–17.
3. Юдина, Т.Н. Цифровые преобразования в управлении экономикой и роль в них государственно-частного партнерства / Т.Н. Юдина, А.М. Балашев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – Вып. 80. – С. 300–320.
4. Yudina, T.N. Digital segment of the real economy: digital economy in the context of analog economy / T.N. Yudina // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. – 2019. – Vol. 12, No. 2. – P. 7–18.
5. Осипов, Ю.М. Информационная-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации / Ю.М. Осипов, Т.Н. Юдина, И.З. Гелисханов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. – 2019. – № 3. – С. 41–60.
6. Юдина, Т.Н. Формирование институциональной инфраструктуры «цифровой экономики» в Российской Федерации / Т.Н. Юдина, Е.В. Купчишина // Науч.-техн. ведомости Санкт-Петербург. гос. политехн. ун-та. – 2019. – Т. 12. – № 4. – С. 9–19.

7. Geliskhanov, I.Z. Digital platform: a new economic institution / I.Z. Geliskhanov, T.N. Yudina // *Quality – Access to Success*. – 2018. – Supp. 2, Vol. 19. – P. 20–26.
8. Юдина, Т.Н. Деньги трех Римов. Золотой стандарт, Бреттон-Вудс и Ямайка как неоконченные истории, а цифровые финансы как их продолжение и тупик. Русский рубль как победитель (сущность реальных и виртуальных денег, золота) / Т.Н. Юдина // *Теоретическая экономика*. – 2018. – № 3. – С. 15–27.
9. Осипов, Ю.М. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва / Ю.М. Осипов, Т.Н. Юдина, И.З. Гелисханов // *Экономические стратегии*. – 2018. – № 5. – С. 22–29.
10. Гелисханов, И.З. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И.З. Гелисханов, Т.Н. Юдина, А.В. Бабкин // *Науч.-техн. ведомости Санкт-Петербург. гос. политехн. ун-та*. – 2018. – № 6. – С. 22–36.
11. Юдина, Т.Н. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии / Т.Н. Юдина, И.М. Тушканов // *Философия хозяйства*. – 2017. – № 1. – С. 193–200.
12. Юдина, Т.Н. Цифровая экономика: некоторые аспекты pro et contra (искусственный интеллект, блокчейн и криптовалюты, производительность труда) / Т.Н. Юдина // *Философия хозяйства*. Спец. выпуск. – 2017. – С. 112–121.
13. Юдина, Т.Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: pro et contra / Т.Н. Юдина // *Государственное и муниципальное управление (Ученые записки СКАГС)*. – 2017. – № 3. – С. 139–143.
14. Yudina, T.N. Perspective of Digital Economy / T.N. Yudina // *Journal of Northeast Asia Studies*. – 2016. – № 5. – P. 20–24.
15. Юдина, Т.Н. Осмысление цифровой экономики / Т.Н. Юдина // *Теоретическая экономика*. – 2016. – № 3. – С. 12–16.
16. Zuboff, S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization / S. Zuboff // *Journal of Information Technology*. – 2015. – № 30. – P. 75–89.
17. Ноумен // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
18. Сташевская, М.П. Некоторые теоретические аспекты определения цифровой экономики / М.П. Сташевская // *Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ*. – Минск, 2020. – Вып. 12. – С. 129–134.
19. Лугачев, М.И. Информационные революции, экономика и экономическое образование / М.И. Лугачев // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6.: Экономика*. – 2017. – № 4. – С. 142–160.
20. Мелешко, Ю.В. Индустрия 4.0 как инструмент достижения технологического лидерства Германии: эволюция подходов к реализации / Ю.В. Мелешко // *Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ*. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 79–93.
21. Мелешко, Ю.В. Индустрия 4.0 как новый хозяйственный уклад / Ю.В. Мелешко // *Труды IX Всерос. симпозиума по эконом. теории : сб. докл. секционных заседаний / Ин-т экономики Урал. отд-я РАН ; отв. ред.: Ю.Г. Лаврикова*. – Екатеринбург, 2020. – С. 25–26.
22. Сергиевич, Т.В. Социально-экономическая обусловленность роботизации экономики / Т.В. Сергиевич // *Вестн. Ин-та экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси*. – Минск, 2020. – Вып. 1. – С. 68–77.
23. Chivu, L. Deindustrialization and Reindustrialization in Romania: Economic Strategy Challenges / L. Chivu, C. Ciutacu, G. Georgescu. – Bucharest : Palgrave Macmillan ; Springer Nature, 2017. – 284 p. – P. 168.
24. Горнодобывающая промышленность, 2020 год [Электронный ресурс] PricewaterhouseCoopers. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/publications/mine-2020/mine-2020.pdf>. – Дата доступа: 10.05.2021.

REFERENCES

1. Solodovnikov, S.Yu. (2019). Sovremennaya ekonomika – ekonomika riskov [Current economy – risk economy]. *Drukerovskii vestnik [Drukerovskij vestnik]*. (5), 43–56. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-5-43-56. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Yudina, T.N. (2018). «Podglyadyvayushchii kapitalizm» kak «tsifrovaya ekonomika» i/ili «tsifrovoye obshchestvo» [“Surveillance capitalism” as “digital economy” and/or “digital society”]. *Teoreticheskaya ekonomika*. (4), 13–17. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Yudina, T.N. & Balashev, A.M. (2020). Tsifrovye preobrazovaniya v upravlenii ekonomikoi i rol' v nikh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Digital Transformations in Economy Management and State-Private Partnership Role]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*. (80), 300–320. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10075. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Yudina, T.N. (2019). Digital segment of the real economy: digital economy in the context of analog economy. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. (2), 7–18. (In Engl.).
5. Osipov, Yu.M., Yudina, T.N., Geliskhanov, I.Z. (2019). Informatsionnaya-tsifrovaya ekonomika: kontsept, osnovnye parametry i mekhanizmy realizatsii [Information-digital economy: concept, basic parameters and implementation mechanisms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. (3), 41–60. DOI: 10.5281/zenodo.3788122. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Yudina, T.N. & Kupchishina, E.V. (2019). Formirovanie institutsional'noi infrastruktury «tsifrovoi ekonomiki» v Rossiiskoi Federatsii. [«Digital» economy institutional infrastructure formation in the Russian Federation]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]*. (4), 9–19. DOI: 10.18721/JE.12401. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Geliskhanov, I.Z. & Yudina, T.N. (2018). Digital platform: a new economic institution. *Quality – Access to Success*. (19), 20–26. (In Engl.).
8. Yudina, T.N. (2018). Den'gi trekh Rimov. Zolotoi standart, Bretton-Vuds i Yamaika kak neokonchennye istorii, a tsifrovye finansi kak ikh prodolzhenie i tupik. Russkii rubl' kak pobeditel' (sushchnost' real'nykh i virtual'nykh deneg, zolota). [Money of the three Romes. The Gold standard, Bretton Woods and Jamaica monetary systems as unfinished stories and digital finances as the continuation and Dead end. Russian rouble as winner (essence of real and virtual money, Gold)]. *Teoreticheskaya ekonomika*. (3), 15–27. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Osipov, Yu.M., Yudina, T.N., Geliskhanov, I.Z. (2018). Tsifrovaya platforma kak institut epokhi tekhnologicheskogo proryva [Digital Platform as an Institution of the Technological Breakthrough Era]. *Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies]*. (5), 22–29. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Geliskhanov, I.Z. Yudina, T.N., Babkin, A.V. (2018). Tsifrovye platformy v ekonomike: sushchnost', modeli, tendentsii razvitiya. [Digital platforms in economics: essence, models, development trends] *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]. (6), 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Yudina, T.N. & Tushkanov, I.M. (2017). Tsifrovaya ekonomika skvoz' prizmu filosofii khozyaistva i politicheskoi ekonomii. *Filosofiya khozyaistva*. (1), 193–200. (In Russ.).
12. Yudina, T.N. (2017). Tsifrovaya ekonomika: nekotorye aspekty pro et contra (iskusstvennyi intellekt, blokchein i kriptovalyuty, proizvoditel'nost' truda). *Filosofiya khozyaistva. Spetsial'nyi vypusk*, 112–121. (In Russ.).
13. Yudina, T.N. (2017). Tsifrovizatsiya kak tendentsiya sovremennogo razvitiya ekonomiki Rossiiskoi Federatsii: pro et contra. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie (Uchenye zapiski SKAGS)*. (3), 139–143. (In Russ.).
14. Yudina, T.N. (2016). Perspective of Digital Economy. *Journal of Northeast Asia Studies*. (5), 20–24. DOI: 10.18721/JE.12201. (In Engl.).
15. Yudina, T.N. (2016). Osmyslenie tsifrovoi ekonomiki. *Teoreticheskaya ekonomika*. (3), 12–16. (In Russ.).
16. Zuboff, S. (2015). Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. *Journal of Information Technology*. (30), 75–89. (In Engl.).
17. Noumen. (2002). In S.Yu. Solodovnikov (Eds.) *B ol'shoi entsiklopedicheskii slovar': filosofiya, sotsiologiya, religiya, ezoterizm, politekonomiya*. Minsk: MFTsP. (In Russ.).
18. Stashevskaya, M.P. (2020). Nekotorye teoreticheskie aspekty opredeleniya tsifrovoi ekonomiki. In *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. Minsk, (Vol. 12.), 129–134. (In Russ.).
19. Lugachev, M.I. (2017). Informatsionnye revolyutsii, ekonomika i ekonomicheskoe obrazovanie [Information revolutions, economics and economic education]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. (4), 142–160. DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105201747>. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Meleshko, Yu.V. (2019). Industriya 4.0 kak instrument dostizheniya tekhnologicheskogo liderstva Germanii: evolyutsiya podkhodov k realizatsii. In *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. Minsk, (Vol. 10), 79–93. (In Russ.).
21. Meleshko, Yu.V. (2020). Industriya 4.0 kak novyi khozyaistvennyi uklad. In Lavrikova Yu.G. (Eds.) *Trudy IKh Vserossiiskogo simpoziuma po ekonomicheskoi teorii*. Ekaterinburg, 25–26. (In Russ.).
22. Sergievich, T.V. (2020). Sotsial'no-ekonomicheskaya obuslovlennost' robotizatsii ekonomiki. *Vestnik Instituta ekonomiki NAN Belarusi*. (Vol. 1), 68–77. (In Russ.).
23. Chivu, L., Ciutacu, C., Georgescu, G. (2017). *Deindustrialization and Reindustrialization in Romania: Economic Strategy Challenges*. Bucharest: Palgrave Macmillan ; Springer Nature. (In Engl.).
24. Gornodobyvayushchaya promyshlennost', 2020 god [Elektronnyi resurs] PricewaterhouseCoopers. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mine-2020/mine-2020.pdf>.

Поступила 14.07.2021

INSTRUMENTS FOR INCREASING INTERCOUNTRY TECHNOLOGICAL COOPERATION IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO INDUSTRY 4.0

S. SOLODOVNIKOV

The article is devoted to the consideration of the most important problem of increasing intercountry technological cooperation in the context of the transition to Industry 4.0 – the instruments of this process. It is shown that these instruments should be considered systematically, taking into account new and actualization of some old risks of intercountry technological cooperation. In modern circumstances, the dominant factor in this process is the consistent development of the digital society. The study pays special attention to the disclosure of the essence of the digital society and the digital economy, the development of the concept of "surveillance capitalism". The problem of interaction of digital and analogue economies in the context of the transition using the potential of intercountry technological cooperation to Industry 4.0 is considered, and the need to preserve and develop non-digital (analogue) modern technologies in industry is emphasized.

Keywords: Industry 4.0, digital economy, technological cooperation, technology, new industrialization, economic modernization, scientific and technological progress.

УДК 332.142.6

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-72-80

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

А.В. СТАНОВСКАЯ*(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9340-2014>

В настоящее время важным пунктом в глобальной повестке дня является достижение устойчивого развития, которое невозможно без перехода к рациональным моделям производства и потребления. Действенные бизнес-модели для обеспечения более эффективного ресурсопользования предлагает концепт циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла). Для мониторинга прогресса в области перехода к циркулярной экономике необходимы индикаторы, отличные от тех, которые применяются в линейной экономике. В статье приводятся результаты аналитического обзора и сравнения наиболее распространенных в англо- и русскоязычных научных исследованиях методических подходов к оценке экономики замкнутого цикла на локальном уровне. Указаны достоинства и недостатки данных подходов, области их возможного применения. Сделан вывод об узости трактовки концепта циркулярной экономики в проанализированных работах и необходимости разработки специального инструмента для оценки циркулярной экономики предприятия.

Ключевые слова: циркулярная экономика, экономика замкнутого цикла, уровень развития, индикатор.

Введение. Линейная модель экономики, основанная на принципе «добывай, производи, выбрасывай» («take, make, waste»), показывает свою нежизнеспособность в условиях быстрого роста населения, истощения природных ресурсов, загрязнения почв, вод, атмосферного воздуха, образования значительных объемов отходов производства и потребления. В связи с этим актуальным является «замыкание» ресурсного цикла для того, чтобы ресурсы находились в экономической системе как можно дольше, а значит, дольше сохраняли максимально возможную ценность и качество, т.е. необходим переход от нынешней линейной к циркулярной модели экономики. На наш взгляд, **циркулярная экономика** (англ. *circular economy, closed-loop economy, cyclic economy*) – это модель экономики, основанная на замкнутых циклах материальных и энергетических потоков, которые позволяют сохранить ценность продуктов, материалов и ресурсов в экономике как можно дольше, способствуя развитию моделей рационального производства и потребления, которые приведут к повышению благосостояния людей в долгосрочной перспективе, для достижения целей устойчивого развития и удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений¹.

Важную роль в переходе страны к циркулярной экономике (ЦЭ) играют первичные звенья экономической системы – предприятия, которые объединяют для производства продукции материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Непосредственно в ходе производственных процессов на предприятии генерируются основные вмешательства в окружающую природную среду: образование отходов производства, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сброс сточных вод. Результаты функционирования предприятия влияют как на благосостояние населения региона и страны в целом, так и на экологическое состояние соответствующих территорий в будущем.

Имплементация принципов циркулярной экономики в бизнес в перспективе способна изменить различные аспекты деятельности компании, включая организацию бизнес-процессов, взаимодействие с поставщиками, выбор сырья, транспортных и распределительных сетей, отношения с потребителями и окончание жизненного цикла продукции.

Отсутствие достоверных данных об уровне развития ЦЭ на микроуровне ведет к проблемам управленческого характера, препятствующим выработке адекватной стратегии в области устойчивого развития предприятия. Кроме этого, показатели развития экономики замкнутого цикла необходимы для мониторинга прогресса, чтобы побудить стейкхолдеров на разных уровнях стимулировать имплементацию этой новой модели.

Предполагается, что индикаторы ЦЭ могут использоваться в качестве ключевых показателей эффективности для оценки и сравнения предприятий различными заинтересованными сторонами (партнерами, инвесторами, государственными органами), для информирования потребителей, а также служить основой нормативных изменений и пр. При этом используемые индикаторы должны отражать основную сущность концепта ЦЭ; соотноситься с системой показателей, используемой в компании; быть немногочисленными.

Несмотря на то, что во всем мире опубликовано множество различных исследований, касающихся развития экономики замкнутого цикла на локальном уровне, все еще отсутствует общепринятый подход к определению того, насколько успешно компания переходит от линейной экономики к экономике замкнутого цикла. Здесь чаще всего применяются такие индикаторы, как коэффициент регенерации отходов производства, энерго- и водоемкость производства, удельные выбросы загрязняющих веществ на единицу выпуска продукции и пр. При этом бизнес нередко

¹ Становская, А.В. Теоретико-концептуальные аспекты развития циркулярной экономики [Электронный ресурс] / А.В. Становская // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – 2021. – С. 436. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/88457/1/Stanovskaya_435_442.pdf.

предпочитает использовать не те индикаторы, которые дают возможность оценить реальный прогресс в переходе к ЦЭ, а те, данные для которых легче получить. Однако, как известно, «невозможно улучшить то, что невозможно измерить»², поэтому определение индикаторов, которые позволят оценить прогресс в продвижении принципов циркулярной экономики на локальном уровне, является актуальной научно-практической задачей.

Основная часть. В настоящее время существуют различные методики, включающие в себя показатели, которые могут быть частично или полностью использованы для проведения *косвенной* оценки экономики замкнутого цикла на локальном уровне, к их числу можно отнести: индексы Глобальной инициативы по отчетности (The Global Reporting Initiative, GRI), проект ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию) по выбору основных показателей для отчетности компаний о вкладе в достижение ЦУР ООН, показатели международного стандарта ISO 14031, а также показатели оценки жизненного цикла и анализа материальных потоков (MIPS-анализа).

В последние годы для оценки уровня развития экономики замкнутого цикла на микроуровне в научной литературе стали использоваться специальные индексы, которые дают возможность стейкхолдерам понять, насколько успешно внедряются принципы ЦЭ на том или ином предприятии. К таким индексам относятся следующие: The Material Circularity Indicator; The Sustainable Circular Index, The Circular Economy Performance Index, Circular Economy Indicator Prototype, Circular Economy Toolkit и др. Одним из первых специальных показателей для определения уровня экономики замкнутого цикла на предприятии стал *Индикатор циркулярности материала* (The Material Circularity Indicator, MCI), разработанный в 2015 г. исследователями Фонда Эллен Макартур, IT-компании Granta Design и проекта LIFE и представленный в труде «Индикаторы цикличности: подход к измерению цикличности. Методология» («Circularity Indicators: An Approach to Measuring Circularity. Methodology»)³.

Индикатор MCI показывает, насколько минимизирован линейный материальный поток, и оценивается по следующей формуле⁴:

$$MCI = 1 - LFI \times F(X), \quad (1)$$

где LFI – индекс линейного потока;

F(X) – коэффициент использования продукта, построенный как функция F от полезности X.

Полезность в данной ситуации отражает продолжительность и интенсивность использования анализируемого продукта в сравнении со средними показателями по отрасли.

Индекс линейного потока (LFI) измеряет долю материала, который движется «линейно», учитывает массу материала, полученную из первичных ресурсов для производства продукта, а также массу отходов, подлежащих дальнейшему использованию. Индекс выводится следующим образом:

$$LFI = \frac{V+W}{2M + \frac{W_f - W_c}{2}} \quad (2)$$

где V – масса сырья для производства продукта из первичных ресурсов;

W – масса отходов производства (связанных с производством этого продукта), подлежащих дальнейшему использованию;

M – масса продукта;

W_f – масса не подлежащих дальнейшему использованию отходов, возникающих при переработке продукции (полностью);

W_c – масса не подлежащих дальнейшему использованию отходов, возникающих при переработке частей продукта⁵.

Индикатор MCI принимает значения в пределах 0 ... 1, где более высокая оценка соответствует большему уровню «замкнутости» циклов движения материалов для производства продуктов.

Кроме расчета показателя циркулярности на уровне продукта, MCI может быть использован для оценки уровня замкнутости материальных циклов во всей компании. MCI на уровне предприятия позволяет оценить, насколько оно продвинулось на своем пути от линейного материального потока к циркулярному. Для этого из каждой группы аналогичных продуктов, которые производит компания, выбирается эталонный продукт. Затем производится оценка каждого эталонного продукта по вышеприведенным формулам. Наконец, результаты данной оценки агрегируются в MCI на уровне компании как средневзвешенное значение MCI на уровне продукта. По мнению разработчиков данной методологии, индикатор MCI может применяться для принятия решений в области экологизации продукции, ранжирования поставщиков, составления внутренней отчетности.

Однако несмотря на то, что MCI дает представление о том, какая доля материалов продукта регенерируется, он не принимает во внимание, что это за материалы, и не предоставляет информацию о других воздействиях продукта на окружающую среду, кроме образования отходов. В методологии предполагается, что масса продукта не

² Коданева, С.И. Циркулярная экономика: актуальные подходы к содержанию и измерению [Электронный ресурс] / С.И. Коданева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2: Экономика. – 2020. – С. 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsirkulyarnaya-ekonomika-aktualnye-podhody-k-soderzhaniyu-i-izmereniyu>

³ Circularity Indicators: An Approach to Measuring Circularity. Methodology / Ellen MacArthur Foundation. 2019. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/assets/downloads/Circularity-Indicators-Methodology.pdf>.

⁴ Там же. – С. 30.

⁵ Там же. – С. 28.

меняется от производства до конца использования. Это означает, что никакая часть продукта не потребляется, не разлагается или не теряется во время его использования. Кроме этого, поскольку индикатор MCI делает акцент на замыкании материальных циклов в процессе производства продукции, он не учитывает всю сложность концепции ЦЭ (ремонтпригодность продукции, лизинг, возврат продукции производителю и пр.) и, следовательно, не может быть использован для полной оценки уровня развития экономики замкнутого цикла на уровне компании.

По пути создания своего показателя на основе MCI пошли португальские исследователи С. Азеведо и Р. Година. Ими разработан *индекс устойчивого циркулярного развития* (The Sustainable Circular Index) для оценки достижения устойчивого развития и циркулярной экономики на промышленных предприятиях. Для построения индекса используются четыре группы показателей:

- 1) экономические, которые включают объем выпуска и объем реализации продукции, расходы на исследования и разработки (3 показателя);
- 2) социальные, характеризующие занятость, производительность труда работников, количество несчастных случаев на производстве и т.д. (7 показателей);
- 3) экологические, включающие объем потребления воды и энергии для производственных нужд (4 показателя);
- 4) индекс циркулярности материала (MCI)⁶.

Показатели, входящие в первые три группы, основаны на известных методиках, используемых предприятиями как в повседневной работе, так и для составления отчета об устойчивом развитии. Среди таких методик:

- концепция тройного критерия (Triple bottom line, или TBL), в соответствии с которой результат хозяйственной деятельности предприятия должен характеризоваться не только финансовыми показателями, но и учитывать также социальные и экологические факторы для измерения общих затрат на ведение бизнеса;
- подход G4 GRI, представляющий собой совокупность глобальных стандартов отчетности в области устойчивого развития, которые являются передовой мировой практикой отчетности по ряду экономических, экологических и социальных воздействий;
- стандарт ISO 14031, который дает руководство по разработке и проведению оценки экологической результативности в организации.

После выбора показателей производится определение весов для каждого показателя в группе и каждой группы показателей для дальнейшей их агрегации в один индекс. При этом для взвешивания показателей авторами данного подхода предлагается использовать метод Delphi. Ввиду того, что показатели имеют различные единицы измерения, подход подразумевает проведение их нормализации методом минимума-максимума. Далее производится расчет непосредственно самого индекса устойчивого циркулярного развития ($I_{\text{sust_circ}}$) по следующей формуле⁷:

$$I_{(\text{sust_circ}_{is})_j} = W_s \sum (W_{is} \times NI_{is}), \quad (3)$$

где $I_{(\text{sust_circ}_{is})_j}$ – индекс устойчивого развития j -й компании; значение индекса может находиться в диапазоне от 0 до 1, при этом чем выше значение индекса, тем более устойчивой является компания;

W_s – вес группы показателей s ($s = 1$ – социальные показатели; $s = 2$ – экономические; $s = 3$ – экологические; $s = 4$ – индекс циркулярности материала); $\sum W_s = 1$;

W_{is} – вес показателя i в группе показателей s ; $\sum W_{is} = 1$;

NI_{is} – значение нормализованного показателя i .

Индекс устойчивого циркулярного развития дает организациям представление как об их прогрессе в достижении устойчивого развития, так и об имплементации отдельных принципов циркулярной экономики в хозяйственную деятельность. В то же время, поскольку для построения индекса устойчивого циркулярного развития используется индекс циркулярности материала (MCI), недостатки, присущие MCI, характерны и для анализируемого индекса.

Как отмечено в работе Л. Вербика⁸, в 2015 г. профессор Маастрихтского университета К. Ритер предложила «Индекс эффективности циркулярной экономики» (The Circular Economy Performance Index, CEPI), представляющий собой удобный инструмент для определения прогресса в имплементации принципов циркулярной экономики. Для определения индекса применяются 25 ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicator, KPI) экономики замкнутого цикла, в основу определения которых легли данные, использующиеся в Глобальной инициативе по отчетности (GRI), Проекте раскрытия информации о выбросах углерода (CDP), Индексе устойчивости Доу-Джонса, отчетах некоммерческой компании Climate Counts.

Все KPI для расчета индекса дифференцированы в зависимости от уровня влияния на развитие экономики замкнутого цикла на предприятии: высокий (красный), средний (оранжевый) и низкий (зеленый), ключевые показатели эффективности представлены в таблице 1. Высокий уровень влияния связан с KPI, характеризующими

⁶ Azevedo, S.G. Proposal of a Sustainable Circular Index for Manufacturing Companies / S.G. Azevedo, R. Godina, J.C. de Oliveira Matias // Resources. 2017. P. 8. URL: <https://www.mdpi.com/2079-9276/6/4/63/html>.

⁷ Там же. – С. 14.

⁸ Verbeek, L.H. A Circular Economy Index for the consumer goods sector [Electronic resource] / L.H. Verbeek // Master thesis. 2016. URL: <http://dspace.library.uu.nl/handle/1874/337188>

основные операции, которые компании должны провести в производственно-потребительском цикле, а также с тем, возможно ли в результате данных операций получить максимальную экономическую выгоду при минимальном воздействии на окружающую среду. Ключевые показатели эффективности со средней степенью воздействия относятся к операциям, которые поддерживают выполнение ключевых показателей эффективности с высокой степенью важности. Ключевые показатели эффективности с низким уровнем воздействия оказывают незначительное влияние на внедрение циркулярных принципов на предприятии, поскольку они составляют лишь небольшую часть всех операций.

Таблица 1. – Ключевые показатели эффективности для определения СЕРИ

№ КРІ	Описание
КРІ 1	Предприятие имеет стратегию устойчивого развития, среди приоритетов которой – развитие циркулярной экономики
КРІ 2	На предприятии определено влияние циркулярной экономики на разные аспекты бизнеса
КРІ 3	Определены конкретные цели в области достижения циркулярной экономики
КРІ 4	Ежегодно оцениваются результаты инициатив в области экономики замкнутого цикла и прогресс в достижении целей ЦЭ
КРІ 5	Персонал предприятия информируется о влиянии циркулярной экономики на их работу
КРІ 6	Осуществляется сотрудничество с партнерами по теме циркулярной экономики
КРІ 7	Продукция содержит переработанные материалы или восстановленные компоненты
КРІ 8	Продукция разработана таким образом, чтобы минимизировать отходы в течение всего срока службы.
КРІ 9	Продукция подлежит переработке
КРІ 10	Продукция может быть продана повторно после восстановления
КРІ 11	Возможно совместное использование продукции
КРІ 12	Продукция может быть взята потребителями в лизинг
КРІ 13	Функционирует система, обеспечивающая возврат продуктов после их использования потребителями
КРІ 14	Упаковка продукции соответствует критериям циркулярной экономики
КРІ 15	Принципы циркулярной экономики применяются к повседневным операциям
КРІ 16	Разработаны критерии выбора поставщиков и партнеров на основе соблюдения ими принципов ЦЭ
КРІ 17	Потребляемая электрическая энергия поступает из возобновляемых источников энергии
КРІ 18	Потребляемая электрическая энергия поступает из надежных производственных источников (имеющих соответствующие сертификаты)
КРІ 19	В качестве исходного сырья для производства продукции используются части уже отслужившей продукции или отходы
КРІ 20	Использование материальных ресурсов осуществляется с учетом экологических пределов
КРІ 21	Используемые для производства продукции невозобновляемые природные ресурсы заменяются возобновляемыми
КРІ 22	Осуществляются инвестиции в восстановление экосистем
КРІ 23	Отходы сведены к минимуму
КРІ 24	Производственный процесс оптимизирован таким образом, что отходы производства используются снова предприятием или передаются на сторону
КРІ 25	Используется электротранспорт или транспорт, работающий на биотопливе

Каждому показателю эффективности присваивается вес в зависимости от значимости КРІ (показатели с высоким уровнем значимости имеют весовой коэффициент 3, средний – 2, низкий – 1). Оценка по каждому показателю эффективности варьируется от 1 до 4, в зависимости от уровня развития того или иного явления, относящегося к циркулярной экономике. В результате проведения оценки значения индекса находятся в диапазоне от -57 (неустойчивый тип развития) до 114 (развитая циркулярная экономика). Для того, чтобы нормализовать оценки компаний, автор данного подхода предлагает разделить окончательную оценку на 1,14 (таблица 2).

Таблица 2. – Оценки ключевых показателей эффективности для расчета СЕРИ⁹

Вес	Количество КРІ	Оценка по категории				Оценка с учетом веса				Баллы по категории			
		1	2	3	4	Min				Max			
3 (высокий)	10	-1	0	1	2	-3	0	3	6	-30	0	30	60
2 (средний)	12	-1	0	1	2	-2	0	2	4	-24	0	24	48
1 (низкий)	3	-1	0	1	2	-1	0	1	2	-3	0	3	6
Итого										-57	0	57	114

В результате расчета СЕРИ анализируемый объект относится к одной из пяти категорий: «несоблюдение принципов устойчивости» (-50 ... 0 баллов), «соблюдение некоторых принципов устойчивости» (1 ... 25), «действия в пределах тенденций циркулярной экономики» (26 ... 50), «наличие комплексной стратегии по развитию циркулярной экономики» (51 ... 75), «цель/миссия компании, связаны с развитием циркулярной экономики» (76 ... 100). Показатель СЕРИ может быть использован для определения текущего уровня развития ЦЭ на предприятии и его

⁹ Там же. – С. 16.

дальнейшего мониторинга, выявления слабых мест в области развития экономики замкнутого цикла, требующих большего внимания со стороны менеджмента компании, проведения бенчмаркинга.

Слабые стороны данного индекса в том, что для его определения проводится *опрос* на уровне отдельных предприятий, что привносит субъективность в оценку. Кроме этого, CEPI не тестировался, и критерии выбора ключевых показателей эффективности не были включены в исследование. В труде К. Ритер индекс позиционируется как универсальный, однако его применение для сравнения предприятий, относящихся к разным отраслям, затруднительно. В связи с этим в 2016 г. Л. Вербиком был предложен индекс циркулярной экономики для сектора потребительских товаров, разработанный на основе CEPI¹⁰. В своем исследовании «Индекс экономики замкнутого цикла для сектора потребительских товаров» Л. Вербик делает акцент не на одной отрасли, а на целом секторе экономики, производящем продукцию, предназначенную для удовлетворения спроса конечного потребителя (еда, напитки, одежда, обувь, мебель, автомобили, строительные материалы, бытовая техника и прочие товары народного потребления). Исследователь скорректировал некоторые КРІ, использующиеся для определения CEPI, в частности, путем объединения нескольких КРІ в один, изменения важности отдельных показателей, а также улучшения формулировки для их однозначной интерпретации. Кроме этого были проведены интервью с предприятиями для оценки их уровня развития ЦЭ на основе скорректированных показателей эффективности. При этом выбор предприятий был основан на определенных критериях, среди которых: предприятия относятся к сектору потребительских товаров, находятся в Нидерландах, на них занято более 500 человек, занимают различные места в цепочке поставок, активны во внедрении принципов экономики замкнутого цикла. Л. Вербик разработал несколько списков КРІ в зависимости от того является ли продукция расходуемой при использовании (например, продукты питания, топливо) или расходующей свой ресурс (одежда, автомобили), а также относятся продукты к так называемому биологическому или техническому циклу. Далее автор данного подхода проводит оценку компаний по методу, аналогичному CEPI.

Данный метод представляет определенный научный интерес, поскольку был апробирован на примерах голландских компаний, в своей основе опирается на интервью этих компаний и независимого эксперта в области устойчивого развития по поводу значимости и необходимости включения тех или иных показателей в итоговый индекс. На наш взгляд, основным недостатком является тот факт, что аналогично подходу определения CEPI (The Circular Economy Performance Index), опрос предприятий предполагает субъективность итоговых оценок.

Ограниченные размеры статьи не позволяют нам подробно проанализировать все имеющиеся в англоязычной литературе подходы к измерению уровня развития экономики замкнутого цикла на локальном уровне, поэтому такие инструменты, как Прототип индикатора циркулярной экономики (Circular Economy Indicator Prototype, CEIP) [1], Инструментарий циркулярной экономики (Circular Economy Toolkit, CET) [2], Коэффициент экологической эффективности (Eco-Efficient Value Ratio, EVR) [3], Индикатор длительности использования ресурса (Resource Duration Indicator, RDI) [4] остались за ее рамками.

В русскоязычной научной литературе исследуемая проблема является слабо разработанной. В настоящее время можно выделить лишь несколько показателей для измерения уровня развития экономики замкнутого цикла на локальном уровне: индекс развития циркулярной экономики (Circular Economy Development Index, CEDI) М.А. Ветровой, а также инструмент (показатель) развития циркулярной экономики на уровне предприятия (Mezo-CEDI) М.А. Гурьевой.

Индекс CEDI, разработанный в 2018 г., включает ключевые составляющие замыкания ресурсных циклов в соответствии с теоретической моделью циркулярной экономики Фонда МакАртур, а именно: техобслуживание, повторное использование, восстановление и переработку [5, с. 257]. Индекс развития ЦЭ рассчитывается по следующей формуле:

$$CEDI = \frac{(L \times i_1 + R \times i_2 + M \times i_3 + C \times i_4) 100 \%}{W \times S}, \quad (4)$$

где L – объем продукции, прошедшей техобслуживание;

R – объем повторно используемой продукции;

M – объем восстановленной продукции;

C – объем переработанной продукции и отходов;

i_1, i_2, i_3, i_4 – коэффициенты веса применяемого метода управления отходами и отслужившей продукцией соответственно;

W – общий объем отходов промышленных отраслей и продукции, вышедшей из эксплуатации;

S – количество применяемых методов (техобслуживание, восстановление, переработка, повторное использование) к обращению с продукцией и отходами¹¹.

Веса индикаторов, используемых при построении индекса, формируются исходя из приоритетности конкретного подхода обращения с отходами и отслужившей продукцией (таблица 3), в соответствии с принципами ЦЭ. Коэффициенты весомости принимают во внимание три фактора: ресурсосбережение, сокращение выбросов

¹⁰ Там же.

¹¹ Ветрова, М.А. Обоснование стратегических и операционных решений предприятий в условиях перехода к циркулярной экономике : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / М.А. Ветрова. – СПб., 2018. – Л. 59.

диоксида углерода и рентабельность. Учет данных факторов при расчете индекса развития циркулярной экономики объясняется следующим образом: если вместо снижения потребления природных ресурсов и сокращения выбросов диоксида углерода будет отмечаться их увеличение, то экономика замкнутого цикла утратит свое назначение – снижение экодеструктивного воздействия, а при малоудовлетворительных результатах по прибыльности компания откажется от внедрения циркулярных подходов в практику хозяйствования [5, с. 258].

Таблица 3. – Порядок определения весовых коэффициентов для расчета индекса развития циркулярной экономики (CEDI)¹²

Элемент циркулярной экономики	Экономия ресурсов, %	Снижение выбросов CO ₂ , %	Рентабельность, %	Итого	Вес (i ₁ , i ₂ , i ₃ , i ₄)
Техобслуживание продукции	P ₁	P ₂	P ₃	∑ P _n	$i_1 = \frac{\sum P_n}{\bar{i}}$
Повторное использование продукции	K ₁	K ₂	K ₃	∑ K _n	$i_2 = \frac{\sum K_n}{\bar{i}}$
Восстановление продукции	T ₁	T ₂	T ₃	∑ T _n	$i_3 = \frac{\sum T_n}{\bar{i}}$
Переработка отслужившей продукции	H ₁	H ₂	H ₃	∑ H _n	$i_4 = \frac{\sum H_n}{\bar{i}}$
Среднее значение ($\bar{i}$)				$= \frac{\sum P_n + \sum K_n + \sum T_n + \sum H_n}{4}$	

Значение индекса развития циркулярной экономики CEDI может варьироваться от 0 до 100%, и чем больше его значение, тем более высокий уровень развития экономики замкнутого цикла конкретного предприятия. С помощью данного подхода становится возможным оценить уровень ЦЭ не только в отдельной компании, но и в отрасли¹³.

Индекс CEDI рассматривает неоднородные процессы обращения с отходами и отслужившей продукцией с точки зрения эффективности, уделяя особое внимание таким процессам, как техническое обслуживание, восстановление и повторное использование продукции. Однако основной объект оценки сосредоточен в области обращения с отходами, не учитываются другие экодеструктивные воздействия (выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сброс сточных вод), возникающие в процессе производства продукции, а также вызывает вопросы процедура определения весов показателей и интерпретация получаемого результата.

Еще один инструмент оценки циркулярной экономики на уровне предприятия разработала в 2020 г. М.А. Гурьева. Показатель получил название **Mezo-CEDI**, в его основе данные о деятельности промышленных предприятий, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет. Для расчета Mezo-CEDI оцениваются основные направления природоохранной деятельности предприятия (обращение с отходами производства, энергосбережение, рациональное использование водных ресурсов), учитывается инновационная и образовательная деятельность компании в области охраны окружающей среды. Показатели, входящие в состав инструмента Mezo-CEDI для оценки развития экономики замкнутого цикла на микроуровне, представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Показатели для расчета Mezo-CEDI [6, с. 1436]

Наименование показателя	Формула расчета	Условные обозначения переменных
Показатели (индикаторы) экономического развития		
Индекс экологических затрат (I _{ЭЗ})	$I_{ЭЗ} = \frac{З_{ЭК}}{З}$	З _{ЭК} – затраты предприятия экологического характера, руб.; З – совокупные производственные затраты предприятия, руб.
Индекс экологической прибыльности (I _{ЭП})	$I_{ЭП} = \frac{П_{ЭИ}}{П}$	П _{ЭИ} – прибыль предприятия от внедрения экологических инноваций, руб.; П – чистая прибыль предприятия, руб.
Показатели (индикаторы) социального развития		
Индекс экологического образования (I _{ЭО})	$I_{ЭО} = \frac{З_{ЭО}}{З_0}$	З _{ЭО} – затраты предприятия на повышение квалификации / обучение персонала в экологической сфере, руб.; З ₀ – совокупные затраты предприятия на повышение квалификации / обучение персонала, руб.
Показатели (индикаторы) экологического развития		
Индекс экологичности производственного цикла (I _{ЭПЦ})	$I_{ЭПЦ} = \frac{МО_{П}}{МО}$	МО _П – масса переработанных и (или) повторно использованных отходов на предприятии, т; МО – общая масса всех образованных отходов на предприятии, т
Индекс чистоты энергопотребления (I _{ЧЭ})	$I_{ЧЭ} = \frac{ВИЭ}{ЭЭ}$	ВИЭ – объем выработки электроэнергии из возобновляемых источников энергии, кВт·ч; ЭЭ – совокупный объем потребления электроэнергии предприятием, кВт·ч
Индекс чистоты водопользования (I _{ЧВ})	$I_{ЧВ} = \frac{В_0}{ВП}$	В ₀ – объем оборотной, повторно-последовательно использованной воды на предприятии, тыс. м ³ ; ВП – совокупный объем водопотребления на предприятии, тыс. м ³

¹² Там же. – Л. 60.

¹³ Там же. – Л. 59.

Расчет показателя Mezo-CEDI проводится по следующей формуле:

$$\text{Mezo-CEDI} = \sqrt[6]{\text{KI}_1 * \text{I}_{\text{ЭЗ}} * \text{KI}_2 * \text{I}_{\text{ЭП}} * \text{KI}_3 * \text{I}_{\text{ЭО}} * \text{KI}_4 * \text{I}_{\text{ЭПЦ}} * \text{KI}_5 * \text{I}_{\text{ЧЭ}} * \text{KI}_6 * \text{I}_{\text{ЧВ}}}, \quad (5)$$

где Mezo-CEDI – интегральный инструмент оценки развития циркулярной экономики на уровне предприятия; KI_i – расчетное значение коэффициентов значимости показателей (индикаторов) оценки развития циркулярной экономики, входящих в инструмент оценки «Mezo-CEDI» [6, с. 1434].

Расчет значений коэффициентов значимости KI_i автором данного подхода проведен на основе преобразованного метода приписывания баллов при обобщении мнений экспертов (5 человек).

Значение индекса может варьироваться от 0 до 1, где диапазон итоговых значений индекса [0; 0,3] свидетельствует о начальном уровне развития циркулярной экономики, [0,31; 0,6] – о среднем уровне и [0,61; 1] – о продвинутом уровне развития ЦЭ на предприятии. Автор отмечает, что эталонным значением показателя Mezo-CEDI является единица, достижение которого в сложившемся технологическом укладе практически невозможно, – необходима разработка эффективных инновационных решений [6, с. 1435].

Предложенный М.А. Гурьевой подход заслуживает внимания, поскольку охватывает широкий круг показателей, связанных с имплементацией циркулярных принципов в деятельность предприятий, имеет понятную методику построения итогового индекса и высокую доступность информации. Стоит отметить, что Mezo-CEDI был апробирован и может быть использован компаниями для оценки своего положения в области внедрения принципов циркулярной экономики, а также корректировки текущей политики. В то же время выделим и недостатки данного подхода: во-первых, далеко не полно отражены в предлагаемой методике возможности циркулярной экономики, так как игнорируются такие бизнес-модели, как циркулярные поставщики, продукт как услуга, продление жизненного цикла за счет ремонта и др., акцент делается только на переработке отходов производства; во-вторых недочеты методологического характера, когда автор утверждает, что значение Mezo-CEDI должно стремиться к 1. Но для этого необходимо, чтобы значение всех индексов, образующих его, нарастало и стремилось к 1, однако это характерно не для всех индексов (например, индекс экологических затрат или экологического образования).

Заключение. Анализ научных работ по оценке циркулярной экономики на микроуровне показало, что существует множество разработок инструментов такой оценки, в которых отражены различные точки зрения на исследуемую проблему, включая рассмотрение разных компонентов устойчивого развития, различных бизнес-моделей экономики замкнутого цикла и фаз жизненного цикла. В таблице 5 представлены результаты сравнения проанализированных выше показателей оценки ЦЭ.

Таблица 5. – Результаты сравнения индикаторов циркулярной экономики на микроуровне

Критерий	Индикаторы циркулярной экономики на микроуровне									
	MCI	Isust_circ	CEPI	CEIP	CET	EVR	RDI	CEI	CEDI	Mezo-CEDI
Компоненты устойчивого развития										
Экономика		•	•		•	•		•		•
Окружающая среда	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•
Общество		•	•							•
Фазы жизненного цикла (ЖЦ)										
Обеспечение ресурсами	•	•	•	•	•	•		•	•	
Производство	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•
Использование	•	•	•	•	•	•	•		•	
Конец ЖЦ	•	•	•	•	•	•				
Бизнес-модели циркулярной экономики										
Циркулярные поставщики	•	•	•	•	•			•	•	
Переработка отходов	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•
Продление жизненного цикла продукта	•	•	•	•			•		•	
Продукт как услуга			•	•			•			
Вид оценки										
Качественный			•		•					
Количественный	•	•		•		•	•	•	•	•

Результаты анализа показывают, что только в 3 из 10 проанализированных методик отражены экономические, экологические и социальные аспекты (Isust_circ, CEPI, Mezo-CEDI). Отметим, что почти все инструменты учитывают все фазы жизненного цикла продукта от подготовки к производству до конца производственно-потребительского цикла. Однако лишь некоторые из них рассматривают не только переработку отходов, но и другие бизнес-модели циркулярной экономики.

Согласно сравнению, представленному в таблице 5, наиболее приемлемым инструментом для оценки является CEPI, однако, как уже упоминалось выше, данный инструмент дает качественную оценку и отличается высокой субъективностью результата. В целом, большинство представленных подходов не учитывают всю сложность парадигмы циркулярной экономики, не затрагивают такие аспекты ЦЭ, как ремонтпригодность, восстановление продукции, лизинг, возврат продукции производителю и пр. Кроме этого, в некоторых подходах нет четкой дифференциации индикаторов, вследствие этого имеет место их повторно-параллельное использование.

Данные подходы могут служить основой для разработки новых, более адаптированных к конкретной ситуации методических рекомендаций.

Проведенное исследование позволило выделить несколько проблемных областей оценки ЦЭ на микроуровне, в частности: недостаточно проработанная методика построения показателей; проблемы со сбором информации для расчетов; неопределенность интерпретации итоговых показателей; узость трактовки концепта циркулярной экономики. Следовательно, необходима разработка инструментария оценки ЦЭ на уровне предприятия, который бы максимально полно отражал всю сложность концепции экономики замкнутого цикла, был построен на основе данных предприятия, имел количественное определение, однозначную интерпретацию и мог служить для выработки рекомендаций менеджерам. Для мониторинга развития циркулярной экономики на предприятии могут использоваться следующие показатели:

- на этапе подготовки к производству: затраты на экологические инновации (в т.ч. в части экодизайна продукции); объем вовлекаемого в производство вторичного сырья;

- на этапе производства: коэффициент полезного использования сырья; отношение производства первичной энергии из возобновляемых источников энергии к валовому потреблению энергии; отношение использованных загрязняющих веществ, уловленных газоочистными установками, к общему объему выбросов загрязняющих веществ; отношение использованных отходов производства (включая переданные на сторону для использования) к общему объему образования отходов производства; доля безопасно очищаемых промышленных сточных вод;

- на этапе продажи и послепродажного обслуживания, а также сбора отслужившей продукции: доля продукции, имеющей экологическую маркировку о возможности вторичного использования или переработки; объем оказания услуг по аренде, лизингу, ремонту продукции и др.

Результаты мониторинга данных показателей могут быть использованы на микроуровне для корректировки существующей стратегии развития предприятия, формирования программ повышения эффективности его функционирования, стимулирования эко-инноваций, внесения изменений в проектирование продукции с целью более полного учета экологических аспектов и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cayzer, S., Griffiths, P., Beghetto, V. (2017). Design of indicators for measuring product performance in the circular economy. *International Journal of Sustainable Engineering*, (10), 289–298. DOI:[10.1080/19397038.2017.1333543](https://doi.org/10.1080/19397038.2017.1333543).
2. Reigado, C., Fernandes, S., Barrera Saavedra, Y.M., Ometto, A. (2017). A Circular Economy Toolkit as an Alternative to Improve the Application of PSS Methodologies. *Procedia CIRP*, (64), 37–42. DOI:[10.1016/j.procir.2017.03.034](https://doi.org/10.1016/j.procir.2017.03.034).
3. Scheepens, A.E., Vogtlander, J.G., Brezet, J.C. (2016). Two life cycle assessment (LCA) based methods to analyse and design complex (regional) circular economy systems. *Journal of Cleaner Production*, (114), 257–268. DOI:[10.1016/j.jclepro.2015.05.075](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.05.075).
4. Franklin-Johnson, E., Figgeand, F., Canning, L. (2016) Resource duration as a managerial indicator for Circular Economy performance. *Journal of Cleaner Production*, (133), 589–598. DOI:[10.1016/j.jclepro.2016.05.023](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.05.023).
5. Пахомова, Н.В. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития / Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер, М.А. Ветрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2017. – № 5. – С. 244–268. DOI: [10.21638/10.21638/11701/spbu05.2017.203](https://doi.org/10.21638/10.21638/11701/spbu05.2017.203).
6. Гурьева, М.А. Разработка и апробация методического инструментария комплексной оценки развития циркулярной экономики / М.А. Гурьева // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 1425–1448. DOI:[10.18334/vinec.10.3.110517](https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110517).

REFERENCES

1. Cayzer, S., Griffiths, P., Beghetto, V. (2017). Design of indicators for measuring product performance in the circular economy. *International Journal of Sustainable Engineering*, (10), 289–298. DOI:[10.1080/19397038.2017.1333543](https://doi.org/10.1080/19397038.2017.1333543).
2. Reigado, C., Fernandes, S., Barrera Saavedra, Y.M., Ometto, A. (2017). A Circular Economy Toolkit as an Alternative to Improve the Application of PSS Methodologies. *Procedia CIRP*, (64), 37–42. DOI:[10.1016/j.procir.2017.03.034](https://doi.org/10.1016/j.procir.2017.03.034).
3. Scheepens, A.E., Vogtlander, J.G., Brezet, J.C. (2016). Two life cycle assessment (LCA) based methods to analyse and design complex (regional) circular economy systems. *Journal of Cleaner Production*, (114), 257–268. DOI:[10.1016/j.jclepro.2015.05.075](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.05.075).
4. Franklin-Johnson, E., Figgeand, F., Canning, L. (2016) Resource duration as a managerial indicator for Circular Economy performance. *Journal of Cleaner Production*, (133), 589–598. DOI:[10.1016/j.jclepro.2016.05.023](https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.05.023).
5. Pakhomova, N.V., Rikhter, K.K., Vetrova, M.A. (2017). Perekhod k tsirkulyarnoi ekonomike i zamknutym tsepyam postavok kak faktor ustoychivogo razvitiya [Transition to a circular economy and closed supply chains as a factor of sustainable development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of St. Petersburg University. Economy]*, (5), 244–268. DOI: [10.21638/10.21638/11701/spbu05.2017.203](https://doi.org/10.21638/10.21638/11701/spbu05.2017.203). (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Gur'eva, M.A. (2020). Razrabotka i aprobatsiya metodicheskogo instrumentariya kompleksnoi otsenki razvitiya tsirkulyarnoi ekonomiki [Development and testing of methodological tools for a comprehensive assessment of the development of a circular economy]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki [Innovation economy issues]*, 10 (3), 1425–1448. DOI:[10.18334/vinec.10.3.110517](https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110517). (In Russ., abstr. in Engl.).

Поступила 24.10.2021

METHODOLOGICAL FEATURES OF ASSESSMENT OF THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF THE CIRCULAR ECONOMY OF AN ENTERPRISE

A. STANOVSKAYA

Currently, an important item on the global agenda is the achievement of sustainable development, which is impossible without a transition to sustainable production and consumption patterns. Effective business models for ensuring more efficient resource use are offered by the concept of a circular economy (circular economy). Indicators other than those used in linear economics are needed to monitor progress in the transition to a circular economy. The article presents the results of an analytical review and comparison of the most common methodological approaches in English and Russian-speaking scientific research to assessing the circular economy at the local level. The advantages and disadvantages of these approaches, their areas of possible application are indicated. The conclusion is made about the narrowness of the interpretation of the concept of circular economy in the analyzed works and the need to develop a special tool for assessing the circular economy of an enterprise.

Keywords: circular economy, circular economy, level of development, indicator.

УДК 502.131.1:316.334.55(476.5)

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-81-84

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.В. ШАМАТУЛЬСКАЯ*(Витебский государственный университет им. П.М. Машиерова)*

В статье представлена методика оценки экологической устойчивости сельских территорий. Исследование проводилось по двадцати одному административному району Витебской области. Показатели для оценки были объединены в два блока, характеризующих экологическую подсистему сельских территорий: антропогенную нагрузку на окружающую среду и степень использования природных ресурсов. В результате проведенной оценки экологической устойчивости сельские территории были распределены в три группы: устойчивого развития, приближенного к нему и нестабильного устойчивого развития. Практическая значимость исследования заключается в определении тенденций и перспектив экологического развития сельских территорий Витебской области.

Ключевые слова: сельские территории, экологическая устойчивость, Витебская область.

Введение. Качественная и количественная оценки устойчивого развития территории являются актуальной составляющей развития общества и экономики страны. Анализ научных публикаций и исследований, показал, что до сих пор отсутствуют количественные индикаторы и критерии, с помощью которых можно измерить и оценить степень устойчивости развития территории¹. Отметим, что в Национальном перечне показателей Целей устойчивого развития² установлены 17 групп целей, некоторые из которых содержат количественные показатели, например, экономический и социальный блоки устойчивого развития страны. Экологический же блок представлен только несколькими показателями: доля площади особо охраняемых территорий и показателей, связанных с образованием, переработкой и обезвреживанием отходов.

Методика оценки устойчивости территории активно разрабатывается как в Беларуси, так и за рубежом, и все большее внимание в ней уделяется оценке неэкономических показателей [1-3].

В самом общем значении понятие «устойчивость» обозначает способность системы сохранять параметры своих переменных, не смотря на изменения во внутренней и внешней среде в пределах нормы. Экологическая устойчивость – сохранение на некоторый промежуток времени равновесия (или не равновесия) в природных и природно-антропогенных системах. Основным критерием экологической устойчивости является период времени, для которого характерно экологическое равновесие. Общее экологическое равновесие как раз поддерживается на сельских территориях.

Цель исследования – оценить влияние экологических факторов и определить экологическую устойчивость сельских территорий Витебской области.

Информационной базой исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь и научные труды белорусских и российских ученых, тематика работ которых связана с развитием и устойчивостью сельских территорий. В ходе работы были использованы методы сравнительно-географического анализа, статистический, нормирования и балльной оценки.

Основная часть. Сельская местность, представляя экосистему, в которой природные, экономические, демографические, социальные и экологические подсистемы и элементы являются взаимосвязанными иерархически и функционально, требует особого внимания с позиций разработки качественных и количественных показателей устойчивости. Рассматривая сельскую местность как сложную иерархическую систему, очевидно, что устойчивость ее развития выражается через четыре подсистемы: экономическую, социальную, экологическую и институциональную [1]. Для оценки устойчивого развития сельских территорий важным блоком, значимость которого часто приуменьшается, является экологический компонент. Уровень экологической устойчивости (ЭУ) территории количественно можно оценить с помощью индекса ЭУ. Оценка экологической устойчивости сельских территорий является актуальной практической задачей, решение которой позволит оценить социоэкономикоэкологический потенциал региона.

Оценка устойчивости экологической подсистемы сельских территорий была проведена посредством многоуровневой методики:

1. Определение качественных и количественных показателей (на данном этапе главным критерием является доступность данных из статистических источников).
2. Формирование исходной матрицы – информационной базы для расчета показателей.
3. Нормирование значений и расчет показателей.
4. Определение средних значений по группе.

¹ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. URL: https://docviewer.yandex.by/view/0/?*=z46ezHlYL3CyDtrVTJEIwfHdufJ7InVybCI6Imh0dHBzOi8vd3d3Lm1p.

² Национальный перечень показателей Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/SDG/Naz_perechen_pokas.

5. Расчет суммарных баллов и индекса экологической устойчивости сельских территорий.
6. Группировка районов по степени экологической устойчивости.
7. Разработка рекомендаций, направленных на стабилизацию и повышение экологической устойчивости сельских территорий.

При отборе показателей были использованы расчетные переменные: относительные показатели в процентах, на душу населения, на 100 га площади и др.

Анализ научных публикаций и исследований по данной тематике позволил выделить два блока показателей, характеризующих экологическую подсистему сельских территорий: *антропогенную нагрузку на окружающую среду*, которая включает в себя интенсивность выбросов загрязняющих веществ, количество образующихся отходов за год, количество мест захоронения отходов, добычу (изъятие) воды для хозяйственных нужд, сброс сточных вод в поверхностные водные объекты, и *степень использования природных ресурсов* (лесистость территории, доля лесопокрытой площади, площадь особо охраняемых природных территорий, площадь сельскохозяйственных угодий, балл плодородия с/х земель). Одни из рассматриваемых показателей имеют тенденцию к снижению, другие – к увеличению, но и те, и другие показывают изменения, происходящие в сельской местности. При расчете общего индекса необходимо учитывать в каком направлении меняются показатели и что ряд из них оказывают как отрицательное (интенсивность выбросов загрязняющих веществ, количество образующихся отходов и др.), так и положительное (площадь особо-охраняемых территорий и др.) влияние на экологическую устойчивость сельских территорий.

После создания сводной матрицы экологических показателей по данным^{3, 4, 5, 6}, необходим переход к нормированным значениям. Показатели с лучшим наибольшим значением рассчитывались по формуле (1):

$$RN_i = R_i / R_{\max}, \quad (1)$$

где RN_i – нормированное значение по i -му району Витебской области;
 R_i – значение i -го показателя;
 $R_{\max}$ – максимальное значение показателя в группе районов области.
 Показатели с лучшим наименьшим значением рассчитывались по формуле (2):

$$RN_i = 1 - (R_i / R_{\max}) + (R_{\min} / R_{\max}), \quad (2)$$

где RN_i – нормированное значение по i -му району Витебской области;
 R_i – значение i -го показателя;
 $R_{\min}$ – минимальное значение показателя в группе районов области.
 Коэффициенты располагаются в интервале от 0 до 1, и 1 присваивается лучшему значению RN_i (таблица 1).

Таблица 1. – Матрица нормированных значений

Районы	RN_1	RN_2	RN_3	RN_4	RN_5	RN_6	RN_7	RN_8	RN_9	RN_{10}	RN_{11}
Бешенковичский	0,987	0,991	0,993	0,985	0,997	0,396	0,287	0,053	0,053	0,563	0,833
Браславский	0,981	0,981	0,992	0,993	0,879	0,486	0,503	0,969	0,969	0,686	0,740
Верхнедвинский	0,979	0,978	0,972	0,985	0,918	0,572	0,698	0,481	0,481	0,511	0,824
Витебский	0,904	0,962	0,976	0,976	0,803	0,525	0,656	0,033	0,033	0,485	0,824
Глубокский	0,143	0,954	0,941	0,965	0,948	0,387	0,374	0,126	0,126	0,862	0,799
Городокский	0,988	0,959	0,956	0,966	0,889	0,771	0,877	0,166	0,166	0,313	0,601
Докшицкий	1	1	0,991	0,992	1	0,722	0,799	0,587	0,587	0,502	0,799
Дубровенский	0,942	0,931	0,988	0,994	0,978	0,370	0,273	0,168	0,168	1	0,938
Лепельский	0,987	0,995	0,983	0,967	0,850	0,755	0,855	0,727	0,727	0,326	0,830
Лиезненский	0,936	0,930	0,971	0,988	0,732	0,631	0,700	0,270	0,270	0,698	0,824
Миорский	0,945	0,956	0,993	0,989	0,976	0,374	0,570	0,608	0,608	0,590	0,780
Оршанский	0,796	0,914	0,809	0,991	0,556	0,315	0,388	0,010	0,010	0,877	1
Полоцкий	0,015	0,018	0,030	0,007	0,340	0,784	0,853	0,238	0,238	0,275	0,737
Поставский	0,974	0,968	1	0,711	0,475	0,483	0,623	0,243	0,243	0,568	0,793
Россонский	0,999	0,994	0,975	0,992	0,923	1	1	1	1	0,150	0,660
Сенненский	0,997	0,997	0,962	0,957	0,379	0,549	0,585	0,038	0,038	0,574	0,780
Толочинский	0,974	0,979	0,962	0,974	0,503	0,462	0,569	0,001	0,001	0,865	0,941
Ушачский	0,998	0,994	0,997	0,985	0,961	0,608	0,647	0,103	0,103	0,446	0,697
Чашникский	0,583	0,521	0,864	0,869	0,011	0,416	0,475	0,005	0,005	0,612	0,808
Шарковщинский	0,998	0,999	0,998	1	0,984	0,352	0,273	0,426	0,426	0,805	0,882
Шумилинский	0,997	0,992	0,969	0,967	0,956	0,597	0,604	0,430	0,430	0,515	0,756

³ Охрана окружающей среды в Республике Беларусь. Стат. сб. – Минск, 2020. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_17588/.

⁴ Результаты кадастровой оценки земель Витебской области по виду функционального использования. – Минск, 2018. URL: https://docviewer.yandex.by/view/0/?*=U2Taa9rcIXbb8IafFF528tPMYw17InVybCI6Imh0dHA6Ly9na2kuZ292;

Особо охраняемые природные территории Витебской области [Электронный ресурс]. URL: <https://opendata.by/node/565>.

⁵ Наличие, образование и движение отходов РБ. [Электронный ресурс]. URL: <https://minpriroda.gov.by>.

⁶ Реестр объектов хранения и захоронения отходов [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.by/view/0/>.

Первоначальную тенденцию происходящих процессов определяли с помощью расчета средних значений нормированных экологических показателей (рисунок 1). Наиболее стабильный индекс с похожими значениями по районам характерен для двух показателей, связанных с изъятием воды из природных объектов и сбросом сточных вод. Максимальный разброс значений по районам характерен для групп показателей доли особо охраняемых территорий, доли сельскохозяйственных угодий и лесистости районов. Остальные показатели имели относительно равные значения.

Рисунок 1. – Средние значения экологических показателей по Витебской области

Затем для каждого района определялась сумма баллов по блокам рассмотренных показателей и индекс экологической устойчивости сельского района (3):

$$I_{\text{экол}} = \sum RN_i, \quad (3)$$

где $I_{\text{экол}}$ – сводная индексная оценка сельского района;
 RN_i – значение i -го показателя.

Чем ближе были значения показателя района к максимальному по блоку «Степень использования природных ресурсов», тем выше был данный индекс. Значения индекса экологической устойчивости сельских территорий Витебской области колеблются от 0,88 (Россонский район) до 0,32 (Полоцкий район). Среднее значение экологического индекса по Витебской области составляет 0,68 (рисунок 2).

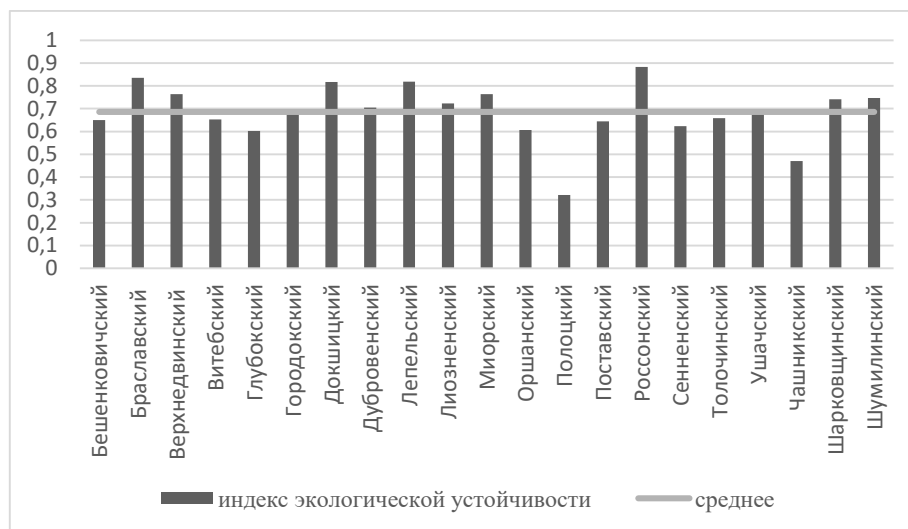

Рисунок 2. – Экологическая устойчивость административных районов Витебской области

По результатам оценки сельских территорий Витебской области по одиннадцати показателям, сгруппированным в два блока, наиболее воздействующих на экологическую устойчивость, нами были выделены три типа районов по степени экологической устойчивости (таблица 2). Данная классификация позволяет упорядочить имеющиеся данные и выделить районы со схожими проблемами и подходами к их решению.

Таблица 2. – Классификация сельских территорий Витебской области по уровню экологической устойчивости

Уровень устойчивости	Административные районы
Состояние устойчивого развития	Браславский, Верхнедвинский, Докшицкий, Лепельский, Миорский, Россонский, Шарковщинский, Шумилинский
Состояние приближенного устойчивого развития	Бешенковичский, Витебский, Городокский, Дубровенский, Лиозненский, Поставский, Толочинский, Ушачский
Состояние нестабильного развития	Глубокский, Оршанский, Полоцкий, Сенненский, Чашникский

Районов с неустойчивым экологическим развитием в Витебской области нет несмотря на то, что Полоцкий и Чашникский районы имеют низкие показатели («вниз» тянут деятельность Новополоцкого промышленного узла и Лукомльской ГРЭС). Самые высокие показатели экологической устойчивости у районов с большой долей ООПТ, малым количеством сельских жителей, низким промышленным объемом и большой площадью.

Заключение. Полученные данные экологической устойчивости сельских районов Витебской области могут быть сопоставимы с аналогичными показателями других регионов страны и позволят провести сравнительный анализ перспективы экологического сельского развития с другими регионами.

Рассмотренная методика, основанная на использовании количественных показателей, позволяет получить качественную оценку экологической устойчивости сельских территорий и тенденций их формирования. Работа органов управления должна быть направлена не только на увеличение объемов производства, но и рациональное использование природных ресурсов региона, обеспечивающих его устойчивое экологическое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаркавая, В.Г. Анализ и комплексная оценка устойчивого развития регионов / В.Г. Гаркавая // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / М-во образования Респ. Беларусь, Белорусский гос. экон. ун-т; [редкол.: В. Н. Шимов (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2017. – Вып. 10. – С. 121–127.
2. Зайцева, О.О. Методика комплексной оценки уровня устойчивости сельских территорий республики Мордовия / О.О. Зайцева // Проблемы и механизмы устойчивого социально-экономического развития. – 2012. – № 1. – С. 12–18.
3. Фролов, В.И. Методические подходы к разработке показателей устойчивого развития сельских территорий / В.И. Фролов, Е.О. Агафонова // Экономическое возрождение России. – 2011. – № 4(30). – С. 76–89.

REFERENCES

1. Garkavaya, V.G. (2017). Analiz i kompleksnaya ocenka ustojchivogo razvitiya regionov [Analysis and comprehensive assessment of sustainable development of regions]. In V. N. Shimov (Edc) Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Scientific works of the Belarusian State University of Economics]. Minsk: BSEU. (Vol. 10), 121–127. (In Russ., abstr. in Engl.). URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/65744>.
2. Zajceva, O.O. (2012). Metodika kompleksnoj ocenki urovnya ustojchivosti sel'skih territorij respubliki Mordoviya [Methodology of integrated assessment of sustainability of rural territories of the Republic of Mordovia]. *Problemy i mekhanizmy ustojchivogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya. [Problems and mechanisms of sustainable socio-economic development]*. (1), 12–18. (In Russ., abstr. in Engl.). URL : https://vuzlit.ru/820735/metodika_kompleksnoj_otsenki_urovnnya_ustoychivosti_selskih_territoriy_respubliki_mordoviya.
3. Frolov, V.I. & Agafonova, E.O. (2011). Metodicheskie podhody k razrabotke pokazatelej ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. (4), 76–89. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17088474>.

Поступила 12.10.2021

ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY OF RURAL AREAS VITEBSK REGION

A. SHAMATULSKAYA

The article presents a methodology for assessing the environmental sustainability of rural areas. The study was conducted in twenty-one administrative districts of the Vitebsk region. The indicators for the assessment were combined into two sets of indicators that characterize the ecological subsystem of rural areas: the anthropogenic impact on the environment and the degree of use of natural resources. As a result of the environmental sustainability assessment, rural areas were divided into three groups: sustainable development, approximate and unstable sustainable development. The practical significance of the study is to determine the trends and prospects of environmental development of rural areas of the Vitebsk region.

Keywords: rural areas, environmental sustainability, Vitebsk region.

УДК 339.97

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-85-90

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В БЕЛАРУСИ И ДРУГИХ СТРАНАХ ЕАЭС****канд. экон. наук, доц. А.Л. ЯНЧУК****(Белорусский государственный экономический университет, Минск)****ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4486-6709>**

Приводятся результаты исследования изменений в государственной политике Республики Беларусь, относящейся к сфере интеллектуальной собственности. Автором приводятся сведения о принятых нормативных правовых актах, совершенствующих отношения по поводу прав интеллектуальной собственности. Дан краткий обзор основных органов государственного управления в этой сфере. Основной акцент исследования сделан на результативность изменений, в частности изменение количества поданных заявок на регистрацию отдельных объектов интеллектуальной собственности. Был проведен сравнительный анализ общего количества таких заявок во всех государствах Евразийского экономического союза. На основании полученных результатов автором сделаны соответствующие выводы и даны рекомендации по совершенствованию политики в сфере интеллектуальной собственности как в Беларуси, так и в рамках всего ЕАЭС, в частности, по усилению взаимодействия между странами.

Исследование выполнено в рамках НИР «Механизмы и направления развития единого рынка услуг ЕАЭС в условиях реализации концепции «Интеграция +» в контексте обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь (деловые услуги)» по заданию 3.02 «Позиционирование Республики Беларусь в глобальной экономике в аспекте обеспечения международной конкурентоспособности и экономической безопасности с учетом современных вызовов и угроз: теория, методология и практика» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021 – 2025 годы, подпрограммы «Экономика».

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, права интеллектуальной собственности, государственная политика, интеграционное объединение, Республика Беларусь, Евразийский экономический союз, заявки на регистрацию, сравнительный анализ.

Введение. Устойчивый экономический рост в современных условиях зависит от реализации продукции высокотехнологичного производства, внедрения в оборот результатов исследований и разработок, предоставления услуг, основанных на знаниях, при снижающейся зависимости от экспорта природных ресурсов. Построение экономики знаний должно обеспечить в будущем высокий уровень доходов, поэтому укрепление сферы интеллектуальной собственности должно стать основополагающим направлением общественного развития страны.

Перед страной поставлена задача увеличить свой инновационный потенциал и стимулировать экономический рост. Для обеспечения высокого качества НИОКР и создания высокотехнологичного производства правительством ведется активная деятельность по привлечению в национальную экономику инвестиций инновационных компаний, которые смогут обеспечить финансирование инновационной деятельности, использование навыков и распространение технологических ноу-хау, отсутствующие на местном или региональном уровнях.

Интеллектуальная собственность (ИС) играет важную роль в достижении национальных и региональных целей социально-экономического развития. Защита прав интеллектуальной собственности (ПИС) имеет решающее значение для государства, потому что это позволяет ему продвинуться вверх по технологической лестнице, поощряет передачу технологий и стимулирует инновационную деятельность. Таким образом, обеспечение защиты ПИС – одно из важных направлений создания конкурентоспособной, инновационной и динамичной страны.

Основная часть. Национальное законодательство Республики Беларусь в области ИС в целом соответствует мировым стандартам: по состоянию на начало 2020 года страна ратифицировала 17 международных соглашений, администрируемых ВОИС, а также более двух десятков межгосударственных многосторонних и двусторонних договоров и соглашений в рамках СНГ и с другими странами. Для реализации государственной политики в сфере интеллектуальной собственности в Беларуси создана система управления ИС [1], которая включает субъекты трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной.

Основными органами законодательной власти являются Президент, при котором создан Национальный центр законодательства и правовых исследований, и Национальное Собрание Республики Беларусь.

Исполнительная вертикаль включает Совет Министров, Государственный комитет по науке и технологиям (ГКНТ) и Национальный центр интеллектуальной собственности (НЦИС). При Совмине образована Комиссия по вопросам государственной научно-технической политики, которая рассматривает в числе других проблемы формирования и проведения экономической, правовой и технической политики в области охраны интеллектуальной собственности. ГКНТ является республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику, осуществляющим регулирование и управление в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности и координирующим деятельность в этой сфере других республиканских органов государственного управления. ГКНТ непосредственно подчиняется Национальному центру интеллектуальной собственности (НЦИС), который обеспечивает охрану прав на объекты интеллектуальной собственности и осуществляет функции патентного органа. При Национальном центре интеллектуальной собственности функционируют два самостоятельных института: Институт патентных поверенных и Институт независимых оценщиков

объектов ИС, деятельность которых направлена на оказание помощи юридическим и физическим лицам по вопросам получения охранных документов на объекты промышленной собственности и оценки стоимости прав на объекты ИС. В систему государственного управления ИС входят также Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь, другие суды общей юрисдикции, а также специализированные организации и их структурные подразделения, деятельность которых связана с нарушением прав и рассмотрением споров в предметной области.

Законодательство в сфере интеллектуальной собственности в республике представляет собой многоуровневую систему, соответствующую современным международным стандартам. Вместе с тем, работа по ее совершенствованию продолжается.

В 2019 г. проводилась работа по подготовке 37 проектов нормативных правовых актов и международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, в том числе 3 проектов указов Президента Республики Беларусь, 5 проектов законов, 14 проектов международных договоров, 10 проектов постановлений Совета Министров Республики Беларусь, 5 проектов постановлений Государственного комитета по науке и технологиям. Из них приняты указ Президента Республики Беларусь, 2 закона, 3 международных договора, 6 постановлений Совета Министров Республики Беларусь, 5 постановлений ГКНТ¹.

В целях предоставления национальным заявителям возможности получить единый евразийский патент на промышленный образец, который будет действовать на территории всех государств-членов Евразийской патентной конвенции, подготовлен проект Закона Республики Беларусь «О присоединении Республики Беларусь к Протоколу об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции от 9 сентября 1994 года».

Направления развития интеллектуальной собственности страны были определены в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012 – 2020 гг.² Они предусматривали формирование институциональных основ функционирования национальной системы интеллектуальной собственности, отвечающей актуальным и перспективным потребностям экономики и общества. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012 – 2020 годы является продолжением работы по развитию национальной системы интеллектуальной собственности. Стратегия направлена на обеспечение реализации основных приоритетов социально-экономической политики и определяет дальнейшие цели и направления государственной политики и соответствующие им задачи в сфере интеллектуальной собственности [2].

Основными целями государственной политики в сфере интеллектуальной собственности являются:

- в краткосрочной перспективе – завершение формирования институциональных основ функционирования национальной системы интеллектуальной собственности, отвечающей актуальным и перспективным потребностям экономики и общества;
- в долгосрочной перспективе – комплексная интеграция национальной системы интеллектуальной собственности в социально-экономическую политику государства и повышение на этой основе конкурентоспособности экономики Республики Беларусь.

С учетом поставленных целей реализация государственной политики в сфере интеллектуальной собственности осуществляется по следующим основным направлениям:

- развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности;
- развитие инфраструктуры в сфере интеллектуальной собственности;
- развитие функциональных направлений в сфере интеллектуальной собственности (обеспечение охраны, оценка и другое);
- совершенствование работы в области управления интеллектуальной собственностью на ведомственном (отраслевом) уровне, в учреждениях науки и образования, организациях творческой и торгово-промышленной сфер;
- развитие национального брендинга на основе конкурентоспособных секторов экономики (направлений хозяйственной деятельности) и использования механизмов управления интеллектуальной собственностью;
- развитие комплекса финансовых, моральных и других инструментов стимулирования, направленных на расширение практики создания и использования объектов интеллектуальной собственности;
- развитие механизмов правомерного доступа общественности к мировым достижениям науки, литературы и искусства для обеспечения устойчивого социально-экономического развития;
- совершенствование механизмов защиты и расширение комплекса мер по противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности;
- повышение уровня значимости интеллектуальной собственности, деятельности творческих работников (новаторов), а также субъектов хозяйствования, использующих интеллектуальную собственность для создания новых рабочих мест и выпуска конкурентоспособной продукции.

Ожидаемым результатом от реализации стратегии станет повышение конкурентоспособности белорусских товаропроизводителей и экономики в целом, базирующееся на эффективном управлении интеллектуальной собственностью.

¹ Национальный центр интеллектуальной собственности. Годовой отчет за 2019 год. – Минск : НЦИС, 2020. – 51 с.

² Об утверждении стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012 – 2020 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 02.03.2012 г., № 205. – Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2012. – № 30, 5/35360.

В настоящее время в Беларуси ведется работа по проекту Стратегии в сфере интеллектуальной собственности на 2021–2030 годы.

Совершенствованию сферы интеллектуальной собственности в Республике Беларусь способствует деятельность в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Членами ЕАЭС являются пять стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия. В рамках развития евразийской интеграции в сфере интеллектуальной собственности вступил в силу Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сентября 2015 года и Регламент информационного взаимодействия к нему [3]. В соответствии с указанными документами налажена координация деятельности уполномоченных органов государств-членов и Комиссии по формированию единообразной правоприменительной практики в государствах-членах в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, а также выработке предложений по совершенствованию мер, направленных на борьбу с распространением контрафактной продукции на территории Союза.

Также вступило в силу Соглашение о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе от 11 декабря 2017 года, которое направлено на создание доверительной системы правоотношений между правообладателями и организациями по коллективному управлению авторскими и смежными правами.

Практически завершено формирование нормативной правовой базы для реализации механизма единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов. Подписан Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 3 февраля 2020 года.

В последнее десятилетие основные усилия государств-членов сосредоточены на повышении уровня коммерциализации и использования объектов интеллектуальной собственности, а также на стимулировании инновационного сотрудничества в целях создания условий для экономического роста и формирования экономики знаний.

В соответствии с Разделом XXIII Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на объекты интеллектуальной собственности в соответствии с нормами международного права, международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов³. Основными задачами такого сотрудничества являются:

- гармонизация законодательства государств-членов в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности;
 - защита интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности государств-членов.
- Наиболее приоритетные направления сотрудничества установлены в следующих сферах:
- поддержка научного и инновационного развития;
 - совершенствование механизмов коммерциализации и использования объектов интеллектуальной собственности;
 - предоставление благоприятных условий для обладателей авторского права и смежных прав государств-членов;
 - введение системы регистрации товарных знаков и знаков обслуживания Союза и наименований мест происхождения товаров Союза;
 - обеспечение защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе в сети Интернет;
 - обеспечение эффективной таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе посредством ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов;
 - осуществление скоординированных мер, направленных на предотвращение и пресечение оборота контрафактной продукции.

Для анализа результативности принимаемых мер в сфере интеллектуальной собственности проведем сравнительное исследование количества поданных заявлений в Беларуси и странах ЕАЭС на регистрацию прав интеллектуальной собственности, в частности на патенты, товарные знаки, промышленные образцы, полезные модели. Для исследования использована статистическая информация официального сайта Всемирной организации интеллектуальной собственности за 2009 – 2019 годы (последние доступные данные)⁴. Следует отметить, что по отдельным странам за некоторые периоды времени информация отсутствует, а также в ряде стран не было зарегистрировано ни одной заявки на тот или иной объект. Но недостающая информация не оказала существенного влияния на результаты исследования.

На рисунке 1 представлено общее количество поданных заявок (от резидентов и нерезидентов) на регистрацию патентов.

Российская федерация является лидером по количеству заявок. Однако с 2015 года имеется тренд на их снижение. В Казахстане тоже наблюдается понижательная тенденция. В Армении и Кыргызстане количество

³ Департамент развития предпринимательской деятельности ЕЭК. Аналитический обзор в сфере интеллектуальной собственности в государствах-членах Евразийского экономического союза. – М. : ЕЭК, 2019. – 231 с.

⁴ WIPO IP Statistics Data Center [Electronic resource]. – 2021. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/>.

заявок всегда было невелико, а их изменения не имеют какой-либо выраженной тенденции. В Беларуси общее количество заявок до 2013 года было на уровне с Казахстаном. Но с 2014 года их количество резко снижается.

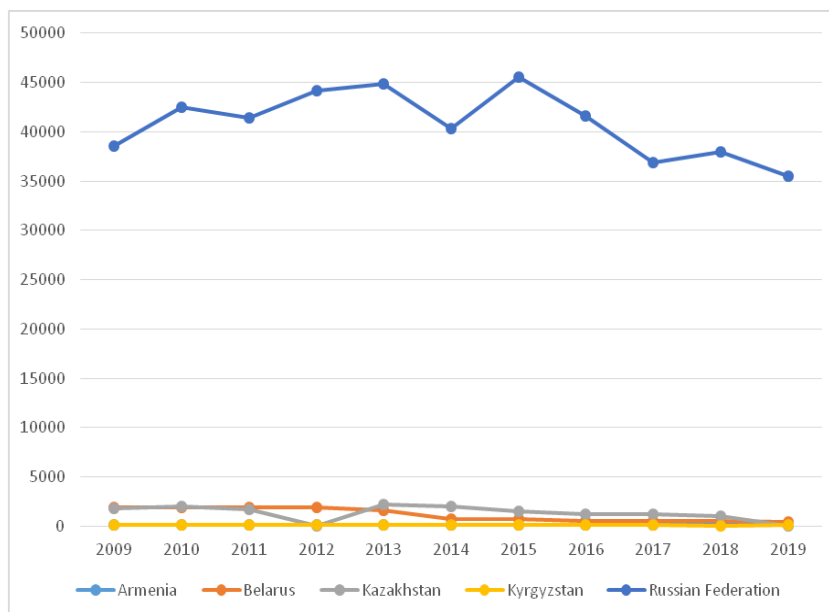

Рисунок 1. – Общее количество заявок на регистрацию патентов в странах-участницах ЕАЭС

Анализируя данные, представленные на рисунке 2, можно отметить, что тренды по количеству заявок на регистрацию товарных знаков отличаются от патентных заявок.

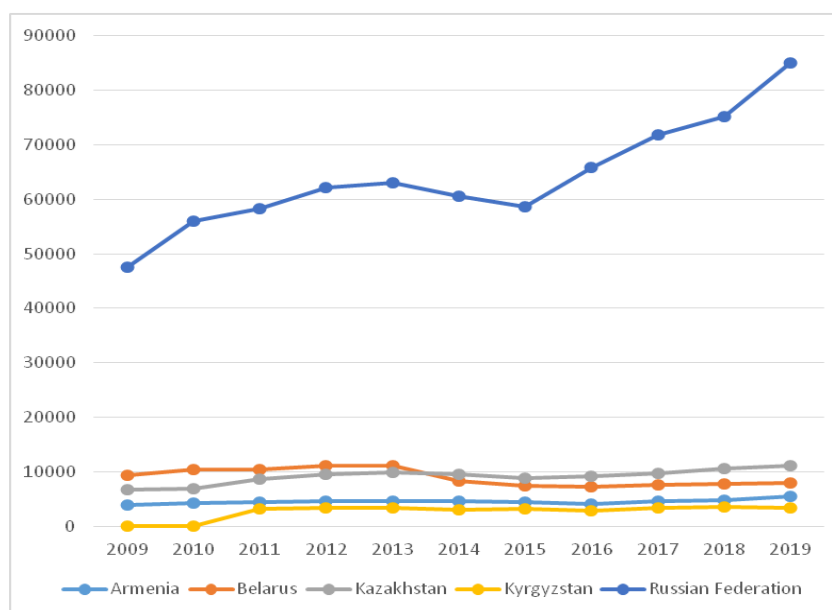

Рисунок 2. – Общее количество заявок на регистрацию торговых знаков в странах-участницах ЕАЭС

В России после непродолжительного снижения количества заявок наблюдается значительный рост с 2015 года. Повышательная тенденция отмечается и в других странах-членах ЕАЭС. В Беларуси в 2014 году произошло уменьшение заявок по сравнению с предыдущими годами. Но затем происходит ежегодный рост их количества, хотя уровень 2009 – 2013 годов еще не достигнут.

Тенденции развития поданных заявок на регистрацию промышленных образцов представлены на рисунке 3.

Количество заявок в Российской Федерации имеет четкий тренд к повышению. Незначительное снижение отмечалось в 2015 году, но это не изменило общей направленности. В Армении пиковое значение было достигнуто в 2015 году, после которого количество заявок ежегодно колебалось в сторону увеличения или снижения. Поэтому для этой страны пока нельзя выделить определенную тенденцию. То же самое можно отметить и для Казахстана,

только пик был достигнут в 2013 году. В Кыргызстане максимальные значения количества заявок отмечались в период 2013–2015 годов, после чего их количество снова снизилось. В Беларуси период большого количества заявок отмечался в 2011–2014 годах, после которых произошел спад. Но в 2019 году их количество снова выросло.

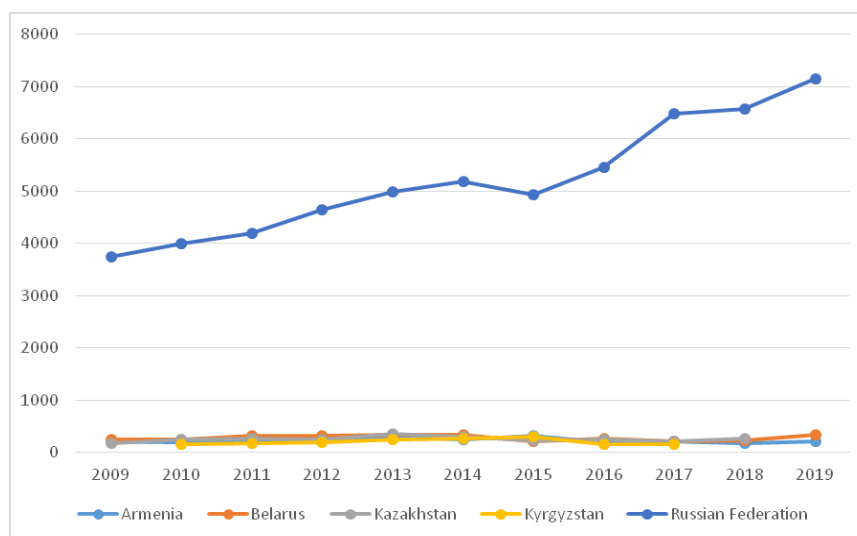

Рисунок 3. – Общее количество заявок на регистрацию промышленных образцов в странах-участницах ЕАЭС

Анализируя количество поданных заявок на регистрацию полезных моделей (рисунок 4), можно выделить следующие особенности.

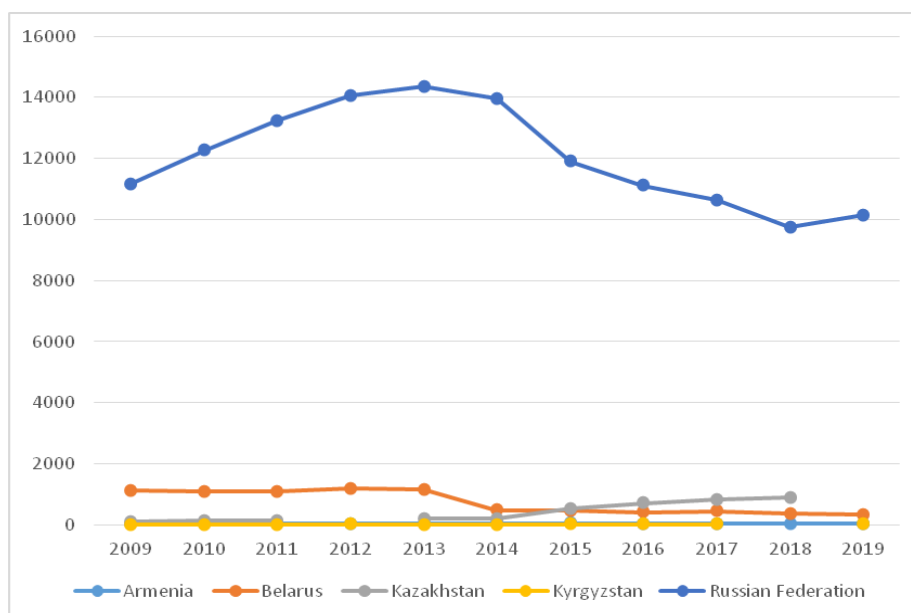

Рисунок 4. – Общее количество заявок на регистрацию полезных моделей в странах-участницах ЕАЭС

В России наблюдается снижение количества поданных заявок с 2014 года, хотя в 2019 году произошло некоторое увеличение по сравнению с предыдущим годом. В Армении и Кыргызстане количество заявок было незначительным. В Казахстане, наоборот, наблюдается резкий рост в последние годы, начиная с 2015 года. В Беларуси после 2013 года также наблюдается снижение, аналогичное с трендом по количеству заявок на регистрацию патентов.

Вывод. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие рекомендации.

– Произошедшие изменения в нормативной правовой базе Беларуси еще не оказали существенного позитивного влияния на общее количество подаваемых заявок на регистрацию интеллектуальной собственности. Однако стоит учитывать, что прошел не значительный период времени, в течение которого мог быть раскрыт весь инновационный потенциал. Кроме того, отмечаемые в стране тенденции в целом соответствуют региональному развитию в сфере интеллектуальной собственности.

- Дальнейшее совершенствование правовой базы и упрощение процедур будет способствовать повышению конкурентоспособности национальной продукции и стимулированию создания новых компаний, активно использующих объекты интеллектуальной собственности в своей деятельности.
- Постоянное сотрудничество и взаимодействие между государствами-членами в сфере ИС позволит достигнуть стратегические экономические и социальные цели развития.
- Принятие региональных правовых документов, в том числе планов действий на определенный период, в сфере ИС позволит странам проводить единую политику. Даже если не все мероприятия будут выполнены в срок, они в любом случае приведут к реформам национального законодательства, улучшат инфраструктуру ИС, будут способствовать улучшению правоприменительной практики.
- Создание консультационных органов в сфере ИС с представителями всех государств-членов предоставляет возможность активного взаимодействия со всеми заинтересованными, повышает информированность правительств и всего общества.
- Реализация на постоянной основе стратегического сотрудничества с институциональными партнерами, организациями частного сектора и бизнесом по вопросам интеллектуальной собственности приведет к улучшению возможностей коммерциализации, увеличит инновационный потенциал отдельных стран и всего региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нечепуренко, Ю.В, Система управления интеллектуальной собственностью в Республике Беларусь / Ю.В. Нечепуренко, П.А. Витязь // Наука и инновации. – 2020. – № 4. – С. 4–13.
2. Кудашов, В.И., Стратегия интеллектуальной собственности Республики Беларусь / В.И. Кудашов, В.Б. Леонтьева // Правовая информация. – 2015. – № 1. – С. 4–19.
3. Интеллектуальная собственность в рамках евразийской интеграции / Под ред. С.Б. Алиева. – М. : ЕЭК, 2015. – 71 с.

REFERENCES

1. Nechepurenko, Yu.V. & Vityaz', P.A. (2020). Sistema upravleniya intellektual'noi sobstvennost'yu v Respublike Belarus' [Intellectual property governance system in the Republic of Belarus]. *Nauka i innovatsii [Science and innovations]*, (4), 4–13. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Kudashov, V.I. & Leont'eva, V.B. (2015). Strategiya intellektual'noj sobstvennosti Respubliki Belarus' [Strategy of intellectual property of the Republic of Belarus]. *Pravovaya informacija [Legal information]*, (1), 4–19. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. *Intellektual'naja sobstvennost' v ramkah evrazijskoj integracii [Intellectual Property within the Framework of Eurasian Integration]* (2015). S.B. Aliev (Eds.). Moscow: Eurasian Economic Commission. (in Russ. and Engl.).

Поступила 20.07.2021

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTELLECTUAL PROPERTY DEVELOPMENT IN BELARUS AND OTHER EAEU COUNTRIES

A. YANCHUK

The article presents the results of a study of changes in the state policy of the Republic of Belarus related to the field of intellectual property. The author provides information on the adopted regulatory legal acts that improve relations regarding intellectual property rights. A brief overview of the main government bodies in this area is given. The main focus of the study is on the effectiveness of the changes, in particular, the change in the number of applications filed for registration of individual objects of intellectual property. A comparative analysis was carried out of the total number of such applications in all states of the Eurasian Economic Union. Based on the results obtained, the author made the appropriate conclusions and proposed the recommendations to improve the policy in the field of intellectual property both in Belarus and within the entire EAEU, in particular, to strengthen interaction between countries.

The study was carried out within the framework of the research work "Mechanisms and directions of development of the single market for services of the EAEU in the context of the implementation of the concept of "Integration + "in the context of ensuring the economic security of the Republic of Belarus (business services)" on assignment 3.02 "Positioning the Republic of Belarus in the global economy in terms of ensuring international competitiveness and economic security, taking into account modern challenges and threats: theory, methodology and practice" of the State program of scientific research "Society and humanitarian security of the Belarusian state" for 2021–2025, subprogram "Economy".

Keywords: intellectual property, intellectual property rights, state policy, integration association, Republic of Belarus, Eurasian Economic Union, applications for registration, comparative analysis.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.8

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-91-97

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОПРЯЖЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ
ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ: СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И СЛЕДОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ

канд. юрид. наук, доц. П.Л. БОРОВИК

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

Представлены результаты криминалистического анализа типичных способов совершения преступлений, сопряженных с использованием средств электронных платежей. Показано, что в основе этой преступной деятельности лежат методы социальной инженерии, основанные на применении достижений современных информационно-коммуникационных технологий, а также на действиях и подходах, посредством которых правонарушители получают неправомерный доступ к персональным данным потерпевшего. С учетом изучения этапов механизма рассматриваемых уголовно-наказуемых деяний сформулированы источники следовой информации, отражающие процессы взаимодействия участников криминального события между собой и с окружающей средой.

Ключевые слова: мошенничество, средства электронного платежа, противодействие преступности, обман, способ преступления, следовая информация.

Введение. Современное состояние товарно-денежных отношений характеризуется существенным увеличением доли безналичного денежного оборота в общем объеме финансовых транзакций. Это связано с активным использованием средств электронных платежей¹ (далее – СЭП), к которым относится широкий перечень инструментов оплаты товаров и услуг, а также денежных переводов: платежные карты, мобильные устройства и персональные компьютеры с доступом к банковским счетам и аккаунтам, электронные платежные системы, системы дистанционного банковского обслуживания «Клиент-банк» (далее – ДБО).

По мере роста количества и сумм безналичных операций возросло и количество противоправных деяний в отношении владельцев денежных средств. Так, за 12 месяцев 2020 г. в сравнении с аналогичным периодом прошлого года в Республике Беларусь отмечен значительный рост количества преступлений, связанных с получением неправомерного доступа к чужим денежным средствам. Особую общественную опасность представляют мошеннические действия, отличающиеся от других имущественных преступлений (например, кражи) тем, что потерпевший добровольно либо неосознанно отдает свое имущество преступнику вследствие обмана или злоупотребления доверием, которые вводят жертву в заблуждение. Используя методы социальной инженерии, основанные на достижениях современных информационных технологий, мошенники выманивают у пользователей необходимые для осуществления незаконных платежей или переводов реквизиты (например, пароли защищенного протокола авторизации «3-D Secure»), либо осуществляют несанкционированный доступ к пользовательской информации, позволяющие выполнить авторизацию и последующее хищение денежных средств со счетов пользователей.

Результаты исследования научной литературы, посвященной вопросам совершенствования деятельности органов уголовного преследования, а также изучения соответствующих уголовных дел по данному направлению позволили выявить ряд нерешенных проблем, в основе которых лежит несоответствие устоявшихся теоретико-прикладных подходов к криминалистическому обеспечению противодействия данным криминальным деяниям современным потребностям правоприменительной практики.

Отдельные вопросы рассматриваемой проблематики затрагивались в работах Р.Н. Боровского, Г.Н. Дорониной, Л.М. Прозументова, А.В. Шеслера, А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцева, Л.В. Лямина, В.Е. Эминова, С.Л. Алексеева, Я.И. Гилинского, Б.Э. Шавалеева (2013 – 2020 гг.) и др. Представляя собой «срез» текущего положения дел в части, касающейся отдельных криминалистических аспектов противодействия преступности данного вида, исследования указанных авторов не претендуют на окончательность и однозначность содержащихся в них теоретических положений, выводов и практических рекомендаций. Несмотря на их высокую научную и прикладную значимость, современные подходы к противодействию указанным преступлениям остались за рамками проведенных научных дискуссий.

Разнообразие современных способов мошенничества с использованием СЭП диктует необходимость их комплексного изучения с целью выработки научно-обоснованных рекомендаций по противодействию им. При этом, в контексте растущей общественной опасности данных уголовно-наказуемых деяний особую важность приобретает необходимость научного осмысления типичных способов совершения таких преступлений, а также соответствующей

¹ Здесь и далее под электронным средством платежа понимается средство и/или способ, которые позволяют клиенту оператора по переводу денежных средств составлять/удостоверять/передавать распоряжения для перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации (в том числе платежных карт), а также других технических устройств.

щей следовой информации. Представляется, что их знание позволит практическому сотруднику более качественно оценить информацию об обстоятельствах деяния в конкретных следственных ситуациях и принять верное тактическое и уголовно-процессуальное решение в условиях недостаточной информационной определенности.

Все это обосновывает актуальность обозначенной темы и предопределяют задачи исследования.

Основная часть. Одним из ключевых источников информации о преступном поведении лица, совершившего общественно опасное деяние, является способ преступления – совокупность используемых при его совершении приёмов и методов, последовательность совершаемых преступных действий, применения средств воздействия на предмет посягательства. Способ указывает, какие именно действия произведены, выражает субъективные компоненты личности преступника, форму его вины, мотив и цели, характер применяемых орудий и средств [1, с. 10]. Таким образом, криминалистическая сущность способов преступления и практическая значимость их изучения заключается в выявлении закономерностей будущих доказательств, необходимых для качественного расследования противоправных деяний.

Среди наиболее распространенных способов совершения преступлений указанного вида особой популярностью у правонарушителей пользуется *фишинг* (69,41% от общего числа изученных уголовных дел). Термин образован от английского словосочетания «password fishing» («выуживание паролей») и в классической интерпретации означает введение пользователя в заблуждение при помощи поддельного сайта, визуальнo имитирующего сайт банка или иной интернет-системы, предполагающей идентификацию пользователя². Главная задача мошенника – заманить пользователя на этот сайт и убедить его сообщить идентификационные либо иные персональные данные. Для этого злоумышленники используют следующие приемы и методы:

1) *рассылка спама* (недобросовестная реклама товаров, которые можно приобрести в интернет-магазине, причем в рекламе обязательно приводится ссылка на сайт магазина-однодневки либо поддельный сайт, визуальнo неотличимый от настоящего). Осуществляется с помощью СМС-сообщений, электронной почты, рекламных баннеров на веб-сайтах, новостных лент, популярных интернет-мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook), коммуникативно-развлекательных мобильных приложений (Snapchat, TikTok) и социальных сетей (Instagram, «ВКонтакте», Twitter, Tinder и др.).

Особую значимость рассматриваемый метод приобрел с распространением онлайн-сервиса «Bit.ly» (<https://bitly.com>), предназначенного для создания сокращенных URL. Данный сервис сокращает ссылку, превращая её фактически в семь символов, следующих за приставкой-названием самого сервиса, например: *bit.ly/2ByeRZX*. Суть такого сокращения – сделать ссылку более компактной для рассылки, а следовательно – более кликабельной.

2) *использование вредоносных программ класса «Троян»* (например, Trojan.Win32.DNSChanger), проникающих в компьютер пользователя под видом легитимного программного обеспечения (в данную категорию обычно входят программы, выполняющие различные неподтвержденные пользователем действия: сбор информации о банковских картах и передача этой информации злоумышленнику, использование ресурсов компьютера в целях майнинга, нелегальной торговли и др.).

Упрощенной формой реализации данного метода является несанкционированная модификация файла Hosts (текстовый файл, содержащий базу данных доменных имен и используемый при их трансляции в сетевые адреса узлов; запрос к этому файлу имеет приоритет перед обращением к DNS-серверам). Более сложные методы основаны на применении вредоносных программ класса «Руткит» (от англ. rootkit, то есть «набор root-а»), обеспечивающих маскировку объектов (процессов, файлов, каталогов, драйверов), управление событиями, происходящими в системе и сбор данных – параметров системы.

Специфика указанных методов заключается в том, что вредоносный код может использовать авторизацию пользователя в системе для получения к ней расширенного доступа или получения его авторизационных данных. Кроме того, вредоносный код может быть внедрен в страницу как через уязвимость на веб-сервере, так и на компьютере пользователя³.

Разновидностью фишинга является преднамеренное введение пользователя в заблуждение посредством использования *программного обеспечения класса Hoax*⁴ (в переводе с англ. означает «обман») с целью получения финансовой выгоды (2,08% от общего количества преступлений типа «фишинг»). Такие программы значительно преувеличивают эффект имеющихся проблем либо вовсе выдают на экран информацию о несуществующих ошибках в работе компьютера, вынуждая пользователя заплатить деньги за подобный функционал, чтобы избавить компьютер от якобы обнаруженных ими угроз. При этом, подобные программы чаще всего именно вынуждают, а не предлагают себя приобрести, объявляя пользователю, что без оплаты проблему не решить.

Следующим, не менее актуальным способом совершения преступления, сопряженного с использованием СЭП, является *фарминг* (от англ. pharming – скрытное перенаправление на ложный IP-адрес) (18,24% от общего ко-

² Зайцев, О. Мошенничество в Интернете и защита от него [Электронный ресурс] / О. Зайцев // КомпьютерПресс. URL: <https://compress.ru/article.aspx?id=18184>.

³ Дудников, Е.А. Анализ существующих целей сетевых атак и способов атак на web-сервисы [Электронный ресурс] / Е.А. Дудников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-suschestvuyuschih-tseley-setevyih-atak-i-sposobov-atak-na-web-servisy>.

⁴ Антивирусное программное обеспечение «Лаборатории Касперского» к подобным программам относит следующие: HEUR:Hoax.Win32.Uniblue.gen, Hoax.Win32.PCFixer.gen, Hoax.Win32.DeceptPCClean.*, Hoax.Win32.PCRepair.*, HEUR:Hoax.Win32.PCRepair.gen, HEUR:Hoax.MSIL.Optimizer.gen, Hoax.Win32.SpeedUp-MyPC.gen и др.

личества). Его особенностью является подмена оригинального сетевого ресурса на мошеннический и скрытое перенаправление пользователя на поддельный сайт с целью завладения личными данными пользователя. Осуществляется посредством использования вредоносных программ класса XSS (от англ. Cross-Site Scripting – «межсайтовый скриптинг»), осуществляющих внедрение в выдаваемую веб-системой страницу вредоносного кода, либо подмены кэша DNS на конечном устройстве пользователя или на сетевом оборудовании провайдера услуг связи. Возможна также модификация системных настроек (например, перенастройка браузера на работу через троянский прокси-сервер или подмена DNS-сервера провайдера в настройках TCP/IP на троянский DNS-сервер).

Еще одним современным видом мошенничества, направленного на несанкционированное получение доступа к СЭП, является *взлом сети, составляющей «интернет вещей»* пользователя (1,04% от общего количества). Используя специальное программное обеспечение (например, поисковые системы Shodan и Censys), злоумышленники осуществляют поиск незащищенных роутеров, IP-камер, элементов системы «умный дом», носимых смарт-гаджетов и других устройств, использующих установленные по умолчанию логины и пароли либо имеющих иные уязвимости. Затем, подключаясь к этим устройствам, правонарушители приобретают доступ к персональной информации владельца (сведения об аккаунте, цифровом окружении, домашней Wi-Fi-сети и пр.), позволяющей выполнить скрытое перенаправление пользователя на мошеннический сайт. Принимая сообщения от доверенных устройств в своей домашней сети, пользователь обычно не сомневается в их достоверности и переходит по вредоносным ссылкам либо выполняет иные действия, посредством которых мошенники получают неправомерный доступ к СЭП потерпевшего.

В контексте растущей общественной опасности преступлений рассматриваемой категории особое значение приобретает *мошенничество в системах ДБО* (11,31% от общего количества).

Различные методы мошенничества указанного вида нередко могут быть классифицированы как одна из форм фишинга. Вместе с тем, с точки зрения практической реализации мошенничество в системах ДБО основано на получении несанкционированного доступа к пользовательской информации, необходимой для авторизации и последующего хищения денежных средств со счетов пользователей. Злонамеренные действия правонарушителей обычно основываются на различных способах использования вредоносных программ. К наиболее распространенным из них относятся:

1) *«заражение» вредоносным программным обеспечением компьютера с системой ДБО пользователя посредством целевой рассылки электронных писем*. В их тексте обычно приводятся и обосновываются причины для открытия файла с вирусом, прилагаемого к письму (например, с просьбой проверки документов финансового характера, статистической отчетности и пр.). После открытия вложенного файла компьютерный вирус внедряется в систему пользователя и сообщает на удаленный сервер злоумышленника свой статус об успешной установке. Данный метод актуален для проведения целевых атак, когда у мошенника имеются адреса электронной почты лиц, работающих с системой ДБО;

2) *эксплуатация уязвимостей на тематических сайтах* (например, «Клерк.ру», «Audit – it.ru», «Бухгалтерия онлайн», «В помощь бухгалтеру» и др.). Данный метод является одним из наиболее эффективных, поскольку дает возможность выполнять массовое распространение вредоносного программного обеспечения с учетом конкретной целевой аудитории. Схема атаки обычно состоит из следующих действий:

- осуществляется компрометация соответствующего тематического сайта;
- в сайт встраивается вредоносный программный код, который вместе с содержимым сайта загружает вредоносные компоненты;
- при посещении пользователями такого сайта правонарушителем осуществляется анализ их программно-аппаратного окружения (операционная система, установленные компоненты, браузер и его плагины и др.). В случае обнаружения осуществляется загрузка и запуск заданной вредоносной программы;
- после запуска вредоносной программы на удаленный сервер злоумышленника сообщается статус об успешной установке;
- злоумышленник проверяет на сервере появление новых событий от распространяемых им программ.

Последующие действия мошенников обычно направлены на закрепление в системе, дальнейшее хищение ключевой информации, а также получение удаленного управления компьютером⁵.

С развитием информационно-коммуникационных технологий одной из распространенных разновидностей рассмотренного способа мошенничества стало *создание поддельных платежных систем и форм экспресс-оплаты*. Осуществляя взлом систем защиты популярных онлайн-сервисов (интернет-магазины, электронные сервисы объявлений, торговые площадки, банки и пр.), мошенники создают ложные формы оплаты, посредством которых получают доступ к денежным средствам пользователей, оплачивающих различные услуги.

Для маскировки всех вышеприведенных мошеннических действий, а также сокрытия соответствующих следов злоумышленники обычно используют приемы и методы, основанные на применении браузера сети Tor, виртуальных частных сетей и прокси-серверов, позволяющих скрывать реальный IP-адрес, а также сетевых атак класса DoS (от англ. Denial of Service – отказ в обслуживании), с помощью которых блокируется доступ легитимных пользователей к системным ресурсам.

⁵ Мошенничество в платежной сфере: Бизнес-энциклопедия / Л. Лямин [и др.]. – М. : ЦИПСИР, 2016. – С. 6.

Таким образом, структурное строение способов мошенничества с использованием СЭП характеризуется тем, что они, как правило, относятся к разновидности полноструктурных, включающих в себя подготовку, совершение и маскировку (сокрытие) преступлений.

Важным структурным элементом механизма преступления являются сведения об особенностях следовой информации и объектах-носителях, ее отражающих. Знание таких особенностей позволяет органу уголовного преследования, с одной стороны, установить в первоначальных следственных ситуациях характерный способ совершения расследуемого уголовно-наказуемого деяния (даже по отдельным признакам), а с другой – при обнаружении следов определенного вида выдвинуть типовую версию о расследуемом событии. Следовая информация по делам о преступлениях, совершаемых с использованием информационных технологий, характеризуется наличием идеальных, материальных и виртуальных (образующихся в электронной среде) следов преступления. Источником идеальных следов являются свидетели, обвиняемые (подозреваемые) по делам рассматриваемой категории, а также лица, пострадавшие от смежных либо сопутствующих деяний.

Материальные следы преступления являются традиционным объектом криминалистического исследования и включают в себя следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества: различные договоры, записи, распечатки; следы пальцев рук на клавиатуре аппаратных компонентов компьютера; следы красителей, тонеров, чернил; микрочастицы (например, волокна одежды на мебели, волосы, перхоть, попавшие на клавиатуру); следы обуви; следы орудий взлома и инструментов в помещениях, где происходил непосредственный физический контакт с компьютерной техникой.

В ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, наибольшей спецификой, а, следовательно, и значимостью, обладают виртуальные следы. Под ними обычно понимают любую криминалистически значимую компьютерную информацию, т.е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов [2, с. 94]. Их специфика обусловлена в первую очередь особенностями способов подготовки, совершения и сокрытия таких преступлений, в основе которых лежат технологии создания или преобразования компьютерной информации в форме уничтожения, копирования, блокирования или модификации (в т.ч. с использованием территориально-распределенной передачи информации в сетях электросвязи), а также соответствующие им изменения физических характеристик ее носителя, имеющие причинно-следственные связи с событием правонарушения.

Указанное обстоятельство закономерно обуславливает специфические особенности орудий и средств совершения рассматриваемых преступлений, в качестве которых обычно выступают программное обеспечение, компьютерная техника (в т.ч. электронные носители информации), а также сети электросвязи (локальные сети, глобальная сеть «Интернет», проводные и беспроводные каналы связи). Так, компьютерная информация в механизме уголовно-наказуемых деяний, сопряженных с использованием СЭП, выступает не только как предмет преступного посягательства (при ее неправомерном уничтожении, копировании, блокировании или модификации), но и является средством совершения преступления.

Существенное значение для установления виртуальных следов, свидетельствующих об обстоятельствах совершенного преступления, имеет *механизм слеδοобразования* в различных программно-аппаратных средах. Так, при установлении следовой картины противоправного деяния может представлять интерес информация, содержащаяся в реестре операционной системы, системных журналах и лог-файлах (протоколах автоматической регистрации событий в хронологическом порядке, происходящих в ходе работы операционной системы и иного программного обеспечения), регистрационных сведениях о сетевых ресурсах, доменах и их владельцах. Указанные объекты могут нести определенную криминалистически значимую информацию, представляющую оперативный интерес и свидетельствующую об использовании программных и сетевых ресурсов в преступных целях. Данная информация может быть выявлена и зафиксирована следующими способами: в ходе мониторинга сетевых ресурсов, на которых пользователями неоднократно размещалась данная информация; в ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий; в заявлении потерпевшего о преступлении; в рамках расследования другого уголовного дела; при получении информации от граждан [3, л. 21].

Определяющим для формулирования системы следов по делам о преступлениях, сопряженных с использованием СЭП, представляется закономерная связь этапов механизма преступления: *рассылка информации (спам, поддельные e-mail, вредоносное программное обеспечение) – взаимодействие с пользователем СЭП (прием «заказов», переписка, скрытая переадресация на поддельный интернет-ресурс) – вывод денежных средств (перевод и обналичивание)*. Указанные этапы являются взаимосвязанными звеньями единой цепи, разрыв которой подчинен общему преступному замыслу. При этом каждый из них может рассматриваться как самостоятельный и целостный источник виртуальных следов, отражающей определенные процессы взаимодействия участников криминального события между собой и с окружающей средой.

Так, при *рассылке спама либо поддельных e-mail* на компьютере у потерпевшего можно обнаружить следующие виртуальные следы:

- фотоизображения товаров, «приобретенных» либо предлагаемых для «приобретения» в ходе мошеннической сделки, а также их метаданные – структурированные данные (признаки), уникальным образом описывающие компьютерную информацию: имя, размер (объем), формат (вид информации), время и дата (создания, модификации, использования, уничтожения), атрибуты (скрытый, системный, архивный, только для чтения),

месторасположение источника, параметры безопасности (права доступа, владелец, свойства аудита и пр.), наличие предыдущих версий и т.д.;

- номера мобильных телефонов и иные контактные данные (e-mail, логины Skype, учетные данные мессенджеров и пр.), указанных в объявлении;
- техническая информация о компьютере отправителя, содержащаяся в служебных заголовках e-mail (название и номер версии почтового клиента, тип операционной системы, наименование и номер версии почтового сервера, внутренние IP-адреса, тип используемого брандмауэра, результаты проверки антивирусом);
- содержание переписки с использованием СМС, e-mail, различных мессенджеров (Skype, Viber, Telegram, WhatsApp и др.);
- номера счетов, электронных кошельков и банковских карт, на которые и с которых потерпевшим были переведены денежные средства.

Виртуальные следы, свидетельствующие о рассылке спама либо поддельных e-mail, следует искать и на компьютере у злоумышленника. Если правонарушитель самостоятельно осуществлял вредоносную рассылку, то у него может быть найдено специализированное программное обеспечение (как платное, так и бесплатное), предназначенное для рассылки спама по электронной почте, массового постинга в веб-форумы и доски объявлений. Если обращался к услугам профессионалов («спамеров»), то при поиске указывающих на это следов необходимо обратить внимание на его контакты с таковыми: просмотр объявлений о предлагаемых услугах спамеров, содержание возможной переписки с ними, следы подготовки размещаемого текста, перевода денежных средств и пр.

На использование вредоносных программ в компьютере потерпевшего могут указывать: информация, находящаяся в оперативной памяти или файле подкачки либо гибернации; лог-файлы, содержащие протоколы результатов работы антивирусных и тестовых программ; модифицированные файлы, входящие в состав системного и прикладного программного обеспечения, контрольная сумма (CRC) которых отличается от заявленной производителем (например, изменение основной загрузочной записи MBR, файловой таблицы MFT, подмена исполняемых файлов операционной системы и т.д.); записи в системном реестре или каталогах профилей пользователей; файлы конфигурации безопасности и настроек сетевого окружения (IP-адрес, маска подсети, шлюзы, DNS, монтируемые сетевые диски, таблица маршрутизации и т.п.); журнал событий операционной системы (протоколы загрузки, безопасности, аудита, ошибок и т. п.).

При изготовлении вредоносных программ на компьютере злоумышленника могут быть обнаружены следующие виртуальные следы:

- исходные коды вредоносных программ, в том числе программ двойного назначения;
- файлы программного обеспечения, не имеющие электронной цифровой подписи, либо не имеющие информации о разработчиках, либо входящие в состав «потенциально опасных программ» (программы-кейлоггеры, программы тестирования уязвимостей, средства для дизассемблирования и отладки программного кода, драйверы виртуальных устройств, эмуляторы и т.п.);
- программное обеспечение для управления вредоносными программами (большинство из них работает по схеме «клиент-сервер», предусматривающей скрытую установку одной из частей (клиентское приложение) на компьютер жертвы; другая же часть (сервер) устанавливается на компьютер злоумышленника для дистанционного контроля и управления «зараженным» устройством).
- иные файлы, образующиеся в ходе криминальной деятельности правонарушителя, в том числе их резервные копии и удаленные файлы, подлежащие восстановлению.

О целевом применении (распространении) вредоносного программного обеспечения могут свидетельствовать различные информационные объекты, выявленные на компьютере правонарушителя и содержащие деструктивный код, например: файлы исполняемых программ; командные файлы, скрипты (CMD, BAT, INF, SH и пр.), файлы офисных документов; файлы интерпретируемых программ; загрузочные секторы жестких дисков и электронных носителей; сообщения электронной почты; пиринговые (файлообменные) сети; системные драйверы.

При создании в сети «Интернет» поддельного интернет-ресурса, выдающего себя за популярный онлайн-сервис, можно рассчитывать на обнаружение следующих виртуальных следов на компьютере злоумышленника:

- регистрационные данные на доменное имя;
- лог-файлы, в которых отражены сведения о взаимодействии с регистратором доменных имен (запросы на оказание услуг хостинга, перечисление денежных средств, авторизация на веб-сервере, работа с конструктором сайта, залив контента и пр.);
- лог-файлы, в которых отражена информация об истории настроек DNS-сервера, поддерживающего домен мошенников;
- сведения о SEO-раскрутке мошеннического сайта (переписка с рекламными студиями, площадками обмена баннерами и ссылками, рассылка спама и пр.);
- лог-файлы с записями о фактах отслеживания активности посетителей мошеннического сайта.

При взаимодействии злоумышленника с пользователем СЭП – потенциальной жертвой криминального деяния могут быть обнаружены следы от переписки (e-mail, мессенджеры, СМС, веб-формы), раскрывающей детали различных аспектов мошеннических действий (прием «заказов», уточняющие вопросы, «техническая» поддержка и пр.). О скрытой переадресации на поддельный интернет-ресурс могут свидетельствовать история посещенных веб-ресурсов в браузере на компьютере потерпевшего и сравнение ее с историей ввода поисковых запросов. Если переадресация осуществлялась в ходе перехода по ссылкам, то эффективным способом ее обна-

ружения является исследование файлов *.htaccess* и *<head>* документов. Получить информацию о «незаконных» скрытых переадресациях, возникших в результате несанкционированного доступа к компьютеру пользователей СЭП, помогут предупреждения из Google Search Console (веб-сервис, позволяющий проверять статус индексации и оптимизировать видимость сайтов), а также аналитика поведения пользователей в Google Analytics и «Яндекс.Метрике» (сервисы для создания детальной статистики посетителей веб-сайтов). Возможно также использование специального программного обеспечения, позволяющего выявлять правила скрытой переадресации (например, Netpeak Spider (<https://netpeaksoftware.com/ru/spider>), Rookee (<https://www.rookee.ru>) и др.).

При получении и выводе (обналичивании) денежных средств правонарушители обычно оставляют следующие виртуальные следы:

- лог-файлы со сведениями о вводе и выводе денег из СЭП (банковские реквизиты, дата и время транзакции, наименование валюты и сумма денежных средств);
- лог-файлы в системах дистанционного управления счетами в СЭП (дата и время входа и выхода, идентификаторы транзакций);
- сведения о взаимодействии с посредниками по безопасному выводу, обналичиванию денежных средств (переписка по e-mail, СМС, мессенджеры).

Для обнаружения виртуальных следов подготовки и проведения сетевых атак класса DoS на компьютере потерпевшего рекомендуется исследовать лог-файлы программных средств защиты – антивирусных программ, межсетевых экранов, детекторов атак и аномалий трафика, систем обнаружения неавторизованного доступа в компьютерную систему или сеть либо несанкционированного управления ими.

На компьютере правонарушителя могут быть обнаружены следующие виртуальные следы, указывающие на факт подготовки и проведения сетевых атак данного класса:

- наличие установленных программ, предназначенных для осуществления вредоносных атак, например: «Hoic» (высокоскоростной многопоточный генератор пакетов типа http-flood), «Hping» (генератор пакетов и анализатор протокола TCP/IP), «Pyloris» (программное средство для тестирования серверов, может быть использован для реализации DoS-атак); «Thcssl» (программа для «бесконечной» перезагрузки, а следовательно – и деактивации удаленного сервера); «Torshammer» (программный инструмент, позволяющий выполнять анонимные атаки через сети Тог и др.), а также лог-файлы, образующиеся в ходе их работы;
- лог-файлы со сведениями, указывающими на контрольные обращения правонарушителя к атакуемому веб-ресурсу в ходе проведения атаки, чтобы удостовериться в ее действенности.

В случае осуществления атак с использованием бот-сетей (от англ. botnet – компьютерная сеть, в которой каждое устройство с доступом в интернет заражено вредоносной программой и управляется бот-мастером), на компьютере у правонарушителя могут быть найдены следы соответствующего программного обеспечения.

Существенное значение для раскрытия и расследования инцидента могут иметь лог-файлы, содержащие статистические сведения операторов связи о сетевом трафике, через сети которых осуществлялась вредоносная атака.

Обобщение особенностей представленных характерных объектов-носителей виртуальных следов преступной деятельности в сфере использования СЭП поможет создать необходимую основу для разработки, внедрения и эффективного применения средств и методов собирания, и исследования следовой информации.

Следует добавить, что представленные в настоящей работе типичные способы совершения преступлений, сопряженных с использованием СЭП, и соответствующая им система виртуальных следов не исключают и не ограничивают дополнительное исследование механизма совершения рассматриваемых криминальных деяний, и могут быть детализированы и дополнены.

Заключение. Суммируя вышеизложенное, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Активное внедрение различных систем расчетов с использованием СЭП привело к появлению разнообразных специфических форм мошенничества. В их основе лежат методы социальной инженерии, основанные на применении достижений современных информационно-коммуникационных технологий, а также на действиях и подходах, посредством которых мошенники получают неправомерный доступ к СЭП потерпевшего.

2. Типичными способами совершения преступлений, сопряженных с использованием СЭП, являются:

- *фишинг* – введение пользователя СЭП в заблуждение при помощи поддельного сайта, предполагающего авторизацию пользователя и последующий несанкционированный доступ правонарушителя к его персональным данным, реализуемое с помощью рассылки спама и (или) внедрения вредоносных программ;
- *фарминг* – скрытое перенаправление пользователя на мошеннический сайт с целью завладения личными данными пользователя, осуществляемое посредством внедрения в выдаваемую веб-системой страницу вредоносного кода, либо подмены кэша DNS на конечном устройстве пользователя или на сетевом оборудовании провайдера услуг связи;
- *взлом сети, составляющей «интернет вещей» пользователя*, основанный на эксплуатации недокументированных уязвимостей элементов сети, позволяющей выполнить скрытую переадресацию пользователя на мошеннический сайт;
- *мошенничество в системах ДБО*, основанное на получении несанкционированного доступа к пользовательской информации, необходимой для авторизации и последующего хищения денежных средств со счетов пользователей. Реализуется с помощью внедрения вредоносных программ на компьютер с системой ДБО пользователя посредством целевой рассылки электронных писем, либо эксплуатации уязвимостей на тематических сайтах.

3. Специфика виртуальных следов, обращающихся в ходе совершения преступлений, сопряженных с использованием СЭП, обусловлена в первую очередь особенностями способов их подготовки, совершения и маскировки (сокрытия).

4. Определяющим критерием для формирования системы следов по делам о преступлениях, сопряженных с использованием СЭП, является закономерная связь этапов механизма преступления (рассылка информации – взаимодействие с пользователем СЭП – вывод денежных средств), каждый из которых может рассматриваться как самостоятельный и целостный источник виртуальных следов, отражающей определенные процессы взаимодействия участников криминального события между собой и с окружающей средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.Г. Зуйков ; Высш. шк. МВД СССР. – М., 1970. – 31 с.
2. Вехов, В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации средств ее обработки / В.Б. Вехов. – Волгоград : ВА МВД России, 2008. – 401 с.
3. Колычева, А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети интернет : дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Колычева. – М., 2018. – 200 л.

REFERENCES

1. Zuikov, G.G. (1970). *Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya*. Moscow. (In Russ.).
2. Vekhov, V.B. (2008). *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispol'zovanii komp'yuternoï informatsii sredstv ee obrabotki*. Volgograd: VA MVD Rossii. (In Russ.).
3. Kolycheva, A.N. (2018). *Fiksatsiya dokazatel'svennoi informatsii, khranyashcheysya na resursakh seti internet*. Moscow. (In Russ.).

Поступила 16.10.2021

CRIMES ASSOCIATED WITH THE USE OF ELECTRONIC PAYMENT MEANS: METHODS AND TRACE INFORMATION

P. BOROVIK

The results of a forensic analysis of typical methods of committing crimes involving the use of electronic payment methods are presented. It is shown that the basis of this criminal activity are the methods of social engineering based on the application of the achievements of modern information and communication technologies, as well as on actions and approaches through which offenders gain unauthorized access to the personal data of the victim. Taking into account the study of the stages of the mechanism of the considered criminal acts, the sources of trace information are formulated, reflecting the processes of interaction of participants in a criminal event with each other and with the environment.

Keywords: fraud, means of electronic payment, crime prevention, fraud, method of crime, trace information.

УДК 94(476)

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-98-102

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917 – 1922 гг.)***канд. ист. наук, доц. В.Н. БУРАКОВ**(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Статья содержит историко-правовой анализ формирования права на жилище в контексте становления правовой системы советского государства в период 1917 – 1922 гг. В результате нормотворчества в период политики «военного коммунизма» право на жилище по своему содержанию было представлено: ограничением права собственности на жилое помещение, созданием системы нормирования и распределения жилой площади и классовым принципом жилищной политики. Под влиянием новой экономической политики принципы права на жилище дополнились положениями о преемственности дореволюционного права, разрешении индивидуального строительства на праве застройки, предоставлении коммунальных услуг на платной основе.

Ключевые слова: право на жилище, жилищная политика, право собственности на жилое помещение, государственный и частный жилищный фонд, жилищная норма, классовый подход.

Введение. Жилье имеет первостепенное значение для любого человека независимо от его статуса, места проживания и исторического периода. Поэтому законодательство, которое обеспечивает сохранность и неприкосновенность жилища, право собственности на него, создает условия для развития первичного и вторичного рынка жилья, является важным звеном всей правовой системы. Право на жилище выступает частью института прав человека и раскрывает право на достойный и достаточный уровень жизни.

Сегодня право на жилище относится к фундаментальным правам группы социально-экономических прав второго поколения. Оно выступает неотъемлемым условием развития человека одновременно как биологического существа и как личности. И если сравнительно недавно понятие «жилище» рассматривалось как строение, дающее «крышу над головой», то сегодня – это место для проживания, которое соответствует действующим санитарно-гигиеническим требованиям, уровню комфорта и благоустройства, с развитой инфраструктурой, гармонично сочетающееся в окружающей среде и природном ландшафте.

Право на жилище в социалистической системе права имело особенности в сравнении с содержанием данного института в современной интерпретации и международных стандартах. Прежде всего, оно относится в большей степени к группе позитивных прав. Государство занимало активную позицию в регулировании отношений в сфере жилья. Законодательство детально регламентировало жилищные правоотношения, значительную часть которых занимала государственная политика по обеспечению сохранности и развитию жилищного фонда, предоставлению гражданам жилых помещений. Некоторые из направлений советской жилищной политики остаются актуальными и в настоящее время, а отдельные аспекты были более прогрессивными, чем в современном законодательстве Республики Беларусь. Таким образом, представляет интерес исторический анализ развития института права на жилище в советский период истории Беларуси на этапе формирования принципов социалистического права.

Основная часть. В досоветский период истории Беларуси института права на жилище не существовало, как и не существовало систематизированных нормативных актов регулирования жилищных правоотношений. Они регламентировались нормами гражданского законодательства, относились к сфере частного права и затрагивали в основном институты права собственности и найма. Таким образом в начале XX в. жилищное законодательство было неразвитым, а регулирование правоотношений в сфере жилья было традиционным и охватывалось гражданским и брачно-семейным правом.

Октябрьская революция и провозглашение советской власти обусловили радикальные преобразование всех сфер общественной жизни и политической системы. Первые декреты советской власти, среди которых значительная часть нормативных актов прямо или косвенно затрагивала сферу жилья, положили начало формированию социалистической правовой системы. На первом этапе правотворчества (1917 – 1922 гг.) происходит зарождение советского жилищного права, принципами которого стали государственное регулирование практически всех жилищных отношений и классовый подход при их осуществлении.

Уже 28 октября 1917 г. было принято постановление НКВД «О жилищном моратории», согласно которому в городах с населением более 10 тыс. человек семьи военнослужащих освобождались от квартирной платы на время войны и на три месяца после ее окончания¹. 20 ноября 1917 г. председатель правительства В.И. Ленин подписал «Тезисы закона о конфискации домов со сдаваемыми в наем квартирами»: предлагалось национализировать дома, сдаваемые в наем [1, с. 108]. На следующий день в проект декрета «О реквизиции теплых вещей для солдат на фронте» В.И. Ленин внес дополнение «О реквизиции квартир у богатых для облегчения

¹ О жилищном моратории : постановление НКВД РСФСР, 28 окт. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1917. – № 1. – С. 13.

нужды бедных». В соответствии с ним владельцы нескольких «богатых квартир» обязывались освободить одну из них и предоставить ее в пользование трудящимся. В декрете определялось само понятие «богатая квартира» – это квартира, в которой «число комнат равняется или превышает число проживающих» [2, с. 380].

С целью предстоящего обобществления земли в городах с 18 декабря 1917 г. были запрещены сделки по продаже, покупке, залогу всей недвижимости и земли². В марте 1918 г. был опубликован «Проект декрета о вселении семейств красноармейцев и безработных рабочих в квартиры буржуазии и нормировке жилых помещений» [3, с. 216]. Руководствуясь данным проектом, местные Советы приступили к муниципализации крупных домов, выселению буржуазии и заселению на ее площадь семей рабочих.

Одним из значимых законов, сформировавших жилищное право советского государства, стал декрет ВЦИК РСФСР «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах»³ от 20 августа 1918 г. Согласно декрету, отменялось право частной собственности на городскую землю. В городах с населением более 10 тыс. человек отменялось право частной собственности на дома, стоимость которых превышала предел, устанавливаемый местными органами власти⁴. Бывшие собственники муниципализированных домов получили право пользования жилой площадью на общих основаниях, но не более одной комнаты на члена семьи, и были обязаны нести расходы наравне с другими квартиронанимателями. Распоряжение домами и взимание платы переходило в сферу деятельности местных Советов.

Малые дома, служившие жильем для их владельцев, оставались в частной собственности при государственной собственности на земельные участки. Однако это право собственности не соотносилось с фактическим положением дел. Домовладелец не мог распоряжаться домом по своему усмотрению, не мог продать и заложить его [4, с. 75]. Было ограничено также право наследования. В соответствии с инструкцией НКВД № 478 от 14 ноября 1921 г. собственники немунципализированных домов площадью более 91 м² были обязаны передать в распоряжение коммунальных отделов 10% жилой собственности.

Таким образом, в первые годы советской власти была разработана законодательная база, заложившая основу для формирования государственного жилищного фонда путем муниципализации части жилых строений. К концу 1922 г. в БССР было муниципализировано 2059 домов общей площадью более 322 тыс. м² [5, с. 409].

Одновременно происходит формирование органов государственного управления жилищным фондом. В июне 1919 г. с целью надзора за санитарным состоянием квартир при Народном комиссариате здравоохранения была образована Жилищно-санитарная инспекция⁶. В ее функции входило наблюдение за санитарным состоянием домов и правильным расселением нуждающихся. Деятельность инспекции распространялась на все без исключения жилые помещения. Ее сотрудники наделялись правом беспрепятственного входа во все квартиры и привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении жилищно-санитарных требований.

В апреле 1920 г. декретом правительства РСФСР было принято положение «О коммунальных отделах исполнительных комитетов»⁷. Согласно закону, при местных исполнительных комитетах создавались коммунальные отделы, общее руководство которыми осуществлял Народный комиссариат внутренних дел. Коммунальные отделы совмещали функции заведывания муниципализированным жилищным фондом, выполнения работ по благоустройству, эксплуатации городских земель и городских коммунальных предприятий.

В августе 1921 г. было принято положение «Об управлении домами», которое продолжило процесс совершенствования управления жилищным фондом на местах⁸. Для непосредственного управления муниципализированными домами на общем собрании жильцов избирались заведующие. В их обязанности входило хозяйственное управление домом, наблюдение за его санитарным состоянием, организация проживания граждан и учет жильцов, осуществление прописки и выписки граждан. Ответственными в частных домах являлись их владельцы, которые должны были обеспечивать сохранность жилища. В домах-коммунах и домах, принадлежащих товариществам, предприятиям, жилищными вопросами ведали домоуправления.

В государственные дома переселялись рабочие, что позволило частично снизить жилищную проблему. Для оптимального распределения квартир и комнат еще 17 июля 1919 г. постановлением Народного комиссариата здравоохранения «Временные правила устройства и содержания жилых помещений» была установлена норма жилплощади [3, с. 229]. В соответствии с постановлением минимальная жилая площадь, необходимая одному человеку, определялась в 8,25 м². В дальнейшем постановлением Народного комиссариата здравоохра-

² О запрете сделок с недвижимостью : Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 14 дек. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1917. – № 10. – С. 154.

³ Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах : декрет Всерос. центр. исполнит. комитета РСФСР, 20 авг. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1918. – № 62. – С. 674.

⁴ в крупных городах – 10 тыс. рублей

⁵ в границах 1921 г.

⁶ О санитарной охране жилищ : декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 18 июня 1919 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1919. – № 27. – С. 299.

⁷ О коммунальных отделах исполнительных комитетов (положение) : декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 8 апр. 1920 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1920. – № 26. – С. 131.

⁸ Об управлении домами (положение) : декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 8 авг. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1921. – № 60. – С. 411.

нения «Санитарные правила по постройке жилых зданий», утвержденном 20 июля 1922 г., она была увеличена до 9 м². [6, с. 7]. 25 мая 1920 г. был принят декрет «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»⁹. На основании декрета подлежала изъятию вся жилая площадь, занимаемая учреждениями и отдельными гражданами сверх установленных норм [4, с. 76]. В результате предоставления коммунального жилищного фонда нуждающимся рабочим и служащим в 1923 г. размер жилой площади на одного человека в окружающих городах БССР составил в среднем 7,06 м² ¹⁰.

Одновременно происходит нормативное закрепление жилищных обязанностей граждан. Они были направлены на обеспечение сохранности и надлежащего санитарного содержания своих жилищ. За нарушение правил пользования жилым помещением предусматривалось выселение, которое производилось в судебном или административном порядке. В соответствии с законодательством выселение в судебном порядке предусматривалось в случаях: а) если жилец ухудшал состояние занимаемого помещения или не содержал его в исправности (например, засорение канализации, колка дров в помещении); б) если он пользовался помещением не в соответствии с законом, договором или его назначением (например, использование жилого помещения для торговли); в) если он своим поведением делал для других жильцов невозможным совместное с ним проживание в квартире или комнате (пьянство, систематическое нарушение тишины и т.п.); г) если он не выполнил обязательства по производству ремонта; д) при необходимости капитального ремонта помещения; е) в случае самовольного вселения; ж) в случае неплатежа квартирной платы и невзноса платы за пользование водой, канализацией, отоплением, освещением. Рабочим и служащим, а также приравненным к ним категориям граждан срок погашения задолженности устанавливался в течение двух месяцев со дня предельного срока, прочим гражданам – в течение 7 дней после наступления срока платежа.

С переходом страны к Новой Экономической Политике были внесены изменения в область жилищных отношений, связанных с оплатой помещений. Была восстановлена квартирная и коммунальная плата. Тарифы на коммунальные услуги (водопровод, электричество, газ, бани, очистка дымовых труб) устанавливались местными Советами. Однако с переходом на платную основу предоставления жилья и услуг перед правительством встал вопрос о механизме и принципах оплаты. Было необходимо определить слагаемые элементы и размер оплаты, дифференциацию этого размера в зависимости от характеристик жилища и плательщика, сохранения позиций защиты интересов рабочего класса. В 1922 г. были установлены правила взимания оплаты коммунальных услуг и платы за пользование жилым помещением. Сумма сбора устанавливалась согласно показаниям счетчиков, а при их отсутствии – по количеству жильцов в доме и нормам потребления. Тариф оплаты коммунальных услуг и квартплаты зависел: 1) от расходов по содержанию дома; 2) степени благоустройства; 3) расположения жилища; 4) размера занимаемой жилой площади в пределах или свыше нормы; 5) классовой принадлежности жильца; 6) социального положения плательщика.

Для рабочих и служащих были установлены тарифы в зависимости от размера заработной платы. В соответствии с законодательством размер квартирной платы не должен был превышать 10% бюджета рабочего. Действительно доля квартплаты в бюджете рабочего была незначительной. К примеру, в 1922 г. она составила 1,7% бюджета, в 1924 г. – занимала от 4 до 6% заработной платы. Согласно классовому принципу жилищной политики была установлена специальная такса для категорий «нетрудящиеся». Тарифы квартирной платы для рабочих и служащих были меньше тарифов для остальных категорий граждан более чем в 10 раз. Например, для лиц, живущих на «нетрудовые доходы» устанавливалась плата от 3 до 10 рублей за квадратную сажень в месяц, для лиц свободных профессий, кустарей и ремесленников – от 1 до 2 рублей, а для рабочих, получающих заработную плату до 30 рублей – тариф составлял 10 – 20 копеек.

Следующим важным этапом в оформлении права на жилище стало разрешение вторичного рынка жилья с августа 1921 г. Декрет «О предоставлении собственникам немунICIPализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества» отменял закон «О запрещении сделок с недвижимостью» и разрешал куплю-продажу частных строений¹¹. Однако сделка могла быть осуществлена при условии, чтобы в руках покупателя не оказалось двух и более владений, а продавец мог совершать отчуждение (продажу) не более одного владения в течение 3 лет.

Развитие института частной собственности на жилые строения получило оформление в постановлении «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законом и защищаемых судами РСФСР»¹² от 22 мая 1922 г., действие которого было распространено на территории БССР с 1 августа 1922 г. В декларации государство гарантировало имущественные права граждан и их охрану, в том числе право

⁹ О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения : декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 25 мая 1920 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1920. – № 52. – С. 227.

¹⁰ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 31. Оп. 1. Д. 916. Л. 45.

¹¹ О предоставлении собственникам немунICIPализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества : декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 8 авг. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1921. – № 60. – С. 410.

¹² Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР : декрет Всерос. центр. исполнит. комитета РСФСР, 22 мая 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1922. – № 36. – С. 423.

собственности на немunicipализированные строения. Также декрет предоставил собственникам домов возможность передавать арендное право на земельный участок при продаже строения и по наследству. Закон гарантировал право наследования по завещанию и по закону. Оно предоставлялось только супругам и детям в пределах общей стоимости наследства до 10 тыс. рублей.

Право частной собственности на жилое помещение получило развитие в феврале 1923 г. В соответствии с законом СНК БССР «Об условиях закрепления права собственности на немunicipализированные строения»¹³, провозглашалась правовая преемственность дореволюционного имущественного права. Все акты на строения, составленные до Октябрьской революции в соответствии с законом, служили доказательством права собственности на жилое строение при наличии его фактического владения.

Понимая значение частного сектора в решении жилищной проблемы советская власть с начала НЭПа признала необходимость развития негосударственных форм строительства. Возведение домов частными лицами было разрешено, но на праве застройки, то есть с условием срочного пользования жилым строением и возмездной передачей в государственный фонд. Декреты «О предоставлении кооперативным объединениям и отдельным гражданам права застройки городских участков»¹⁴ от 8 августа 1921 г. и «О праве застройки земельных участков»¹⁵ от 14 августа 1922 г., закрепленные в положениях Гражданского кодекса, легли в основу законодательства, регулирующего жилищное строительство негосударственными субъектами. В течение 1920-х годов нормативное регулирование права застройки изменялось в сторону предоставления более выгодных условий для застройщиков. Изначально при строительстве деревянного дома договор мог быть заключен на срок до 20 лет, при постройке каменного строения – до 49 лет. В последующие годы срок договора застройки изменялся.

Заключение. Таким образом, декреты и постановления, принятые в первые годы советской власти, сформировали принципы права на жилище и предопределили дальнейшее развитие жилищной политики социалистического государства. Условно их развитие можно разделить на 2 этапа:

1) 1917 – 1920 гг. – в период революционных преобразований и политики «военного коммунизма» происходило принятие нормативных правовых актов, в результате которых была проведена национализация части квартир и домов, образован государственный жилищный фонд, сформирована система управления и распределения жилья; ограничено право наследования и индивидуального строительства жилых домов. Властью были установлены нормы пользования жильем. Это было вызвано неспособностью правительства в достаточной мере расширить жилищный фонд и обеспечить квартирами всех трудящихся. Следует отметить, что это был один из первых радикальных поступков новой власти, в котором проявилось ее стремление к вмешательству в сферу личных интересов граждан. Установление государством необходимых человеку личных потребностей, в том числе жилой площади, соответствовало идеалам советской модели общественного устройства. Жилищные условия стали определять размером жилой площади на одного жителя, в отличие от досоветского периода, когда показателем являлось число жителей на одну комнату. Жилищная норма, являясь минимальным размером, в условиях острой жилищной нужды фактически стала допустимым пределом. Жилплощадь свыше установленной нормы считалась излишком и подлежала изъятию;

2) 1921 – 1922 гг. – принципы новой экономической политики оказали влияние на сферу регулирования жилищных отношений. В соответствии с социалистической правовой системой гарантируется право собственности на жилое помещение, признается преемственность дореволюционного права, предоставление жилого помещения государственного фонда и коммунальных услуг осуществляется на принципе возмездности и классового подхода. Одновременно, разрешалось индивидуальное строительство на условии договора о застройке, а право собственности на него было ограничено сроком.

Итак, в первые годы советской власти правительство законодательно оформило принципы государственного регулирования жилищной сферы в соответствии с социалистической идеей общественной формы собственности. Функции распоряжения, распределения и перераспределения жилья сосредотачивались в государственных органах. Принцип государственной собственности на землю, размещение на ней недвижимого имущества на праве частной собственности и принципе бессрочной аренды земельного участка был применен впервые. Государственная собственность на землю была закреплена декретом «О земле», Конституцией РСФСР от 10 июля 1918 г., Конституцией БССР от 3 февраля 1919 г. Право на жилище, как и другие социально-экономические права, не нашло отражение в основном законе страны.

В сравнении с содержанием права на жилище в современном толковании, следует отметить, что с первых дней советской власти было декларировано о государственной политике, направленной на сохранение существующего жилищного фонда и развитие нового строительства; поддержке граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий; предоставлении жилых помещений отдельным категориям граждан бесплатно или по доступной для них цене. Эти и другие принципы сохранили свою актуальность в настоящее время.

¹³ Об условиях закрепления права собственности на муниципализированные строения : постановление Совета нар. комиссаров ССРБ, 9 фев. 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства ССРБ. – 1923. – № 3. – С. 34.

¹⁴ О предоставлении кооперативным объединениям и отдельным гражданам права застройки городских участков : декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 8 авг. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1921. – № 60. – С. 408.

¹⁵ О праве застройки земельных участков : декрет Всерос. центр. исполнит. комитета и Совета нар. комиссаров РСФСР, 10 авг. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1922. – № 51. – С. 645.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1967–1975. – Т. 35. – 1974. – 599 с.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1967–1975. – Т. 54. – 1975. – 863 с.
3. Мстиславский, П.С. Народное потребление при социализме / П.С. Мстиславский. – М. : Гос. издат. план.-эк. лит., 1961. – 312 с.
4. Шипилов, М.А. Жилищный вопрос при капитализме и социализме / М.А. Шипилов. – М. : Политиздат, 1964. – 192 с.
5. Белорусская Социалистическая Советская Республика в 1922 – 1923 гг. – Минск : Изд-во ЦИК – СНКБ, 1924. – 420 с.
6. Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР. 1919 – 1929 гг. – Минск : ЦСУ, 1929. – 534 с.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii* : v 55 t. T. 35 [Complete works (in 55 vol., Vol. 35)]. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
2. Lenin, V.I. (1975). *Polnoe sobranie sochinenii* : v 55 t. T. 54 [Complete works (in 55 vol., Vol. 54)]. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
3. Mstislavskii, P.S. (1961). *Narodnoe potreblenie pri sotsializme*. Moscow: State publishing house plan. (In Russ.).
4. Shipilov, M.A. (1964). *Zhilishchnyi vopros pri kapitalizme i sotsializme*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
5. *Belorusskaya Sotsialisticheskaya Sovetskaya Respublika v 1922 – 1923 g.* Minsk: Publishing CEC – CPCB. (In Russ.).
6. *Belorusskaya SSR v tsifrakh. K 10-letiyu sushchestvovaniya BSSR. 1919 – 1929 g.* Minsk: CSM. (In Russ.).

Поступила 20.10.2021

**FORMATION OF THE PRINCIPLES OF THE RIGHT TO HOUSING
IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET AUTHORITIES (1917–1922)**

V. BURAKOU

The article contains a historical and legal analysis of the formation of the right to housing in the context of the formation of the legal system of the Soviet state in the period 1917-1922. As a result of rule-making during the period of the policy of "war communism", the right to housing was represented by its content: the restriction of the right of ownership of residential premises, the creation of a system of rationing and distribution of living space and the class principle of housing policy. Under the influence of the new economic policy, the principles of the right to housing were supplemented with provisions on the continuity of pre-revolutionary law, the permission of individual construction on the right of development, the provision of public services on a paid basis.

Keywords: *the right to housing, housing policy, the right of ownership of residential premises, public and private housing stock, housing norm, class approach.*

УДК 378

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-103-108

**СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

канд. юрид. наук, доц. **И.В. ВЕГЕРА**
(Полоцкий государственный университет)
ORCID: <https://orcid.org.0000-0002-0495-6187>

Рассматривается проблема повышения качества юридического образования и его соответствия современным вызовам, возникающим в условиях развития информационного общества. Определены основные тенденции и процессы, которые необходимо учитывать при организации высшего юридического образования, и как следствие – новые требования, которые предъявляются к подготовке юриста в современных условиях, в частности, к образовательному процессу и содержанию образовательных программ. Рассмотрены такие характеристики юридической подготовки, как гибкость и вариативность, междисциплинарность, многоступенчатость, непрерывность, профилизация, персонализация, инновационная и научная направленность, практико-ориентированность юридического образования. Обоснована необходимость адекватной трансформации юридического образования с использованием всех достижений информационных технологий. Исследовано влияние на юридическое образование тенденций глобализации и интернационализации. Определены качества юриста, которые выходят на передний план наряду с классическими профессиональными навыками.

Ключевые слова: высшее образование, юридическое образование, качество образования, тенденции развития образования, цифровое общество.

Введение. Повышение качества образования всегда являлось предметом постоянного и пристального анализа как ученых, так и практиков, поскольку подготовка в высшей школе невозможна без ориентации на современные тенденции и перспективы развития общества, решение актуальных проблем, стоящих перед всем миром и конкретным государством. Высшее юридическое образование не является исключением в этом процессе. Более того, в последнее время все чаще поднимается вопрос о качестве подготовки студентов юридического профиля, избыточности юристов на рынке труда, необходимости взаимодействия юридического образования и науки с практической деятельностью, об актуализации подходов к содержанию юридической подготовки с учетом развития цифровых технологий и формирования цифрового общества, углубленной специализации юридической подготовки и ряд других. Все эти вопросы актуализируют проблему поиска ответов на современные вызовы, разработки новых подходов, отвечающих не только национальным, но и мировым тенденциям развития общества, в силу этого – проблему исследования перспектив развития высшего юридического образования в Беларуси.

Основная часть. Модели юридического образования во многом детерминированы особенностями становления и развития национальных правовых систем. В то же время, вхождение национальной системы образования в мировое образовательное пространство выводит на первый план необходимость учета мировых трендов в развитии юридического образования, запросов международного сообщества к компетенциям специалистов юридической сферы. Особое значение при выводе национальной системы образования на соответствующий мировым стандартам уровень имеет повышение качества и усовершенствование структуры подготовки специалистов, максимальное ее приближение к требованиям рынка труда с учетом современного уровня и динамики развития общественных и технологических процессов (глобализация, стирание границ, автоматизация, цифровизация и др.). Преподавание фундаментальных правовых концепций должно быть дополнено методиками, позволяющими формировать критическое творческое мышление, направленное на более глубокое понимание юридических проблем в более широком социально-политическом и технологическом контексте. Юридические школы должны реагировать на вопрос о будущей роли профессии юриста, влиянии на нее технологического прогресса и автоматизации, и соответственно определять содержание юридического образования. При этом на первое место при подготовке юристов выходит формирование компетенций, включающих междисциплинарное понимание происходящих процессов, творческий подход к решению юридических задач и социальный интеллект, определяющий успешность взаимодействия в условиях сложных социальных отношений [1, с. 264].

Совершенствование и оптимизация национальной системы образования в указанном русле невозможны без внедрения инновационных подходов в образовательный процесс. Создание и реализация современных образовательных программ, направленных на формирование всех необходимых компетенций, соответствующих требованиям времени; разработка и использование новых образовательных технологий, соответствующих уровню развития информационного общества и требованиям организаций-заказчиков кадров; все более широкое использование информационно-коммуникационных технологий как необходимого элемента в условиях увеличения объема информации и самостоятельной работы; развитие практико-ориентированного обучения на всех уровнях получения высшего образования – все эти направления особо актуальны для повышения качества высшего юридического образования при современном уровне общества и тенденциях его развития.

В русле указанных требований и тенденций в 2017 г. была разработана Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года, которая определяет основные направления совершенствования образовательной области в условиях развивающейся политической и социально-экономической системы государства и прогнозирует возможности повышения её социальной эффективности¹. Реализация Концепции направлена на устранение имеющихся проблем и создание научно обоснованной системы подготовки высококвалифицированных специалистов, готовых к профессиональной деятельности в условиях процесса глобализации, растущей в мире конкуренции, инновационности базовых отраслей и новых производств, современных систем управления.

Современные тенденции развития общества и вызовы, возникающие перед юридической профессией в условиях высоких скоростей научно-технического прогресса и социальных изменений, можно объединить и представить в виде нескольких основных направлений.

1. Возникновение новых сфер и форм общественных отношений. Любая профессия, несмотря на свою специфику и область применения, должна учитывать современные тенденции развития общества, а также возникающие в связи с этим новые вызовы. Право так же должно реагировать на постоянно меняющийся и ускоряющийся мир, регулярно возникающие новые виды общественных отношений, которые должны обрести адекватную правовую форму. В связи с этим юридическое образование призвано не только давать крепкую фундаментальную базу, но и формировать навыки, которые потребуются при выполнении новых задач, не возникавших ранее.

Технологический прогресс привел к появлению тенденций, которые невозможно не учитывать в правовом регулировании общественных отношений и юридической практике:

- смартизация, смарт-окружение: «умные» элементы жизни общества (машины, дома, инструменты, инфраструктура, гаджеты и т.д.);
- сетевизация общества;
- устойчивое развитие общества и экологизация всех процессов, переход к «чистой энергии», «зеленому строительству», инфраструктуре, дружественной природе и человеку;
- автоматизация и роботизация;
- виртуальная реальность (киберспорт, музеи, игры, дизайн);
- стремительное развитие и интенсивное внедрение ИК-технологий во все сферы жизни общества;
- изменение форм коммуникации и социализации людей;
- развитие государственно-частного партнерства, возникновение новых бизнес-моделей, и ряд других.

Следствием этих тенденций непременно должно стать расширение сферы юридической деятельности на стыке гражданского, финансового, строительного, экологического, информационного, уголовного и других областей права. Появляются новые направления, связанные с работой юриста в интернет-пространстве, виртуальной реальности, в условиях масштабной цифровизации всех процессов, современной бизнес-среды и т.д. Все чаще можно слышать о таких профессиях, как медиатор, семейный юрист, оценщик интеллектуальной собственности, кредитный адвокат, сетевой юрист, виртуальный адвокат, киберследователь, медиаполицейский и др.

Указанные тенденции непрерывно ставят перед юридической профессией новые требования: узкопрофильность, непрерывное самообразование, кросс-функциональность, нацеленность на клиента, адаптивность.

Наряду с усложнением социальных связей и технологических процессов возникла и обратная тенденция: в последнее время юридические компании все чаще стали задумываться о том, как сделать «большие и сложные» документы понятными для клиентов. Следствием решения данной задачи стало появление нового способа юридического мышления и его внешнего выражения – «Legal Design» («Юридический дизайн»), который основан на клиенто-ориентированном подходе и является отражением дизайнерского мышления юриста. В рамках такого подхода в процессе юридической деятельности учитывается специфика всех заинтересованных лиц и их интерес, уровень подготовки правореализующего субъекта, причины возникновения поставленной задачи и цели ее решения, возможные альтернативы решения проблемы и их последствия, а также другие аспекты. К примеру, в процессе подготовки договора юрист должен подумать о том, как стороны будут им пользоваться, правильно ли они его интерпретируют, учтены ли все интересы и цели.

Практика юридического дизайна встречается все чаще и чаще. Экспериментальное регулирование, интерактивный конструктор лицензий (в авторском праве) с использованием символьных обозначений, договоры с сотовыми операторами – вот лишь некоторые примеры внедрения юридического дизайна. Скандинавские страны считаются пионерами в данной области и активно разрабатывают дизайнерские приемы, которые могут применять юристы во всем мире для решения задач своих клиентов.

Очевидно, что традиционному юридическому образованию в данный момент не хватает таких инструментов, которые бы учили, как работать в современной бизнес-среде с ее постоянно меняющимися моделями.

Следствием вышеперечисленных процессов становится постепенная реконфигурация рынка труда и возникновение новых требований, которые предъявляются к высшему юридическому образованию:

– *Гибкость и вариативность образовательных программ и их быстрое реагирование на изменение правовой действительности* (современное наполнение, учет последних тенденций, адекватная расстановка приоритетов). Важную роль при этом играет возрастающая самостоятельность университетов при разработке и наполнении

¹ Каменков, В.С. Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь до 2025 года [Электронный ресурс] / В.С. Каменков // Информационно-правовая система Нормативка.by. URL: <https://cinormativka.by/lib/document/69001>.

учебных планов и учебных программ. В то же время, при всей модернизации правового регулирования и юридической практики важно обозначить стартовую точку опоры – приоритет общепризнанных принципов международного права, соблюдение международно-правовых обязательств, прямое действие конституции и ее базовых принципов, которые универсальны и применимы в условиях высокой динамики современных правоотношений.

– Все более возрастающая *междисциплинарность* образовательных программ, программ «на стыке» права и других областей науки (техники, экологии, медицины, информационных технологий, биологии, экономики и др.). Данное требование необходимо реализовывать не только на уровне открытия новых междисциплинарных специальностей, но и при разработке учебных планов, внедрении новых учебных дисциплин и реформатировании существующих, выборе методик преподавания, реализации учебных и научных студенческих проектов.

В силу персонификации образования, учитывая, что массив правовой информации постоянно увеличивается, возникает объективная необходимость увеличения доли *самостоятельной* работы студента, развития *многоступенчатости, непрерывности и профилизации* юридического образования.

– *Самостоятельность* в подготовке юриста постепенно превалирует. Как следствие, на первый план выходит необходимость «реформатировать» преподавателя, который на фоне огромного информационного поля должен стать носителем уникальной информации, а также тьютором, персональным наставником на пути индивидуального развития. Такой преподаватель направляет, акцентирует на важном и главном, мотивирует, заинтересовывает, руководит процессом обучения, отслеживает и анализирует текущие результаты и ошибки и т.д. В условиях массовости высшего образования эта задача выглядит парадоксальной, но лишь на первый взгляд, поскольку еще более значимым трендом выступает *персонализация* образования, которая возможна и активно развивается в условиях современных технологий. Индивидуальный подход при массовом образовании – важнейший вызов, стоящий перед современной высшей школой.

В рамках данного направления не менее важным становится разработка современных учебно-методических материалов, позволяющих студенту сориентироваться в предмете, изучить базу, пройти тренинги, проверить себя, закрепить теорию на практике, сформировать профессиональные и гибкие навыки. При этом предлагаемые учебные инструменты должны быть адекватны текущему уровню развития информационных технологий и соответствовать интересам современного студента, должны быть конкурентноспособными в необъятном массиве информационных ресурсов (онлайн-курсы, видеолекции, тренажеры, подкасты и другие ресурсы, бесплатные и доступные в Интернете). Важно использование современных программных продуктов, приложений, образовательных платформ, оснащенных большим количеством удобных и разнообразных инструментов, делающих процесс обучения интерактивным, персонифицированным, прозрачным, контролируемым и интересным.

– *Многоступенчатость и профилизация* в процессе подготовки юридических кадров. К классическому образованию, дающему базовые знания в области юриспруденции на уровне бакалавриата и магистратуры, должны примыкать постоянно обновляющиеся программы дополнительного образования, которые имеют узкую специализацию (юрист в сфере интеллектуальной собственности, юрист в сфере информационных технологий, сетевой юрист и т.д.). Стоит рассмотреть вопрос о разработке новых программ переподготовки, которые, в отличие от существующих, предлагаемых для слушателей с другой специальностью, будут направлены на дальнейшую подготовку юристов по направлениям, требующим знаний по двум или более специальностям.

2. Развитие информационного общества и цифровая трансформация образования. В XXI веке новые технологические достижения, меняющие систему и формы человеческих взаимосвязей, а также подходы к самому понятию работы, актуализируют вопросы реформирования высшего образования. Как отмечает Дэниэл Голдсуорфи, «такие достижения, естественно, создают проблемы для юристов и юридического образования. Закон не застрахован от технологического развития и рисков, связанных с автоматизацией. Юридические роли, которые включают повторение и распознавание паттернов, будут все больше подвержены автоматизации с помощью умных и самообучающихся алгоритмов. В долгосрочной перспективе эти силы изменят и переопределят роль человека в юридической деятельности, и, следовательно, они должны определять будущее юридического образования» [1, с. 244–245]. Можно согласиться с Мэри Киз и Ричардом Джонстоном, которые указывают на роль современных технологий: «В свое время промышленная революция действительно была «революционной», поскольку она покончила с рабочими местами, полагавшимися на силу и повторяющиеся действия. Однако машины не могли воспроизвести когнитивные способности человека. С развитием искусственного интеллекта ситуация поменялась: технологии теперь начинают превосходить людей и по этому показателю»². Некоторые эксперты уже сейчас прогнозируют, что скоро необходимость в юристах может отпасть или резко снизиться, поскольку «искусственный интеллект продвинется до такой степени, что ответы на юридические вопросы более эффективно можно будет получать у компьютера, нежели чем у человека»³. Профессия юриста, таким образом, находится в уязвимом положении перед искусственным интеллектом и связанными с ним тех-

² Keyes, M. Changing Legal Education: Rhetoric, Reality, and Prospects for the Future [Электронный ресурс] / Mary Keyes, Richard Johnstone / Sydney Law Review. – 2004. – № 26 (4). – P. 538. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/SydLawRw/2004/26.html>.

³ Singh, Manveen. In the Line of Fire: Is Technology Taking Over the Legal Profession? [Электронный ресурс] / Manveen Singh // North Carolina Central Law Review. – 2017. – № 40(1). – P. 122 – 139. URL: https://www.researchgate.net/publication/332208630_In_the_Line_of_Fire_Is_Technology_Taking_Over_the_Legal_Profession.

нологическими разработками. Поэтому уже сейчас необходимо подумать о том, как это повлияет на юридическое образование в ближайшем будущем⁴.

С другой стороны, как отмечается в литературе, для того чтобы работа юристов стала полностью автоматизирована, необходимо преодолеть технические препятствия, связанные с творческим и социальным интеллектом человека. Это означает, что компьютеризация в юридической сфере в среднесрочной перспективе лишь дополнит работу юристов, но не заменит ее полностью⁵.

Таким образом, несовершенства в компьютеризации и автоматизации процессов сохраняют неснижаемую ценность человека при выполнении юридических задач, требующих творческого и социального интеллекта. Навыки, необходимые и ценные в юридической профессии, в ближайшее время будут существенно меняться под влиянием развития цифровых технологий и их внедрения в юридическую практику. Для того, чтобы юридическое образование оставалось актуальным и современным, учебные программы должны учитывать текущие и прогнозируемые тенденции в данной области. Каковы эти юридические роли и задачи, требующие творческого и социального интеллекта? И в какой степени люди могут продолжать их выполнять? Это вопросы, которые стоят на повестке дня перед юридическим образованием.

В 2018 году Организация экономического сотрудничества и развития детально рассмотрела возможность автоматизации различных занятий и ролей, выполняемых в настоящее время человеком. Были сформулированы те области творческого и социального интеллекта, которые требуют активной роли человека. В разрезе социального интеллекта, например, выделена способность эффективно согласовывать сложные социальные отношения, включая заботу о других или признание культурных особенностей. К когнитивному интеллекту отнесены, к примеру, творчество и сложные рассуждения⁶. В литературе высказывается предположение, что разграничение задач, выполняемых человеком или машиной, будет основываться на разграничении интеллекта и сознания. Такой подход предопределяет те роли и обязанности, которые требуют творчества, сложных рассуждений, социального интеллекта, и в итоге останутся за человеком. Представляется, что вопрос о выработке подходов к такому разграничению также относим к сфере юридического образования [2, с. 56].

Все вышеуказанные аспекты цифровизации приводят к выводу о том, что ранее распространенный подход в юридическом образовании, основанный на простой передаче юридического опыта в мире, опосредованном цифровыми технологиями, устарел. Навыки, необходимые юристам сегодня, будут постоянно меняться. Очевидно, что развивающиеся информационные технологии будут постоянно требовать от юридического образования быстрого реагирования и адекватных изменений. В будущем юристы все чаще будут сталкиваться с необходимостью обработки больших массивов информации, циркулирующих в цифровом обществе. Это обуславливает актуальность информационной грамотности – формирования цифровых компетенций и критических способностей, позволяющих разбираться в огромных массивах данных, собираемых с постоянно увеличивающейся скоростью. От проблемы поиска информации акцент смещается в сторону проблемы оценки найденной информации.

Кроме того, технологии не только определяют способ функционирования общества, они меняют саму природу социальных отношений, что также должно быть предметом правового регулирования. Следовательно, необходимым представляется постоянная актуализация знаний и компетенций, необходимых юристам. В эпоху быстрого технологического прогресса и автоматизации такой подход позволит своевременно реагировать на изменяющуюся правовую действительность, которая станет еще более опосредованной технологиями⁷.

Юридические школы должны начать готовить своих студентов с учетом всего многообразия современных общественных отношений, обусловленных развитием информационных технологий и цифрового общества (управление юридическими проектами, юридические технологии и разрешение споров в Интернете и др.). В то же время следует согласиться с тем, что изменения в юридическом образовании, происходящие в ответ на изменяющуюся благодаря технологиям юридическую практику, не должны приводить к отказу от обучения студентов «правовому методу» – как думать, как юрист, как собрать и организовать сложный набор фактов, как работать с законом, как интерпретировать законодательство, юридическую практику и т.д. Эти навыки отражают глубину основных юридических знаний, которые юридические школы традиционно формировали. Они будут актуальны и в будущем⁸.

⁴ Nedelkoska, Ljubica. Automation, Skills Use and Training [Электронный ресурс] / Ljubica Nedelkoska, Glenda Quintini // Working Paper № 202. – OECD Publishing, Paris, 2018 / OECD iLibrary. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/automation-skills-use-and-training_2e2f4ee4-en. DOI: 10.1787/2e2f4ee4-en.

⁵ Frey, Carl. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? [Электронный ресурс] / Carl Frey, Michael Osborne // Working Paper, Oxford Martin School, Oxford University, 17 September 2013 ('Oxford Study'). URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.

⁶ См. ссылку № 4.

⁷ Galloway, K. A Rationale and Framework for Digital Literacies in Legal Education [Электронный ресурс] / Kate Galloway // Legal Education Review. – 2017. – № 27. – P. 1–26. URL: <https://epublications.bond.edu.au/ler/vol27/iss1/9>. DOI: <http://dx.doi.org/10.53300/001c.6097>.

Hutchinson, T. Legal Research in the Fourth Industrial Revolution [Электронный ресурс] / Terry Hutchinson // Monash University Law Review. – 2017. – № 43(2). – P. 567–590. URL: https://www.researchgate.net/publication/323596189_Legal_Research_in_the_Fourth_Industrial_Revolution.

⁸ Susskind, R. Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future [Электронный ресурс] / Richard Susskind // Oxford University Press, 2013. URL: <https://archive.org/details/tomorrowslawyers0000suss>. DOI: 10.1017/S1472669613000625.

Таким образом, цифровизация всех процессов, дистанционные технологии, новые форматы взаимодействия, сбора, передачи, распространения и хранения информации, автоматизация документооборота, развитие искусственного интеллекта и когнитивных технологий, современные программные продукты в области права требуют от юридического образования адекватной трансформации, переформатирования с использованием всех достижений информационных технологий.

3. Инновационная и научная направленность юридического образования. Инновационность в развитии всех сфер современного общества требует от юриста таких качеств, как готовность создавать новые, нестандартные решения и идеи, быстро принимать решения «не по шаблону» в постоянно меняющихся условиях, адекватно толковать и применять правовые нормы, исходя не только из буквы, но и из духа закона, опираясь на базовые международные и конституционные ценности и др. Стимулирование стартапов, направленных на оптимизацию юридических процессов, развитие студенческого научного движения и придание ему новых форм – задача современного юридического образования.

Важным направлением видится создание межуниверситетской сети студенческого научного сотрудничества (клубы, ассоциации, консорциумы для организации научных мероприятий и международных научных проектов и т.п.). Современные технологии позволяют с легкостью обеспечить постоянное дистанционное общение, обмен опытом, организацию совместных мероприятий учебного и научного характера студентами-юристами разных вузов как на национальном, так и на международном уровне.

4. Глобализация и интернационализация в образовательной сфере. Юридическое образование – это уже не только национальный продукт для внутреннего рынка. В условиях глобализации образовательные услуги становятся все более интернациональными, и их границы постепенно стираются. Юридические образовательные программы должны ориентироваться не только на национальный, но и на региональный и международный уровни, должны быть более универсальными и привлекательными для иностранных граждан. Актуальным становится вопрос об интернационализации содержания программ и языковой вариативности в их преподавании.

Международная унификация права в литературе рассматривается как одна из важнейших задач современности в условиях глобализации. В особенности, унификация норм материального права, нацеленная на единообразное регулирование общественных отношений, обеспечивает единый правовой режим и позволяет создать единое правовое пространство.

Трансформация и конвергенция правовых систем различных стран мира в условиях глобализации, возникновение большого количества универсальных правовых принципов и норм требуют от национальной системы высшего юридического образования все большей открытости и вовлеченности в мировое юридическое пространство. Сближение систем высшего юридического образования неизбежно повлияет на педагогику юридического образования и педагогические технологии в учебном процессе, позволит нивелировать различия в образовательных технологиях и снять образовательные барьеры при обеспечении непрерывного юридического образования в разных странах. Взаимодействие систем образования, внедрение зарубежного опыта, вхождение в европейское и мировое образовательное пространство на принципах равенства и равноценного партнерства, использование новейших образовательных методик и программ, иных возможностей – все это говорит о позитивном эффекте глобализации и интернационализации в образовательной сфере.

Профессиональная конкурентоспособность юристов на международном рынке труда видится одной из приоритетных задач современной системы юридического образования. Выпускник должен быть способным анализировать, моделировать, трансформировать и использовать информацию применительно к разным ситуациям и системам как на национальном, так и на международном уровнях. Такой подход к развитию юридического образования открывает перспективы сформировать у выпускника глобальное мышление, широкий профессиональный кругозор, а также компетенции, направленные на более глубокое понимание современного социального контекста правовых институтов и процессов, позволяющие решать юридические проблемы с более широких позиций, при этом основываясь на фундаментальных правовых началах и принципах.

5. Практико-ориентированность юридического образования. Реализация нового подхода к высшему образованию требует поиска инновационных форм, при которых бы осуществлялись интеграция и взаимное использование современных достижений науки, практики и образовательных технологий через формирование в университетах как центрах научно-инновационной деятельности особых субъектов инновационной инфраструктуры (технопарков, образовательных и научно-практических центров, учебно-научно-производственных комплексов и др.). Одной из важнейших задач в таких условиях выступает обеспечение системного взаимодействия образования, науки и практики. Оно, в свою очередь, требует усиления связи подготовки специалистов в высшей школе с практической деятельностью.

Усиление *практической направленности* – современная тенденция развития юридического образования в Республике Беларусь. В то же время основными проблемами в данном контексте являются: низкая эффективность учебных и производственных практик; в некоторых случаях – формальный подход к формированию компетентностной модели подготовки специалиста-юриста; недостаточный уровень сотрудничества учреждений образования с заказчиками юридических кадров при формировании профессиональных компетенций выпускников.

В связи с этим ставятся задачи активизации взаимодействия учреждений высшего образования с организациями-заказчиками юридических кадров и формирование долгосрочных взаимовыгодных отношений; совершен-

ствование подходов к организации образовательного процесса с участием предпочтений организаций-заказчиков юридических кадров. В рамках обозначенных задач одним из направлений повышения качества образовательного процесса является обеспечение оптимального сочетания теоретических знаний и практической направленности. Реализация такого направления видится посредством углубления связей юридических факультетов с органами государственной власти и управления, адвокатурой, судами, прокуратурой, иными правоохранительными органами, их научно-исследовательскими и научно-практическими центрами, юридическими компаниями и службами.

Заключение. Таким образом, современное юридическое образование должно не только учитывать уровень развития нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий и их конвергенцию, внимательно следить за технологическими прогнозами, но и давать инструменты, с помощью которых как правовое регулирование, так и юридическая практика смогут безболезненно адаптироваться к постоянным изменениям и использовать их для эффективного решения своих задач.

Адаптивность, гибкость, креативность, оперативность, кросс-функциональность, аналитические и прогностическое мышление в процессе создания и реализации права выходят на передний план наряду с классическими профессиональными навыками юриста.

Перед высшим юридическим образованием в Беларуси в настоящее время стоят важные и сложные задачи, от решения которых будет зависеть, станет ли оно современным, конкурентоспособным и востребованным. Для этого необходимо постоянно отслеживать глобальные тенденции, быть готовым противостоять вызовам, успешно реагировать и преодолевать их, адекватно и быстро воспринимать и использовать прорывные технологии и изменения в социальных процессах. От этого зависит, будет ли юридическое образование той движущей силой, которая обеспечит высокий уровень в развитии правовой системы и подготовке квалифицированных юристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goldsworthy, D. The future of legal education in the 21st century / Daniel Goldsworthy // *Adelaide Law Review*. – 2020. – № 41. – P. 243–265.
2. Harari, Y. N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow* / Yuval Noah Harari. – Harper, 2017. – 464 p.

REFERENCES

1. Goldsworthy, D. (2020). The future of legal education in the 21st century. *Adelaide Law Review*. (41), 243–265. (In Engl.).
2. Harari, Y.N. (2017). *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Harper, 2017. (In Engl.).

Поступила 18.10.2021

CURRENT CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF HIGHER LEGAL EDUCATION

I. VEGERA

The article discusses the problem of improving the quality of legal education and its compliance with modern challenges arising in the context of the development of the information society. The main trends and processes that need to be considered in the organization of higher legal education, and as a result, new requirements are presented to the training of a lawyer in modern conditions, in particular to the educational process and the content of educational programs. Such characteristics of legal training, as flexibility and variability, interdisciplinary, multistage, continuity, profiling, personalization, innovative and scientific orientation, practical oriented legal education are considered. The need for adequate transformation of legal education using all the achievements of information technologies is substantiated. The impact on the legal education of the trends in globalization and internationalization is investigated. Qualities of a lawyer have been defined, which come to the fore alongside classical professional skills.

Keywords: higher education, legal education, education quality, education development trends, digital society.

УДК 347.1(2/3)

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-109-113

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ ОБЪЕКТА ПРАВООТНОШЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ****Е.Н. ГЛАДКАЯ***(Центр государственного строительства и права**Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск)*

В статье проведен анализ основных теорий объекта правоотношения с целью установления возможности последующего использования полученных результатов в ходе реформирования подхода к определению объектов гражданских правоотношений в целом и вещных правоотношений в частности. Наибольшее внимание уделено таким теориям об объекте правоотношения, как монистическая и плюралистическая. Выделены их достоинства и недостатки. Критически оценена возможность их использования на современном этапе развития общественных отношений, обусловленном влиянием внедрения новых технологий. Отмечены отдельные особенности иных теорий об объекте правоотношения, которые в настоящее время являются малоприменимыми. Исследован законодательный опыт стран-участниц ЕАЭС в определении объектов гражданских правоотношений. Внесены предложения, направленные на развитие теории об объекте гражданского правоотношения.

Ключевые слова: объект правоотношения, теории объекта правоотношения, монистическая теория, плюралистическая теория, объект гражданского правоотношения, объект вещного правоотношения.

Введение. В современных условиях развития гражданских правоотношений, укрепления интеграционных процессов и становления экономики шестого технологического уклада все чаще поднимаются вопросы о необходимости изменения традиционных подходов к отдельным структурным частям гражданского права. Не исключением является его подотрасль – «Право собственности и другие вещные права». Так, развитие технологий дало толчок появлению новых объектов общественных отношений, определение правового статуса которых вызывает затруднение. В частности, в настоящее время остается неурегулированным вопрос об определении правового статуса объектов, созданных искусственным интеллектом. Причин тому нам видится несколько. Среди них устаревший подход к определению объектов гражданских правоотношений в целом и вещных правоотношений в частности. С целью реформирования названного подхода в рамках настоящего исследования основное внимание будет уделено наиболее распространенным теориям об объекте правоотношения – монистической и плюралистической теориям.

Основная часть. К сторонникам монистической теории объекта правоотношения относятся С.Н. Братусь, Д.М. Генкин, О.С. Иоффе, Я.М. Магазинер, Б.С. Никифоров, Г.Н. Полянская и др. Основное содержание указанной теории заключается в признании объектом правоотношения единственного «предмета», в качестве которого называется поведение субъектов.

Например, Я.М. Магазинер, а позднее О.С. Иоффе, под объектом правоотношения предлагали понимать то, на что оно направлено и что способно реагировать на его воздействие. Поскольку только поведение субъекта может тем или иным образом реагировать на такое воздействие, оно и признавалось объектом правоотношения. При таком изложении речь шла о поведении именно обязанного лица, так как права и обязанности, по мнению авторов концепции, создают модель поведения, которая обеспечивает определенное поведение обязанного лица по отношению к управомоченному. Обратим внимание, что смешение объекта и содержания правоотношения при таком подходе не предполагалось. Все потому, что под содержанием всякого правоотношения авторы понимали права и обязанности субъектов, исключая при этом поведение обязанного и управомоченного лица [1, с. 56–57]. Между тем, такой подход, по сравнению с иными концепциями об объекте правоотношения, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным следует отнести научно обоснованное понятие объекта и его определенность, в отличие от положений плюралистической теории. К отрицательным – само явление, выбранное объектом правоотношения, а именно поведение его субъектов. Согласно мнению Р.О. Халфиной, поведение неотделимо от личности гражданина, выступающего в качестве участника отношений от своего имени, либо представляющего определенное общественное образование [2, с. 212]. Иными словами, поведение субъекта помимо требований правовых норм, находится в прямой зависимости от его воли и сознания, а также ряда иных сопутствующих факторов. Таким образом, в монистической теории происходит смешение двух элементов правоотношения – его субъекта и объекта, что, по нашему мнению, не допустимо.

В юридической литературе высказываются мнения и о других недостатках указанной теории. А.И. Горбачева к ним относит: исключение поведения субъектов правоотношения из его содержания; отсутствие внимания к уже совершенному поведению без определения его места в структуре правоотношения; слиянием значений понятий объекта обязанности правоотношения и содержания обязанности, которым является будущее поведение обязанного лица; исключение из объекта правоотношения «вещи», как основного объекта правового регулирования [3, с. 2–3].

С нашей точки зрения, приведенные умозаключения как авторская позиция ученого могут иметь место, однако в полной мере с ними согласиться нельзя. Думается, что сторонники монистической концепции стреми-

лись разработать ее положения таким образом, чтобы они в равной степени были применимы ко всем видам гражданских правоотношений. В противном случае, не приходилось бы говорить об указанной концепции как о монистической. В этой связи необходимо отметить следующее. Не все гражданские правоотношения носят длящийся характер, по причине чего будущее поведение субъекта исключается из содержания обязанности, а значит, утрачивает свое значение для такого рода правоотношения. Согласимся с тем, что «вещь» является одним из наиболее важных и распространенных объектов гражданских правоотношений, но, что важно, не единственным. В таком случае, следует вспомнить и о других возможных объектах – работах, услугах, нематериальных благах и т.п. Между тем, такое расширительное толкование объекта правоотношения не сопоставимо с основным положением монистической теории – идеей единого объекта. Вследствие чего признание ее недостатком исключение вещи из объекта правоотношения считаем несостоятельным.

Относительно «совершенного поведения», позиция А.И. Горбачевой заключается в следующем: «...было бы неправильно считать, что поведение субъекта принимает реальную форму только в результате реализации субъектами своих прав и обязанностей. Общая социальная воля, воплощенная в юридическую форму во взаимосвязи с личной индивидуальной волей, определяет то самое должное поведение и возникает намного раньше правоотношения» [3, с. 2]. Мы признаем, что до начала правоотношения определенные факторы могут оказывать влияние на волю и сознание субъекта и, в конечном счете, формировать его должное поведение. Однако правовое значение для самого правоотношения такое поведение приобретает после его возникновения. Иными словами, поведение субъекта, сформированное до правоотношения, следует считать лишь предпосылкой должного поведения после установления правовых связей между его участниками.

К сторонникам плюралистической теории относятся М.М. Агарков, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, В.А. Белов, О.А. Красавчиков, О.Н. Садилов, Ю.К. Толстой и др. В основе плюралистической теории, в отличие от рассмотренной ранее, лежит идея сложного объекта. Таким образом, в зависимости от вида правоотношения к его объектам могут быть отнесены материальные и нематериальные блага, права, информация, поведение и действия субъектов, и даже их воля и сознание.

По мнению С.С. Алексеева, «объекты гражданских прав – это объективированные материальные и нематериальные блага, в отношении (по поводу) которых возникают гражданские права и обязанности, складываются и действуют гражданские правоотношения» [4, с. 51]. Схожей точки зрения придерживается В.А. Белов. Под объектами гражданских прав ученый понимает «материальные или нематериальные субстанции (блага), <...> предопределяющие природу и динамику складывающихся по их поводу отношений» [5, с. 68–69]. О.Н. Садилов к объектам гражданских прав наряду с материальными и нематериальными благами, относит деятельность по их созданию [6, с. 152]. В более поздних трудах О.С. Иоффе также можно найти положения об объекте гражданского правоотношения, приближенные к плюралистической теории. Так, в учебнике «Советское гражданское право», датируемом 1967 г., ученый приходит к выводу о том, что: «...у гражданского правоотношения имеется юридическое, волевое и материальное содержание» [7, с. 216]. При этом, по мнению О.С. Иоффе, юридическим объектом такого правоотношения является «поведение обязанного лица, на которое вправе притязать управомоченный», под волевым – «воля носителей гражданских прав и обязанностей», а под материальным объектом – «тот объект, которым обладает лежащее в его основе и закрепляемое им общественное отношение» [7, с. 216–217].

Обратим внимание на достоинства и недостатки плюралистической теории. В первую очередь, отметим отсутствие единства мнений у сторонников данной теории по поводу определения объекта правоотношения. Так, М.М. Агарков в разные периоды определял объект права и как «то, на что направлено поведение обязанного лица», и как «то, по поводу чего возникает правоотношение, что составляет предмет притязаний и обязанностей в правоотношении» [8, с. 498–499]. Н.Г. Александров под объектом правоотношения понимал то, по поводу чего правоотношение *устанавливается* [9, с. 117, 119]. Признавая содержанием правоотношения совокупность юридического, волевого и материального объектов, О.С. Иоффе само понятие «объект правоотношения» определял, как «то, на что направлено или на что воздействует гражданское правоотношение» [7, с. 216]. Ю.К. Толстой предлагает в определении объекта правоотношения «...исходить из того, что всякое правоотношение выступает в качестве посредствующего звена между нормой права и тем фактическим общественным отношением, на которое норма права воздействует как на свой объект» [1, с. 49].

По нашему мнению, надлежащим образом сформулированное понятие «объект гражданского правоотношения» будет способствовать определению его сущности, роли и места в гражданском праве, что в дальнейшем позволит избежать распространения не разделяемой нами теории о безобъектных правоотношениях, к приверженцам которой, в частности, следует отнести С.Н. Братуся и Г.Н. Полянскую [10, с. 85]. Необходимо отметить, что в настоящее время указанная теория получила развитие в трудах отдельных зарубежных ученых. Так, например, С. Гостойич, Б. Милосавлевич, З. Коньович в своей совместной статье «Ontological Model of Legal Norms for Creating and Using Legislation» («Онтологическая модель правовых норм для создания и использование законодательства» – *Прим. автора*) отмечают, что «The elements of the legal relation (RelationElement) are a right (Right) and a duty (Duty)» («Элементами правоотношения (RelationElement) являются право (Right) и обязанность (Duty)» – *Прим. автора*) [11, с. 157]. Таким образом, с точки зрения указанных ученых, объекты не входят в структуру правоотношений, а, значит, последние следует рассматривать в качестве безобъектных.

В условиях постоянного развития общественных отношений под влиянием новых технологий, расширения межгосударственных связей и становления цифровой экономики, к несомненному достоинству плюрали-

стической теории следует отнести наличие сложного объекта правоотношения. Иначе говоря, с помощью положения исследуемой теории о сложном объекте гражданских правоотношений стало возможным показать все их многообразие, а последующая индивидуализация гражданских правоотношений по объекту обозначила необходимость разработки для каждого из них своих методов и способов правового регулирования. Следует отметить, что наряду с суждением о сложном объекте как о достоинстве плюралистической теории, мы находим в его применении и некоторые недостатки. Это проявляется в том, что ученые, изучая отдельные виды гражданских правоотношений, а, в частности, их объекты, не уделяют должного внимания формированию общего учения об объекте гражданского правоотношения.

В гражданском законодательстве стран-участниц ЕАЭС закреплён широкий перечень объектов гражданских прав, что позволяет судить о преимущественном применении положений плюралистической теории в современном гражданском правовом порядке. Так, согласно ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь¹ к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага. В ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан² объектами гражданских прав признаны имущественные и личные неимущественные блага и права. К имущественным благам и правам отнесены вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права и другое имущество; к личным неимущественным благам и правам – жизнь, здоровье, достоинство личности, честь, доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право на имя, право на авторство, право на неприкосновенность произведения и другие нематериальные блага и права. В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации³, к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. На основании ст. 22 Гражданского кодекса Кыргызской Республики⁴, к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; охраняемая информация, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), а также другие материальные и нематериальные блага. Статьей 132 Гражданского кодекса Республики Армения⁵ к объектам гражданских прав отнесены имущество, включая денежные средства, ценные бумаги и имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Интересно отметить, что система объектов гражданских прав практически каждой из представленных стран в период с 2008 по 2013 гг. претерпела изменения. Исключение составляет система объектов, закреплённая в Гражданском кодексе Республики Армения. Указанный факт свидетельствует о постоянном развитии гражданских правоотношений и невозможности применения к ним положений монистической теории. Таким образом, воспользовавшись тезисом И.А. Маньковского, следует констатировать «победу плюралистической теории объекта правоотношения» [12, с. 27].

Наряду с монистической и плюралистической теориями объекта правоотношения, в юридической литературе получила распространение ещё одна концепция, представителем которой, в частности, являлся С.Ф. Кечекьян. Названный учёный предлагал рассматривать объект права и объект правоотношения в совокупности, не разделяя указанные понятия, вследствие чего объект правоотношения утрачивал своё самостоятельное значение. Объект права С.Ф. Кечекьян определял как правовое господство по отношению к вещам, действиям обязанного или управомоченного лица и нематериальным ценностям. При этом учёный признавал существование только объекта субъективного права [13, с. 137–146]. Таким образом, обозначенная концепция, в части содержания объекта права, схожа с положениями плюралистической теории, однако полностью не повторяет её. Сделанный вывод основан на признании сторонниками концепции множественности объекта права, но не правоотношения.

Обратим внимание, что отдельные положения приведенной концепции претерпевают небезосновательную критику со стороны ряда учёных. С точки зрения Ю.К. Толстого, «возражения против категории объекта

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь / Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE», 2021. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218>.

² Гражданский кодекс Республики Казахстан / Информационно-правовая система «Әділет», 2021. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000>.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации / Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс, 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/0cc570be9e0effcaa271f91bc50df99791b6c774/.

⁴ Гражданский кодекс Кыргызской Республики / Централизованный банк правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4>.

⁵ Гражданский кодекс Республики Армения / Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2998.

правоотношения несостоятельны. Исследование результатов правоотношений не должно приводить к отказу от категории объекта правоотношения. Появление законченного результата правоотношения влечет за собой прекращение данного правоотношения, поскольку цель последнего достигнута. Между тем правоотношение выполняет служебную роль по регулированию общественных отношений как раз до тех пор, пока оно существует» [1, с. 50]. Мы разделяем подобное мнение и считаем несостоятельным лишение объекта правоотношения свойства самостоятельной категории гражданского права.

Помимо выше указанных концепций об объекте правоотношения в различных цивилистических источниках можно встретить попытки формирования иных позиций по данному вопросу. Однако, по нашему мнению, их следует признать малоприменимыми. Все потому, что основаны такие теории на положениях ранее приведенных концепций и представляют собой их измененный вариант, что позволяет сделать вывод об отсутствии научной новизны в таких теориях.

В юридической литературе имеют место теории, содержание которых основано на совокупности отдельных положений монистической и плюралистической теорий. Так, согласно определению объекта правоотношения В.Н. Протасова, под ним следует понимать объект интереса и объект правовой деятельности, где первым является благо, на которое направлен интерес управомоченного лица, а вторым – действия субъектов, которые связаны с указанными материальными и нематериальными благами [14, с. 79–106]. Приведенная точка зрения в большой степени соотносится с плюралистической концепцией, т.к. допускает множественность объектов правоотношения. Между тем, включение действий субъектов в перечень возможных объектов делает отсылку к положениям монистической теории. Таким образом, изложенная теория представляет собой сочетание двух основных концепций об объекте правоотношения.

Подобный подход к определению объекта правоотношения можно встретить в трудах белорусских авторов. В частности, С.Г. Дробязко и В.С. Козлов рассматривают объект правоотношения в двух аспектах. С одной стороны – как юридически значимые действия субъектов права, опосредующие своим правовым поведением тот или иной вид общественных, социально межличностных и иных отношений. С другой – как различные материальные (вещи, имущество, ценности и т.п.), нематериальные (жизнь, здоровье, достоинство, честь и т.п.) блага, продукты духовного творчества (произведения литературы, искусства, музыки, компьютерные программы и т.п.), а также сами действия субъектов или их результаты, на которые направлена реализация субъективных прав и юридических обязанностей их участников [15, с. 360–361]. Из указанного следует, что если В.Н. Протасов рассматривает блага и действия субъектов как равнозначные и существующие в одно время составляющие объекта правоотношения, то С.Г. Дробязко и В.С. Козлов – как его возможные объекты, в отдельности. Основывая свою позицию на взглядах В.Н. Протасова, полагаем, что действия субъектов, направленные на материальные или нематериальные блага, наряду с самими указанными благами, следует признать неотъемлемым элементом содержания объекта гражданского правоотношения.

Заключение. Результаты проведенного анализа основных теорий об объекте правоотношения могут быть положены в основу реформирования подхода к определению объектов гражданских правоотношений в целом и вещных правоотношений в частности. К основным выводам проведенного исследования относятся следующие:

1. Выделение равнозначных элементов объекта гражданского правоотношения из его содержания и рассмотрение их в отдельности не представляется возможным. Таким образом, объект гражданского правоотношения следует признать сложным элементом, а его составляющие целесообразно рассматривать в их единстве и взаимодействии.

2. Сложность объекта гражданского правоотношения, которая, в том числе, выражается в многомерности его содержания, в конечном счете, является основой возникновения многочисленных научных дискуссий по поводу его определения. В этой связи, для целей последующего изучения и установления элементов содержания объекта вещного правоотношения, а также для упрощения поставленной задачи, предлагаем при характеристике такого объекта определять его «фактическую» и «юридическую» стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения / Ю.К. Толстой. – Л. : Изд-во Ленингр. Ун-та, 1959. – 88 с.
2. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – М. : Юрид. лит., 1974. – 348 с.
3. Горбачева, А.И. Монистическая и плюралистическая теории объекта правоотношения / А.И. Горбачева // Евразийское научное объединение. – 2015. – № 6(6). – С. 96–99.
4. Гражданское право : учеб. / под ред. С.С. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 527 с.
5. Белов, В.А. Гражданское право. Общая и Особенная часть : учеб. / В.А. Белов. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.
6. Гражданское право : учеб. / под ред. О.Н. Садикова. – М. : Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2006. – Т. I. – 493 с.
7. Иоффе, О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – М. : «Юридическая литература», 1967. – 497 с.
8. Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
9. Александров, Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1955. – 176 с.
10. Во Всесоюзном институте юридических наук : выступления С.Н. Братуся, Г.Н. Полянской и др. // Советское государство и право. – 1950. – № 9. – С. 82–87.

11. Gostojić, S. Ontological Model of Legal Norms for Creating and Using Legislation / S. Gostojić, B. Milosavljević, Z. Konjović // ComSIS. – 2013. – Vol. 10, № 1. – P. 151–171. DOI:10.2298/CSIS110804035G
12. Маньковский, И.А. Гражданское право. Общая часть: в схемах : учеб. пособие / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 232 с.
13. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М. : Издательство АН СССР, 1958. – 185 с.
14. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. – М. : Юридическая литература, 1991. – 142 с.
15. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2005. – 464 с.

REFERENCES

- 1 Tolstoi, Yu.K. (1959). *K teorii pravootnosheniya [To the theory of legal relationship]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta. (In Russ.).
- 2 Khalfina, R.O. (1974). *Obshchee uchenie o pravootnoshenii [General doctrine of legal relationship]*. Moscow: Yurid. lit. (In Russ.).
- 3 Gorbacheva, A.I. (2015). Monisticheskaya i plyuralisticheskaya teorii ob"ekta pravootnosheniya [*Monistic and pluralistic theories of the object of legal relationship*]. *Evrasiiskoe nauchnoe ob"inenie*, 6 (6), 96–99. (In Russ.).
- 4 Alekseev, S.S. (2009). *Grazhdanskoe pravo [Civil law]*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
- 5 Belov, V.A. (2003). *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya i osobennaya chast' [Civil law. General and specific parts]*. Moscow: Tsentr YurInfoR. (In Russ.).
- 6 Sadikova, O.N. (2006). *Grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 1 [Civil law (in 2 vol., Vol. 1)]*. Moscow: Yuridicheskaya firma «KONTRAKT»: «INFRA-M». (In Russ.).
- 7 Ioffe, O.S. (1967). *Sovetskoe grazhdanskoe pravo [Soviet civil law]*. Moscow: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura». (In Russ.).
- 8 Agarkov, M.M. (1940). *Obyazatel'stvo po sovetскому grazhdanskому pravu [Obligation under Soviet civil law]*. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR. (In Russ.).
- 9 Aleksandrov, N.G. (1955). *Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve [Legality and legal relations in Soviet society]*. Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.).
- 10 Bratus', S. N., ... Polyanskaya, G. N. (1950). *Vo Vsesoyuznom institute yuridicheskikh nauk [At the All-Union Institute of Legal Sciences]*. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, (9), 82–87. (In Russ.).
- 11 Gostojić S., Milosavljević B., Konjović Z. (2013). Ontological Model of Legal Norms for Creating and Using Legislation. *ComSIS*, 10(1), 151–171. DOI:10.2298/CSIS110804035G.
- 12 Man'kovskii, I.A. (2014). *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' : v skhemakh [Civil law. General part: in diagrams]*. Minsk : Adukatyia i vykhavanne. (In Russ.).
- 13 Kechek'yan, S.F. (1958). *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve [Legal relations in a socialist society]*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.).
- 14 Protasov, V.N. (1991). *Pravootnoshenie kak sistema [Legal relationship as a system]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).
- 15 Droblyazko, S.G. & Kozlov, V.S. (2005). *Obshchaya teoriya prava [General theory of law]*. Minsk : Amalfeya. (In Russ.).

Поступила 26.05.2021

THE SIGNIFICANCE OF THE THEORY OF BELONGEST PROPERTY IN THE CONDITIONS OF THE INTRODUCTION OF NEW TECHNOLOGIES

E. GLADKAYA

The article analyzes the main theories of the object of legal relations, in order to establish the possibility of the subsequent use of the results obtained in the course of reforming the approach to the definition of objects of civil legal relations in general and real legal relations in particular. The greatest attention is paid to such theories about the object of legal relations as monistic and pluralistic theories. Their advantages and disadvantages are highlighted. The possibility of their use at the present stage of the development of social relations, due to the influence of the introduction of new technologies, is critically assessed. Some features of other theories about the object of legal relationship, which are currently of little use, are noted. The legislative experience of the EAEU member states on the definition of objects of civil legal relations has been studied. The proposals aimed at developing the theory about the object of civil legal relations have been made.

Keywords: object of legal relationship, theory of object of legal relationship, monistic theory, pluralistic theory, object of civil relationship, object of property relationship.

УДК 341/342.7

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-114-117

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАИЛУЧШЕГО ИНТЕРЕСА РЕБЕНКА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

В.В. ДОРИНА*(Полоцкий государственный университет)*

Статья посвящена обеспечению наилучшего интереса ребенка при реализации им права на образование. Уделяется внимание проблемам, связанным с реализацией этого права различными группами детей, в зависимости от их социального положения и этнического происхождения. Автор обращает внимание на реализацию исследуемого права в условиях пандемии COVID-19, в силу чего обострились проблемы гендерного неравенства, качества образовательных услуг, а также доступа к ним. Указывается необходимость определенных действий со стороны государства, в частности внесения изменений в учебные планы для приведения их в соответствие с рекомендациями Комитета по правам ребенка ООН с целью реализации права на образование ребенка с позиций обеспечения наилучшего интереса.

Ключевые слова: права ребенка, наилучший интерес ребенка, право на образование, права человека.

Введение. Значение права на образование в современном мире очевидно. Образование стирает границы, помогает формировать общества без дискриминации, способствует снижению социальной дифференциации и развитию научно-технического прогресса. Образование на всех уровнях, начиная с дошкольного, заканчивая системой послевузовского образования, обеспечивает формирование личности с активной гражданской позицией, способной внести вклад в социально-экономическое развитие государства, быть полезным обществу. Именно раннее образование закладывает основы формирования личности, в силу чего реализация ребенком права на образование является стратегической задачей государства.

Казалось бы, на сегодняшний день образованием охвачена большая часть населения земного шара, а развитие информационных технологий позволяет обучаться даже на расстоянии тысяч километров от учреждения образования, однако это далеко не так. До сих пор миллионы детей младшего школьного возраста не имеют возможности посещать школу. Более того, в свете последних событий в мире (пандемия, вооруженные конфликты, рост числа беженцев и т.д.) стало очевидно, насколько уязвимыми оказались определенные группы населения при реализации права на образование. Недаром качественное образование является одной из Целей устойчивого развития, которая заключается в обеспечении всеохватного и качественного образования для всех и поощрении обучения на протяжении всей жизни.

В рамках данного исследования обратимся к обеспечению наилучшего интереса ребенка при реализации права на образование. Что же такое образование в наилучших интересах ребенка?

Основная часть. Конвенция о правах ребенка 1989 г. призывает государства признать право на образование (ст. 28) и осуществлять это право на основе равных возможностей, в связи с чем следует вводить бесплатное и обязательное начальное образование, поощрять развитие среднего и профессионального образования, обеспечивать доступность высшего образования. Отдельное внимание уделяется методам, отражающим уважение человеческого достоинства ребенка. Рассматривать право на образование ребенка следует в увязке с основными принципами Конвенции, одним из которых является принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка. В соответствии с данным принципом образование должно отвечать определенным критериям. Согласно Замечанию общего порядка № 14 о праве ребенка на уделение первоочередного внимания обеспечению наилучших интересов ребенка, такими критериями является наличие доступа к качественному бесплатному образованию, неформальное образование, квалифицированные преподаватели и специалисты, благоприятная среда для учета интересов ребенка, разработка надлежащих методик преподавания и обучения¹.

Но так ли важен учет наилучших интересов ребенка в образовании? Не является ли сама возможность получить образование обеспечением наилучшего интереса?

На самом базовом уровне образование в наилучших интересах ребенка действительно означает, что ребенок имеет саму возможность получить образование. Образованный человек более востребован на рынке труда, эффективнее реализует право на здоровье, менее подвержен риску быть вовлеченным в преступную деятельность, участвует в экономической и политической жизни общества и государства. Образование способствует достижению гендерного равенства, повышению толерантности и формированию более мирных обществ. Однако образование с учетом наилучших интересов означает не просто получение образования, но и принятие во внимание индивидуальных особенностей каждого ребенка, обеспечение максимально комфортной среды для формирования личности, способной иметь свою точку зрения, развитие уникальных способностей, удовлетворение потребностей, индивидуальный подход.

¹ Замечание общего порядка № 14: о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка), 29 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Комитет по правам ребенка. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html>.

По мнению исследователей, современная школа не ставит основной целью продвигать наилучший интерес ребенка. Обеспечение наилучшего интереса стало основным принципом в праве и политике по отношению к детям – например, касательно вопросов опеки над ребенком, усыновления, охраны здоровья детей. Как ни странно, при осуществлении процесса образования наилучший интерес теряется в школьных правилах и политике практически во всех странах [1, с. 4]. Таким образом наблюдается разница между законом и практикой. Однако школа должна вовлекать ребенка в образование, предоставлять высококвалифицированных специалистов, программы, обеспечивать дружественную, безопасную среду и гарантировать равные возможности для образования. Малообеспеченные дети должны иметь те же возможности для реализации своего потенциала что и их более обеспеченные сверстники, отношение к неуспевающим ученикам должно быть таким же, как и к отличникам, необходимо прилагать максимальные усилия для обеспечения равенства возможностей детей с инвалидностью.

В исследовании, посвященном образованию в наилучших интересах, Р. Хоуи и К. Ковел [1, с. 11] для обеспечения наилучшего интереса ребенка в образовании предлагают реформы по трем направлениям: во-первых, создание и развитие условий для систем дошкольного образования (особенно это важно для малообеспеченных семей); во-вторых, качественное улучшение школы и класса (набор, обучение и удержание высококлассных специалистов, а также привлечение руководителей, которые видят потенциал в каждом своем ребенке без оглядки на положение семьи и возможности); в-третьих, в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, реформа должна послужить развитию школьной культуры и учету всех прав ребенка в процессе образования. Это послужит реализации наилучшего интереса ребенка и обеспечению положительного климата для обучения.

Обеспечение наилучшего интереса в образовании должно охватывать все группы населения. С проблемой реализации своих прав сталкиваются в первую очередь дети из малообеспеченных семей. Часто бедность пересекается с этническими проблемами. Афроамериканцы и латиноамериканцы в США, дети из коренного населения Австралии и Новой Зеландии, дети из Бангладеш и Пакистана в Великобритании, дети рома в странах Европы в большинстве случаев являются малообеспеченными. Однако они, как правило, оторваны от обучения не только из-за этого, но и вследствие дискриминации и культурных предубеждений.

По мнению В.Л. Кабанова, дискриминация детей из числа цыган в виде создания специальных школ (так называемая «сегрегация в обучении») подрывает реализацию принципа обеспечения наилучших интересов ребенка. Образование не справляется с функцией интеграции этнических меньшинств в общество, иногда виной тому государственная политика, а иногда – мнение родителей других учеников, противостоящих совместному обучению. Такие действия не позволяют выполнять постановления Европейского суда по правам человека, рекомендации договорных органов по правам человека [2, с. 233].

В Республике Беларусь проблема прав национальных меньшинств, с одной стороны, не так заметна, как в полиэтничных государствах. В своем периодическом докладе о реализации положений Конвенции о правах ребенка Республика Беларусь отметила, что граждане Беларуси, относящие себя к национальному меньшинству, имеют возможность изучать язык и литературу национального меньшинства, культуру и традиции своего народа.² Однако альтернативный доклад правозащитных организаций обозначил проблему с реализацией права на образование на родном языке. Например, польское меньшинство является вторым по численности в Беларуси и составляет около 294 тыс. чел., однако образование на родном польском языке получают только около 1% детей-поляков. Ограничивается также присутствие учителей-поляков, граждан Республики Польша, которые работают в общественных школах как волонтеры. Статистика по количеству детей, обучающихся на родном языке, в учреждениях образования непублична, недоступна для экспертов из гражданского сектора, в том числе для организаций национальных меньшинств³. Обучение, получаемое не на родном языке часто может вызывать непонимание материала ребенком, затрудняет усвоение программы, что ставит его в неравное положение с другими детьми и недопустимым образом обеспечивает его интересы. В связи с этим государствам следует принимать эффективные меры для реализации права на образование на родном языке, способствовать сохранению культурных традиций национальных меньшинств наравне с изучением государственного языка, истории и культуры.

Еще одной группой, которая находится в более уязвимом положении являются дети из числа мигрантов. Помимо проблемы доступа к образованию, вызывает вопрос и его качества.

Согласно Совместному замечанию общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав детей в контексте международной миграции, все дети, находящиеся в каком-либо государстве, в том числе не имеющие документов, удостоверяющих их личность, имеют право на получение образования, а также доступ к надлежащему питанию и доступному здравоохранению.⁴

² Объединенные пятый и шестой периодические доклады, представленные Беларусью в соответствии со статьей 44 Конвенции, подлежащие представлению в 2017 году, 18 марта 2019 г. [Электронный ресурс] : Комитет по правам ребенка. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsng3QhcRV0o18YEahXg1g0FT3Vp2Onjc9N8taDgeMr1OmCx00C%2Fxr5srUcpKkz%2F59dK%2B%2B5OD57C9JSVv2usQu8DZ%2F073X7gikGSSAk7mxNsU>.

³ Альтернативный доклад коалиции белорусских НПО о выполнении Республикой Беларусь Конвенции о правах ребенка, Минск 2019 г. [Электронный ресурс] // Белорусский Хельсинкский Комитет. URL: https://belhelcom.org/sites/default/files/by_alternative_report_crc.pdf.

⁴ Совместное замечание общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции, 17 ноября 2017 г. . [Электронный ресурс]. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsrMulHhdD50s6dX7ewCBgofxxT0l9nDrP0z0mv2jWNaopY4vAwpVtIDv0mxvKTEvFVHc9x6vUtpK5o6%2FisFu24SSi9d%2Bh8z42oEMN5AkCjc>

Исследователи выделяют следующие ключевые аспекты защиты прав детей-мигрантов в контексте наилучшего обеспечения интересов ребенка: требование к государствам разрабатывать комплексные межведомственные стратегии в сфере образования с участием органов по вопросам защиты детства; связь дискриминации в образовательной сфере с правом на жизнь и правом на здоровье; обеспечение доступа к образованию всем детям без дискриминации независимо от их миграционного статуса; учет гендерного аспекта в образовании детей из числа мигрантов [2, с. 247].

Решающее значение для реализации права на образование в наилучших интересах детей приобретает наличие определенных элементов для оценки проблем и приоритетов и обеспечения того, чтобы наиболее уязвимые слои населения не остались в стороне. Так называемые рамки 4 «А» («Availability», «Accessibility», «Acceptability», «Adaptability»)», в соответствии с которыми образование должно учитывать определенные взаимосвязанные и существенные особенности, которые продемонстрировали особую актуальность во время кризиса, связанного с распространением COVID-19:

- *наличие* (функционирующие учебные заведения, включая санитарно-гигиенические условия для мужчин и женщин и безопасную питьевую воду, а также квалифицированные преподаватели, учебные материалы, компьютерные и информационные технологии);

- *доступность* (учебные заведения и программы должны быть физически и экономически доступными для всех без какой-либо дискриминации);

- *приемлемость* (форма и содержание образования, включая учебные программы и методы обучения, должны быть приемлемыми для студентов и родителей);

- *адаптивность* (образование должно быть гибким и адаптироваться к потребностям меняющегося общества, реагировать на потребности учащихся в их различных социальных и культурных условиях).

С помощью цифровых технологий обеспечение всех четырех пунктов видится наиболее реальным. При отсутствии учебного заведения в определенной местности, а также физической невозможности посещать школу – онлайн-обучение обеспечивает равенство доступа к образованию. В Замечании общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой⁶ государствам рекомендовано «обеспечить наличие надлежащей инфраструктуры, позволяющей всем детям иметь доступ к основным услугам, необходимым для дистанционного обучения, включая доступ к устройствам, электричеству, Интернету, учебным материалам и профессиональной поддержке».

Использование дистанционных технологий в обучении уместно применять при реализации права на образование и обеспечении его наилучших интересов детьми с инвалидностью. Необходимо обеспечить доступ детей к инклюзивному образованию в интегрированных классах, для чего необходима подготовка и выделение необходимого числа специализированных преподавателей, предоставление ассистивных технологий и устройств, разработка индивидуальных учебных планов; и обеспечение разумного приспособления школьной инфраструктуры, мест для занятий спортом и отдыха, школьного транспорта и обучения. В таком случае образование будет соответствовать всем целям и принципам Конвенции о правах ребенка и обеспечивать наилучший интерес ребенка.

Переход на дистанционное обучение в связи с распространением COVID-19 показал возможность получения образования, не выходя из дома, однако помимо знаний школа дает и психологическую, и социальную поддержку, а некоторые группы детей имеют возможность получать питание только в школе. Необходимо также обратить внимание на риски, связанные с переходом на онлайн-образование детей, которым грозит цифровая изоляция или с особыми образовательными потребностями.

Зависимость от онлайн-инструментов дистанционного обучения для обеспечения непрерывности образования может усугубить неравенство. По данным ЮНЕСКО половина от общего числа учащихся (около 826 миллионов учащихся), которые не посещали школы в результате пандемии COVID-19, не имеют доступа к домашнему компьютеру, а 43% (706 миллионов) не имеют дома выхода в интернет. В связи с этим, следует соблюдать разумный баланс дистанционного и очного обучения.

Особенно остро в период пандемии обострились проблемы гендерного неравенства в образовании. Блокировка и разрыв связей с образовательными службами повысили риск бытового насилия и психосоциальных бедствий, сексуального и гендерного насилия, детских браков, детского труда, торговли детьми, вербовки и использования в вооруженных конфликтах. Основываясь на показателях после кризиса, связанного с эпидемией Эболы, по предварительным оценкам, около 10 млн девочек не вернутся в школу после их открытия.⁷

Вопросы гендерного равенства актуальны и в отсутствие кризиса. Девочки остаются одной из самых многочисленных групп, которым сложнее всего получить доступ к образованию. Примерно треть стран в развивающихся регионах не достигли гендерного паритета в сфере начального образования. В Океании, Западной Азии и странах Африки к югу от Сахары девочки по-прежнему сталкиваются с препятствиями при поступлении как в начальную, так и в среднюю школу. Такое неблагоприятное положение в сфере образования также приводит к затруднению доступа к профессиональной подготовке и ограничению возможностей для молодых женщин на рынке труда.

В странах, где доступ девочек к образованию не затруднен, интересы ребенка сталкиваются с другими проблемами. Часто школьные программы, учебники и материалы для подготовки учителей включают навыки,

⁵ Right to education: impact of the COVID-19 crisis on the right to education; concerns, challenges and opportunities, 15 June 2020 [Electronic resource] // Human Rights Council. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Education/A_HRC_44_39_AdvanceUneditedVersion.docx.

⁶ Замечание общего порядка №25: о правах детей в связи с цифровой средой, 2 марта 2021 г. [Электронный ресурс] // Комитет по правам ребенка. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en

⁷ Fry, L. Girl's education and covid-19 [Electronic resource] / L. Fry, P. Lei : Malala fund, 2020. URL: https://downloads.ctfassets.net/0oan5gk9rgbh/6TMYLYAcUpjhQpXLDgmdIa/dd1c2ad08886723cbad85283d479de09/GirlsEducationandCOVID19_MalalaFund_04022020.pdf.

отражающие гендерные стереотипы. Можно привести пример сексистского скандала, разгоревшегося в одном из учреждений дополнительного образования в Российской Федерации, где десятилетнюю девочку не взяли на кружок компьютерной анимации по причине пола ребенка. Кружок посчитали сложным для девочек, а группа была исключительно мужской. Руководитель сложившуюся ситуацию объясняла «естественной разницей полов» и девочке предложили кружок рукоделия. В Республике Беларусь до сих пор присутствует деление девочек и мальчиков на уроках трудового обучения, формирующего стереотипные представления о социальной роли в будущем. На занятиях девочек обучают кулинарии, вышиванию, шитью и другим вещам, традиционно ассоциируемым в Беларуси с «женскими» занятиями, а мальчиков – столярному мастерству. При этом у детей отсутствует право выбора занятий. Хотя Кодекс об образовании Республики Беларусь от 13 января 2011 г. одной из составляющих воспитания видит как раз «гендерное воспитание, направленное на формирование у обучающегося представлений о роли и жизненном предназначении мужчин и женщин в современном обществе» (п. 5.7., ст. 18), тем не менее далее деление на «мужские» и «женские» предметы закреплено на уровне Инструктивно-методических писем Министерства образования, в которых при организации учебного процесса предлагают разделить класс на две группы (девочки и мальчики).

Разделение учебных занятий «Трудового обучения» укрепляет гендерные стереотипы и закладывает в детей такую систему ценностей, при которой в будущем женщину будут воспринимать в первую очередь как домохозяйку, а ведь именно информация, полученная в рамках школьного образования, формирует будущие взгляды ребенка. Подобное же разделение является гендерной дискриминацией. До сих пор не включены в программу школьного образования вопросы сексуального и репродуктивного здоровья с упором на недискриминацию и сексуальные и репродуктивные права, а также вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

Если говорить о системе высшего образования, то и здесь есть место гендерной дискриминации. Например, контрольные цифры приема граждан в учреждения образования Республики Беларусь, в которых осуществляется подготовка кадров для Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, в 2021 году наглядно показывают, что девочке (женщине) получить военную специальность в 40 раз сложнее, чем мальчику (мужчине) (план набора на 2021 год – 694 человек, из них лиц женского пола 13 человек)⁸.

Заключение. Подводя итог, отметим, что образование должно соответствовать всем положениям Конвенции о правах ребенка, принципам недискриминации, уважению прав и достоинства ребенка, сохранению его индивидуальности, в таком случае право на образование будет реализовано исходя из наилучшего интереса ребенка. Учебная программа должна непосредственно учитывать социальные, культурные и экономические условия, в которых находится ребенок, его нынешние и будущие потребности, а также его изменяющиеся способности, методы преподавания должны соответствовать различающимся потребностям различных детей. Кажется целесообразным при внесении изменений в учебные программы, введении новых форм обучения с использованием информационно-коммуникативных технологий руководствоваться не только компетентным мнением педагогов, но и проводить онлайн-опросы детей, как непосредственных потребителей конечного продукта. Применять дистанционные формы обучения наравне с очным обучением, искать баланс и не заменять одно другим. Это означает образование в соответствии со всеми правами, закрепленными в Конвенции о правах ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Howe, R.B. Education in the Best Interests of the Child: A Children's Rights Perspective on Closing the Achievement Gap / R.B. Howe, K. Covell. – University of Toronto press, 2013. – 253 p.
2. Кабанов, В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву / В.Л. Кабанов. – М.: Экон-Информ, 2018. – 332 с.

REFERENCES

1. Howe, R.B. & Covell, K. (2013). *Education in the Best Interests of the Child: A Children's Rights Perspective on Closing the Achievement Gap*. University of Toronto press, (In Engl.).
2. Kabanov, V.L. (2018). *Realizatsiya principa nailuchshego obespecheniya interesov rebenka po mejdunarodnomu i nacionalnomu pravu*. Moscow: Ekon-Inform. (In Russ.).

Поступила 07.09.2021

THE RIGHT EDUCATION IN THE BEST INTERESTS OF THE CHILD

V. DORINA

The article is devoted to ensuring the best interest of the child and his right to education. Attention is paid to the problems associated with the implementation of this right by various groups of children, depending on their social status and ethnic origin. The author draws attention to the implementation of the law under study in the context of the COVID-19 pandemic, which has exacerbated the problems of gender inequality, the quality of educational services, as well as access to them. The need for certain actions on the part of the state is indicated, in particular, making changes to the curricula to bring them in line with the recommendations of the UN Committee on the Rights of the Child in order to realize the right to education of the child from the standpoint of ensuring the best interest.

Keywords: children rights, child's best interests, right to education, human rights.

⁸ Контрольные цифры приема граждан в учреждения образования Республики Беларусь, в которых осуществляется подготовка кадров для Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, в 2021 году. URL: <https://varb.mil.by/conditions/number/>.

УДК 341.987.2

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-118-121

**ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ УНИФИКАЦИИ ПОРЯДКА ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ****Д.А. ЗАЛЕССКИЙ***(Белорусский государственный университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0076-2203>

В статье анализируется проблема отсутствия на международном уровне достаточного регулирования, позволяющего обеспечить беспрепятственное приведение в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации, а также приводится возможный способ решения существующей проблемы путем приведения национального законодательства в соответствие с существующими рамочными международными документами.

Ключевые слова: медиация, мировое соглашение, приведение в исполнение, региональная интеграция, универсальная интеграция.

Введение. Отличительной чертой современного мира является его глобализация, которая обусловлена активным развитием экономических связей между всеми государствами, либерализацией торговли, а также созданием современных систем коммуникации, мировых технических стандартов и норм. Результатом глобализации является унификация всех без исключения сфер, в том числе и правовой, а предметом унификации зачастую выступают новые области правоотношений, непосредственно нуждающиеся в регулировании и ранее не подвергавшиеся унификации, либо области, необходимость правового регулирования которых стала объективно очевидной. Такой областью права в настоящее время является медиация, а если детальнее, то порядок приведения в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации.

В настоящее время помимо общеизвестной унификации на универсальном уровне, подразумевающей создание глобальных правовых институтов и механизмов, особую актуальность приобретает унификация на региональном уровне, вызванная наличием большого количества региональных интеграционных объединений, ставящих своей целью разрешение максимального количества задач правового регулирования за счет минимальных затрат¹. Несмотря на то, что медиация как альтернативный внесудебный способ разрешения споров в настоящее время активно набирает свою популярность, ее унификация ни на универсальном, ни на региональном уровне не достаточна для беспрепятственного получения сторонами медиации всех привилегий данной процедуры, что, в свою очередь, накладывает ограничение на добровольный выбор ее сторонами как способа разрешения спора.

Интеграция на универсальном уровне. Мировым сообществом в настоящее время наличие проблемы недостаточной унификации порядка приведения в исполнение мировых соглашений осознано, ввиду чего государствам предложена к подписанию и ратификации Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Сингапур, 2019) (далее – Сингапурская конвенция о медиации)². В настоящее время Сингапурская конвенция о медиации подписана 55 государствами, а ратифицирована и вступила в силу лишь для семи из них³. При этом Соединенные Штаты Америки, инициировавшие процедуру разработки указанной конвенции, в свою очередь, подписав ее, в настоящее время не ратифицировали. Для Республики Беларусь указанная конвенция вступила в силу. При этом Указом Президента Республики Беларусь от 02.08.2019 г. № 291 «О международном договоре» Министерство юстиции уполномочено на подписание Сингапурской конвенции о медиации со следующей оговоркой: «На основании статьи 8 Конвенции Республика Беларусь не применяет настоящую Конвенцию к мировым соглашениям, стороной которых она является или стороной которых являются любые правительственные учреждения или любое лицо, действующее от имени правительственного учреждения»⁴.

Относительно состава подписантов Сингапурской конвенции о медиации уместно обратить внимание на отсутствие среди них государств-членов Европейского союза. Представляется, что указанное обусловлено двумя факторами. Во-первых, отсутствием острой необходимости в участии в такого рода конвенции, ввиду наличия Директивы Европейского союза. Во-вторых, неопределенностью относительно того, будет ли являться чле-

¹ Калинин, С.А. О пределах правовой интеграции [Электронный ресурс] / С. А. Калинин // Электронная библиотека БГУ. URL: <https://law.bsu.by/pub/11/Kalinin25.pdf>.

² Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 год) («Сингапурская конвенция о медиации») [Электронный ресурс] : 20 дек. 2018 г. // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements.

³ Статус текстов: Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements/status.

⁴ О международном договоре [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 авг. 2019 г., № 291 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31900291&p1=1&p5=0>.

ном Сингапурской конвенции Европейский союз как региональная организация экономической интеграции или каждое государство-член Европейского союза как суверенное государство⁵.

Прямой механизм признания и приведения в исполнение мировых соглашений Сингапурской конвенцией о медиации не предусмотрен, а в п. 1 ст. 3 Сингапурской конвенции о медиации указано, что каждый ее участник приводит мировое соглашение в исполнение в соответствии со своими правилами процедуры и на условиях, изложенных в Сингапурской конвенции о медиации. Таким образом, процедура признания и приведения в исполнение оставлена на разрешение национальным правом государства, где испрашивается признание и приведение в исполнение. При этом противоречие такой процедуры условиям Сингапурской конвенции о медиации недопустимо. Указанное, с одной стороны, свидетельствует о рамочном характере самой конвенции, а, с другой стороны, предоставляет ее участникам автономию в области определения четкого порядка проведения процедуры приведения в исполнение мировых соглашений. В свою очередь отсутствие в определенном государстве установленной национальным правом процедуры признания и приведения в исполнение мирового соглашения исключает значимость самой конвенции при последующем приведении в исполнение мирового соглашения.

Наибольший интерес для анализа и наибольшие перспективы для будущей правоприменительной практики представляет ст. 5 Сингапурской конвенции о медиации, прообразом которой, очевидно, стала ст. 5 Нью-Йоркской конвенции⁶. Статья 5 Сингапурской конвенции о медиации, наравне с Нью-Йоркской конвенцией, разделяет отказ в признании и приведении в исполнение мирового соглашения по просьбе стороны такого соглашения, в отношении которой испрашивается исполнение (п. 1 ст. 5 Сингапурской конвенции о медиации) и отказ в признании и приведении в исполнение мирового соглашения по инициативе компетентного органа, в котором испрашивается такое приведение в исполнение (п. 2 ст. 5 Сингапурской конвенции о медиации).

В частности, по просьбе стороны в признании и приведении в исполнение может быть отказано в случае недееспособности стороны мирового соглашения (подпункт а) пункта 1 статьи 5 Сингапурской конвенции о медиации), если предоставление помощи будет противоречить условиям мирового соглашения (подпункт d) пункта 1 статьи 5 Сингапурской конвенции о медиации) нарушения медиатором стандартов проведения медиативной процедуры (подпункт е) пункта 1 статьи 5 Сингапурской конвенции о медиации), а также в иных случаях, предусмотренных пунктом 1 статьи 5 Сингапурской конвенции о медиации. Подпункты пункта 1 статьи 5 Сингапурской конвенции о медиации объединены одним общим критерием, а именно тем, что компетентный орган самостоятельно, без соответствующего заявления стороны, в отношении которой испрашивается исполнение, не может и не должен знать о наличии таких обстоятельств, влияющих на приведение в исполнение международного мирового соглашения. При этом представляется, что бремя доказывания наличия таких обстоятельств возлагается на сторону, сделавшую соответствующее заявление, а компетентный орган, в свою очередь, вправе определить, являются ли представленные стороной доказательства достаточными для отказа в признании и приведении в исполнение.

Пунктом 2 статьи 5 Сингапурской конвенции о медиации предусмотрено, что компетентный орган участника Сингапурской конвенции о медиации, в котором испрашивается помощь, может также отказать в предоставлении помощи, если он сочтет, что: предоставление помощи будет противоречить публичному порядку этого участника; или предмет спора не может быть объектом урегулирования посредством медиации в соответствии с законодательством этого участника. Иными словами, в случае, если приведение в исполнение мирового соглашения нарушит публичный порядок или положения национального права места, где испрашивается приведение в исполнение мирового соглашения, в таком действии может быть отказано. При этом компетентный орган наделен полномочиями самостоятельно определить наличие или отсутствие такого противоречия.

Сингапурскую конвенцию о медиации необходимо рассматривать в совокупности с Типовым законом ЮНСИТРАЛ «О международной коммерческой медиации и международных мировых соглашениях» 2018 года⁷ (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2018), в который в 2018 году были внесены изменения, касающиеся порядка приведения в исполнение международных мировых соглашений. В частности, в ст. 15 Типового закона ЮНСИТРАЛ 2018 прямо закреплено, что, если стороны заключили мировое соглашение, они вправе рассчитывать, что оно будет исполнено.

В совокупности Сингапурская конвенция и Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2018 в определенном смысле представляют собой Нью-Йоркскую конвенцию для медиации⁸, однако их радикальным отличием является то,

⁵ Iris Ng. The Singapore mediation convention: what does it mean for arbitration and the future of dispute resolution? [Electronic resource] / Iris Ng // Kluwer Arbitration Blog. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2019/08/31/the-singapore-mediation-convention-what-does-it-mean-for-arbitration-and-the-future-of-dispute-resolution/>.

⁶ Анищенко, А. Сингапурская конвенция о медиации: дубликат Нью-Йоркской конвенции или что-то особенное? [Электронный ресурс] / А. Анищенко, К. Гошко // Sorainen. URL: <https://www.sorainen.com/ru/publikatsii/zhurnal-yurist-singapurskaya-konventsiiya-o-mediatsii-dublikat-nyu-jorjskoj-konventsii-ili-chto-to-osobennoe/>.

⁷ UNCITRAL model law on international commercial mediation and international settlement agreements resulting from mediation, 2018 (amending the UNCITRAL model law on International commercial conciliation, 2002) [Electronic resource] // United Nations Commission on International Trade Law. URL: https://www.uncitral.org/pdf/english/commission/sessions/51st-session/Annex_II.pdf.

⁸ United States: Singapore considers amendments to its international arbitration act [Electronic resource] / C. I. Celniker [et al.] // Mondaq. URL: <http://www.mondaq.com/unitedstates/Litigation-Mediation-Arbitration/825242/Singapore-Considers-Amendments-To-Its-International-Arbitration-Act>.

что практика применения инструментов приведения в исполнение мировых соглашений в настоящее время отсутствует, а значит об их эффективности могут быть сделаны исключительно прогнозы, а не выводы.

Иные документы, унифицирующие на универсальном уровне порядок приведения в исполнение международных мировых соглашений, отсутствуют.

Интеграция на региональном уровне. В качестве попытки региональной унификации положений, касающихся приведения в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации и согласительном урегулировании, может быть отмечена Директива Европейского союза от 21.05.2008 г. № 2008/52/ЕС «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах»⁹ (Страсбург, 21.05.2008) (далее – Директива Европейского союза), которая закрепляет правовую основу для международного согласительного урегулирования и является на сегодняшний день первой и единственной попыткой глубокой региональной правовой унификации положений, касающихся приведения в исполнение международных мировых соглашений¹⁰. Участниками Директивы Европейского союза являются все государства-члены Европейского союза, за исключением Дании, а саму директиву, равно как и ее положения, трактуют не как строгий закон, применимый по всей Европе, а, скорее, как документ, излагающий политические принципы, которые должны соблюдаться государствами для обеспечения стабильности экономического развития ЕС¹¹.

Что касается приведения в исполнение соглашений, достигнутых в медиации, в п. 1 ст. 6 Директивы Европейского союза указано, что государства-члены должны гарантировать, что стороны спора будут иметь возможность ходатайствовать об исполнении содержания письменного соглашения, достигнутого в результате процедуры посредничества. Соглашение должно быть исполнено, если его содержание не противоречит праву государства-члена, в котором заявлено соответствующее ходатайство об исполнении, и, если право данного государства-члена предусматривает возможность его исполнения. Одновременно п. 2 ст. 6 указанной директивы предусмотрено, что содержание соглашения может быть приведено в исполнение судом или другим компетентным органом посредством постановления в соответствии с правом государства-члена, в котором подано ходатайство об исполнении.

Таким образом, Директива Европейского союза сама по себе не содержит единого механизма, регулирующего порядок приведения в исполнение мировых соглашений, ввиду чего вывод о том, что в Европейском союзе на региональном уровне проблема приведения в исполнение мировых соглашений решена, – неуместен¹². Напротив, поскольку вопрос процедуры исполнения мировых соглашений отнесен Директивой Европейского союза на национальный правовой уровень, а в ее ст. 12 указано на необходимость государств-членов ввести в действие законодательные, нормативные и административные положения, необходимые для выполнения положений указанной директивы, постольку процедура исполнения мировых соглашений определяется не Европейским союзом как региональным объединением, а каждым государством-членом самостоятельно, с учетом положений Директивы Европейского союза. При этом положения директивы ни коим образом не затрагивают ситуацию, когда одна из сторон мирового соглашения не является членом государства-участника Директивы Европейского союза¹³.

Таким образом, Директива Европейского союза в части приведения в исполнения международных мировых соглашений носит исключительно рамочный характер и строго ограничена своей территориальностью, что, в свою очередь, не позволяет считать ее эталонным региональным механизмом признания и приведения в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в согласительном урегулировании и медиации.

Иные инструменты, позволяющие на региональном уровне обеспечить надлежащее признание и приведение в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации и согласительном урегулировании, отсутствуют. Указанное свидетельствует о том, что исполнимость мировых соглашений на региональном уровне в настоящее время не может быть обеспечена должным образом на основании норм международного права.

Заключение. На основании изложенного уместно сделать вывод о том, что международное сообщество осознает проблему отсутствия унификации порядка приведения в исполнение международных мировых соглашений и предпринимает попытки ее решения унификацией соответствующих положений на универсальном и региональном уровнях.

Что касается унификации на универсальном уровне, Сингапурская конвенция о медиации, хотя и содержит четкий перечень оснований для отказа в приведении международных мировых соглашений, не предусматривает четкой единой процедуры приведения в исполнение мировых соглашений. Указанный вопрос положе-

⁹ Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters [Electronic resource] // Eur-Lex : access to Europ. Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:32008L0052>.

¹⁰ Koo, A. K. C. Enforcing international mediated settlement agreement [Electronic resource] / A. K. C. Koo // Victoria University of Wellington. URL: https://www.wgtn.ac.nz/_data/assets/pdf_file/0006/1186980/Koo.pdf.

¹¹ Phillips, F. P. The European directive on commercial mediation: what it provides and what it doesn't providers [Electronic resource] / F. P. Phillips // Business Conflict Management. URL: https://www.businessconflictmanagement.com/pdf/BCMpress_EUDirective.pdf.

¹² Iris Ng. The Singapore mediation convention: what does it mean for arbitration and the future of dispute resolution? [Electronic resource] / Iris Ng // Kluwer Arbitration Blog. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2019/08/31/the-singapore-mediation-convention-what-does-it-mean-for-arbitration-and-the-future-of-dispute-resolution/>.

¹³ EU: the impact of the EU mediation directive 2008/52/EC [Electronic resource] // Librallex. URL: <https://librallex.com/publications/the-impact-of-the-EU-mediation-directive>.

ниями конвенции отнесен на разрешение национального права государства ее участника, а, значит сама по себе ратификация Сингапурской конвенции о медиации, при отсутствии национально-правового регулирования, не решает проблему приведения в исполнение мировых соглашений, заключенных в медиации.

Единственной попыткой региональной интеграции по вопросу порядка приведения в исполнение международных мировых соглашений является Директива Европейского союза, поднимающая вопрос международных мировых соглашений, заключенных в рамках конкретного интеграционного объединения. Наравне с Сингапурской конвенцией о медиации, положения Директивы Европейского союза не содержат единого механизма приведения в исполнение международных мировых соглашений, оставляя указанный вопрос на разрешение национального права.

Таким образом, проблема приведения в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации, по-прежнему остается актуальной и не решенной ввиду отсутствия на международном, как универсальном, так и региональном, уровнях регулирования, обеспечивающего наличие установленного единого порядка приведения в исполнение международных мировых соглашений. В сложившейся ситуации наиболее распространенным и самым надежным способом приведения в исполнение остается обращение в суд в соответствии с правилами подсудности с исковым требованием о понуждении к исполнению мирового соглашения как гражданско-правового договора, что затратно по времени и ресурсам.

Позитивным в данном случае является тот, факт, что международное сообщество работает в заданном направлении, обращая внимание государств на наличие необходимости унификации соответствующего порядка. При этом окончательное решение названной проблемы возможно только путем консолидированных действий большого количества государств, направленных на реформирование национального законодательства путем его приведения в соответствие с международными рамочными документами, такими как Сингапурская конвенция о медиации.

Поступила 23.09.2021

THE ABSENCE OF UNIFIED ORDER OF INTERNATIONAL CONCILIATION AGREEMENTS ENFORCEMENT

D. ZALESSKIY

This article analyzes the problem of absence on international level enough legal regulation for unobstructed enforcement of international conciliation agreements, concluded in mediation, as well as contains the possible way of solving the problem through adjustment of domestic law with international framework.

Keywords: conciliation, conciliation agreement, enforcement, regional unification, universal unification.

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-122-125

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ СНГ

канд. юрид. наук **И.В. ШАХНОВСКАЯ**
(Полоцкий государственный университет)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8828-1091>

В статье рассматриваются вопросы определения сущности понятия «территориальные основы организации местного самоуправления», структура, представленная в виде различных уровней. Особое внимание уделяется последним изменениям в конституционном законодательстве государств-членов СНГ в области проведения реформы АТУ, проводится анализ национального законодательства данных государств в области построения территориальных основ местного самоуправления. Делается вывод о наличии нескольких тенденций в области формирования территориальных основ организации местного самоуправления в государствах-членах СНГ.

Ключевые слова: местное самоуправление, СНГ, территориальные основы, тенденции.

Введение. Актуальность исследования определяется проводимыми в государствах-членах СНГ реформами в области реформирования административно-территориального устройства, что оказывает влияние на формирование или изменение территориальных основ местного самоуправления. Цель исследования – определить особенности территориальной организации местного самоуправления в государствах-членах СНГ.

Основная часть. Территориальные основы местного самоуправления представляют собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих территориальную организацию местного самоуправления: 1) уровни административно-территориального устройства (три уровня в Беларуси и Италии, два уровня местного самоуправления существуют в Швеции, Дании, Нидерландах, один – в Литве и Эстонии); 2) виды территорий и категории населенных пунктов, в пределах которых осуществляется местное самоуправление; 3) порядок установления и изменения границ территорий, в пределах которых формируются органы местного самоуправления; 4) территории для осуществления форм непосредственного участия населения в местном самоуправлении (избирательные округа, участки проведения местного собрания или референдума, микрорайоны для формирования органов территориального общественного самоуправления); 5) порядок изменения границ и укрупнения АТЕ (Правительством, региональными органами государственного управления или населением на референдуме) [1, с. 234].

Существуют также упрощенные подходы к трактовке территориальных основ организации местного самоуправления и административно-территориального устройства, которые сводятся к тому, что, во-первых, в соответствии с АТУ строится система местных органов общегосударственной (правительственной) администрации, представляющих правительство, различные министерства и департаменты и иные организации, и во-вторых, АТУ определяет систему выборных органов местного (муниципального) управления.

В государствах-членах СНГ в настоящее время ставится важная задача осуществить реальное взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти. Важно создать механизмы, в том числе исходя из территориальной организации, наиболее полным образом обеспечивающий достижение диалога, реального доступа населения к решению вопросов общества и соответствующей территориальной единицы. Система органов местного самоуправления здесь построена на основе административно-территориального устройства государства. Территориальная организация местного самоуправления обобщенным образом представлена в виде территориальных уровней, в рамках которых предусмотрено право населения участвовать в решении местных вопросов самостоятельно или через избираемые им органы [2, с. 278].

В Российской Федерации местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, муниципальных и городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения, что регламентировано в ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. При этом последние изменения в законодательстве о местном самоуправлении закрепили на всей территории Российской Федерации двухуровневую систему организации местного самоуправления. Первый уровень – городские и сельские поселения, второй – городские округа и муниципальные районы.

В настоящий момент в отдельных государствах СНГ обозначилась тенденция к укрупнению муниципальных образований. К примеру, в Российской Федерации в 2017 г. данная тенденция «получила признание» на уровне федерального законодательства. Так, 3 апреля 2017 г. был принят Федеральный закон № 62 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Федеральным Законом предусматривается процедура объединения поселения с городским округом, сущность которой состоит в получении согласия населения поселения и городского округа, выражен-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 06.10.2003 г., № 131-ФЗ : в ред. Федер. закона от 24.04.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия. – М., 2021.

ного представительным органом соответствующих поселения и городского округа, а также с учетом мнения населения муниципального района. В последующем, на уровне Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» предусмотрена возможность объединения нескольких населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, в муниципальные и городские округа². Отдельные субъекты Федерации в скором времени отреагировали на данные изменения. В частности, в Тверской области в 2019 г. создан первый муниципальный округ. В Удмуртии такого рода укрупнения планируются в 2020–2021 годах, после окончания срока полномочий действующих органов местного самоуправления. Число муниципальных образований планируется сократить почти вдвое – с 333 до 180. Такие нововведения российского законодательства в целом не согласуются с нормами Конституции Российской Федерации, поскольку предусматривают, по сути, ликвидацию первичного территориального уровня местного самоуправления, который предусмотрен в ч. 1 ст. 131 Конституции Российской Федерации.

Если дать оценку причинам появления тенденции укрупнения муниципальных образований, то они направлены на оптимизацию территориальной организации органов местного самоуправления, что будет способствовать совершенствованию и повышению эффективности управления, сокращению административно-управленческого аппарата и затрат на его содержание, оптимизации расходов и созданию новой доходной базы бюджета, повышению инвестиционной привлекательности, развитию в целом хозяйственной, коммунальной и социальной инфраструктуры.

Согласно ч. 1 ст. 2-1 Закона Республики Казахстан от 23 января 2001 г. № 148-III «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» «местное самоуправление осуществляется отдельно в пределах области, района, города, района в городе, сельского округа, поселка и села, не входящего в состав сельского округа»³. Выборным органом местного самоуправления в Казахстане является маслихат. Местное самоуправление Казахстана весьма схоже с институтом местного самоуправления в Республике Беларусь в части приоритета общегосударственных интересов на местах, что понятно исходя из таких законодательных формулировок, как «на основе интересов государства», «исходя из общегосударственных интересов», «с учетом общегосударственных интересов». Так, в соответствии с ч. 1 ст. 86 Конституции Казахстана «местные представительные органы – маслихаты выражают волю населения соответствующих административно-территориальных единиц и с учетом общегосударственных интересов определяют меры, необходимые для ее реализации, контролируют их осуществление»⁴. На основе этих же принципов организована деятельность местных Советов депутатов в Республике Беларусь. В территориальном разрезе системы органов местного самоуправления как в Казахстане, так и в Республике Беларусь имеют схожую структуру, представляя собой вертикальные уровни построения и организации их деятельности.

Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине» определяет территориальные основы для организации местного самоуправления в Украине. Так, согласно ч. 1 ст. 5 Закона «система местного самоуправления включает: территориальную громаду; сельский, поселковый, городской совет; сельского, поселкового, городского голову; исполнительные органы сельского, поселкового, городского совета; районные и областные советы, представляющие общие интересы территориальных громад сел, поселков, городов; органы самоорганизации населения»⁵. В области территориальной организации местного самоуправления в Украине была проведена реформа по укрупнению территориальных громад. Продолжительность поэтапного ее проведения составила практически пять лет. Так, в 2015 г. был принят Закон Украины «О добровольном объединении территориальных общин»⁶. В соответствии с положениями данного Закона, соседние городские, поселковые, сельские советы получили право на объединение в одну громаду, в рамках которой создавался единый общий орган местного самоуправления. Следующим этапом территориальной реформы в Украине стало принятие Верховной Радой в 2020 г. новых основ территориальной организации громады, которые, в свою очередь, стали разделяться на городские, поселковые и сельские⁷.

Интересную территориальную организацию местного самоуправления имеет Узбекистан. Так, согласно ч. 1 ст. 1 Закона Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан» «органами самоуправления в поселках, кишлаках, аулах, а также в махаллях городов, поселков, кишлаков и аулов являются сходы граждан,

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федер. закон от 1 мая 2019 г., № 87-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия. – М., 2021.

³ О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Респ. Казахстан от 23 янв. 2001 г., №148-III : в ред. Закона от 27.12.2019 г., № 291-VI ЗРК // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1170.

⁴ Конституция Республики Казахстан (принята на респ. референдуме 30 августа 1995 г.) (с изм. и доп. по сост. на 23.03.2019 г.) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.

⁵ О местном самоуправлении в Украине [Электронный ресурс] : Закон Украины от 21.05.1997 г., № 280/97-ВР // IAC Консультант, 2021.

⁶ Про добровільне об'єднання територіальних громад [Електронний ресурс] : Закон України // Ведомости Верховной Рады (ВВР). – 2015. – № 13. – С. 91. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/157-19#Text>.

⁷ Про утворення та ліквідацію районів [Електронний ресурс] : Постановление Верховной Рады Украины // Ведомости Верховной Рады (ВВР). – 2020. – № 33. – С. 235. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/807-IX#Text>.

избирающие на 2,5 года председателя (аксакала) и его советников»⁸. При этом органы самоуправления создаются по территориальному принципу. Территории, на которых действуют органы самоуправления, определяются по предложению граждан хокимом района, города с последующим утверждением принятого решения соответствующим Советом народных депутатов, что вытекает из положений ст. 2 данного Закона.

Местное самоуправление Туркменистана является значимым институтом конституционного права. Об этом, в первую очередь, свидетельствует выделение данного конституционно-правового института в отдельную главу Конституции Туркменистана «Местное самоуправление». Территориально местное самоуправление в Республике осуществляется на уровне городов, поселков, сел, входящих в состав районов (этрапов). В самих же районах (этрапах), так же, как и в велятах (областях), действуют представительные органы государственной власти – халк маслахаты, избираемые населением. В соответствии со ст. 109 Конституции Туркменистана «в велятах, этрапах и городах в порядке, установленном законом, образуются местные представительные органы – халк маслахаты, члены которых избираются гражданами Туркменистана, проживающими в соответствующих административно-территориальных единицах». Следовательно, структурно халк маслахаты представляют собой вертикальную систему представительных органов в зависимости от административно-территориального деления государства: халк маслахаты городов; этрапов; велятов. Представительными органами являются генгешы. В соответствии с ч. 2 ст. 115 Конституции Туркменистана «генгешы являются представительными органами, члены которых избираются гражданами Туркменистана, проживающими в соответствующих административно-территориальных единицах»⁹. В соответствии со ст. 1 Закона Туркменистана «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства Туркменистана, присвоения наименований и переименования государственных предприятий, организаций, учреждений и других объектов» несколько сел, объединенных между собой, образуют генгешлик. Именно генгешлик территориально образует нижнее звено местного самоуправления.

Специфическую территориальную организацию местного самоуправления имеет Таджикистан. Это государство, в котором местное самоуправление не осуществляется на уровне всех административно-территориальных единиц в государстве, а, преимущественно, в поселках и селах. Так, в Законе Республики Таджикистан «Об органах самоуправления поселков и сел» определено, что органом самоуправления там является Джамоат¹⁰.

В Республике Беларусь представительным органом местного самоуправления является местный Совет депутатов. В соответствии с п. 3 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении» система Советов в Республике Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы¹¹. К областному территориальному уровню относятся областные и Минский городской Советы. Советы областного уровня являются вышестоящими по отношению к Советам базового и первичного территориальных уровней. К базовому территориальному уровню относятся городские (городов областного подчинения), районные Советы. Советы базового уровня являются вышестоящими по отношению к Советам первичного территориального уровня. Минский городской Совет обладает также правами Совета базового уровня. К первичному территориальному уровню относятся городские (городов районного подчинения), поселковые, сельские Советы.

В Республике Беларусь местное самоуправление создается в административно-территориальных единицах. В соответствующих единицах создаются и действуют также органы местного управления (исполнительные и распорядительные органы), территориально построенные аналогично Советам. Вертикальная территориальная организация органов местного самоуправления определяет систему подчиненности нижестоящих территориально Советов вышестоящим. Так, согласно ч. 2 ст. 122 Конституции Республики Беларусь «решения местных Советов депутатов, не соответствующие законодательству, отменяются вышестоящими представительными органами».

Заключение. Проводя анализ тенденций территориального развития местного самоуправления в государствах-членах СНГ, стоит констатировать две явно сложившиеся тенденции:

а) тенденция укрупнения муниципальных образований за счет включения менее крупных в состав более крупных по численности образований;

б) тенденция «дробления» территориальной организации местного самоуправления, что явилось следствием необходимости повышения реального доступа населения к решению общественно и государственно значимых вопросов на самом низшем уровне административно-территориального устройства.

Обобщая территориальную организацию местного самоуправления на уровне СНГ, следует отметить её многоуровневый характер, который непосредственным образом связан с принятым на законодательном уровне административно-территориальным устройством соответствующего государства. К примеру, в Республике Бе-

⁸ Об органах самоуправления граждан [Электронный ресурс]: Закон Респ/ Узбекистан от 14 апр. 1999 г., № 758-I // LexUz on-line.

⁹ Конституция Туркменистана (с изм. и доп. по сост. на 11.10.2017 г.).

¹⁰ Об органах самоуправления поселков и сел [Электронный ресурс]: Закон Респ. Таджикистан от 5 авг. 2009 г., № 549 : в ред. Закона от 04.04.2019 г., №1598 // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=28938.

¹¹ О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г., № 108-З: в ред. Закона от 18.12.2019 г., № 273-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000108>.

ларусь административно-территориальными единицами выступают область, район, город, поселок¹²; в Грузии – община, село, поселок, город, район и автономные образования¹³; в Республике Казахстан – область, город, район, село, поселок (аул)¹⁴; в Киргизии – область, район, город, поселок (аиль)¹⁵ и др.

Анализ законодательства государств-участниц СНГ позволяет сделать вывод о четко сформировавшейся тенденции к упразднению уровней административно-территориального управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституционное право зарубежных стран : учебник для К65 вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. – М. : Норма, 2004. – 832 с.
2. Муниципальное право России : учеб. / Под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 429 с.

REFERENCES

1. *Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran* (2004). Eds. prof. M.V. Baglay, prof. Yu.I. Lejbo & prof. L.M. Entin. Moscow: Norma. (In Russ.).
2. *Municipal'noe pravo Rossii* (2019). Eds. A.V. Yurkovski. Irkutsk: Irkutskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. (In Russ.).

Поступила 24.09.2021

TERRITORIAL BASIS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT ORGANIZATION IN THE CIS MEMBER STATES

I. SHAKHNOVSKAYA

The article discusses the issues of determining the essence of the concept of "territorial foundations of the organization of local self-government", the structure presented in the form of various levels. Particular attention is paid to the latest changes in the constitutional legislation of the CIS member states in the field of the ATU reform, an analysis of the national legislation of these states in the field of building the territorial foundations of local self-government is carried out. It is concluded that there are several trends in the formation of the territorial foundations of the organization of local self-government in the CIS member states.

Keywords: local government, cis, territorial bases, trends.

¹² Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г., № 154-З: в ред. Закона от 31.12.2014 г., № 229-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

¹³ Кодекс о местном самоуправлении [Электронный ресурс] : Органический Закон Грузии от 05/02/2014 // Законодательный Вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2244429?publication=55>.

¹⁴ О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 23 янв. 2001 г., №148-ІІ: в ред. Закона от 27.12.2019 г., №291-VІ ЗРК // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1170.

¹⁵ О местном самоуправлении [Электронный ресурс]: Закон Кыргызской Республики от 15 июля 2011 г., № 101: в ред. Закона от 08.08.2019 г., № 118 // Центральная комиссия по проведению выборов и референдумов Кыргызской Республики. URL: https://shailoo.gov.kg/ru/ZakonodatelstvoMyyzambar/ZakonyMyyzambar/O_mestnom_samoupavlenii/.

УДК 349.6

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-126-130

ПРАВОМОЧИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

канд. юрид. наук, доц. И.С. ШАХРАЙ
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9909-7532>

В статье анализируется правомочие распоряжения как элемент субъективного права природопользования. Рассматриваются предусмотренные законодательством Республики Беларусь способы распоряжения – добровольный отказ от осуществления права природопользования, ограничение доступа на предоставленный в пользование участок иных субъектов и осуществления ими общего природопользования, привлечение к осуществлению пользования иных лиц на основании гражданско-правовых договоров, предоставление земельных участков в аренду или субаренду и др. Делается вывод о необходимости систематизации в рамках отраслевого природоресурсного законодательства прав природопользователей по передаче части своих правомочий иным лицам. Автор отмечает, что в перспективе не только возможно, но и необходимо расширение правомочия распоряжения природопользователей, в том числе, путем развития института вторичного природопользования.

Ключевые слова: субъективное право природопользования, правомочие распоряжения, оборот природных ресурсов, вторичное пользование.

Введение. Содержание субъективного права природопользования охватывает совокупность прав и обязанностей природопользователей, направленных на удовлетворение их потребностей в извлечении полезных свойств природных ресурсов, которые реализуются пользователями с учетом специфики конкретных природных ресурсов, правовых форм природопользования, целевого назначения, а также иных ограничений, установленных законодательством. Права и обязанности природопользователей могут быть представлены также через триаду правомочий – владения, пользования, распоряжения [1, с. 196]. Объем этих правомочий предопределяется публичным значением природных ресурсов как составной части окружающей среды, основы социально-экономического развития; нахождением подавляющей части природных ресурсов в государственной собственности (именно государство как собственник, предоставляя другим лицам возможность владеть, пользоваться и распоряжаться природными ресурсами, устанавливает пределы реализации указанных правомочий [2, с. 39]).

В свете сказанного, правомочие распоряжения, являясь одним из элементов содержания субъективного права природопользования, согласно белорусскому законодательству весьма ограничено. При этом проблемы реализации природопользователями правомочия распоряжения в правовой науке изучены недостаточно (за исключением вопросов распоряжения земельными участками), что актуализирует проведение комплексного исследования, которое позволило бы обозначить векторы дальнейшего развития отраслевого природоресурсного законодательства.

Основная часть. Согласно п. 3 ст. 129 Гражданскому кодексу Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г.¹ (далее – ГК) «земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается» законодательством об охране окружающей среды, земельным и иным законодательством о рациональном использовании природных ресурсов, а исходя из п. 3 ст. 210 ГК, «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законодательством, осуществляется их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает права и защищаемые законом интересы других лиц».

Приведенные положения гражданского законодательства и их сопоставление с природоресурсными нормами дают основания для следующих выводов:

- возможность вовлекать земельные участки и иные природные ресурсы в оборот связана с реализацией собственником (в том числе, государством) или субъектом иных прав на природные ресурсы правомочия распоряжения;
- пределы оборотоспособности тех или иных природных ресурсов определяются специальным (природоресурсным) законодательством;
- природоресурсное законодательство может предусматривать специфические основания перехода земельных участков и иных природных ресурсов, прав на них, которые также будут охватываться понятием «оборот»;
- возможность реализации природопользователем распорядительных правомочий существенно ограничена не только закреплением отраслевым природоресурсным законодательством способов распоряжения (которые характеризуются разнообразием лишь применительно к землям и зависят от правовой формы землепользования), но и в значительной мере предопределяется публично-правовыми ограничениями, в частности, связанными с целевым характером пользования.

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Анализ природоресурсного законодательства Республики Беларусь показывает, что правомочие распоряжения в том или ином объеме входит в содержание субъективного права пользования всеми природными ресурсами. Это правомочие может быть реализовано в формах *добровольного отказа* от осуществления права природопользования; *ограничения доступа* на предоставленный в пользование участок иных субъектов и осуществления ими общего природопользования (такая возможность есть у землепользователей и обособленных водопользователей); с определенной оговоркой в этом контексте может рассматриваться *распоряжение продукцией*, полученной при осуществлении права природопользования, предоставленного на законных основаниях. Бесспорно, наиболее широкими распорядительными возможностями обладают субъекты прав на землю – с учетом сложившихся в Республике Беларусь правовых форм землепользования и общей направленности земельного законодательства постсоветского периода на развитие оборота земель. Переход права природопользования от одного лица к другому может осуществляться также при реорганизации юридических лиц (такое основание перехода права природопользования предусмотрено ст. 56 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г.² (далее – КоЗ), ст. 37 Кодекса Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г.³ (далее – КоН), ст. 54 Лесного кодекса Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г.⁴ (далее – ЛК)), в отношении земельных участков – при совершении сделок, переходе земельного участка по наследству, при отчуждении капитальных строений (зданий, сооружений), долей в праве на них.

Возможность отказаться от осуществления своего права является универсальным распорядительным правомочием природопользователей. В этой части отраслевое природоресурсное законодательство обладает значительным сходством, однако порядок реализации пользователем такого правомочия вызывает ряд вопросов.

В природоресурсном законодательстве Республики Беларусь можно найти примеры закрепления специальных правил прекращения права природопользования в связи с отказом от него. Так, согласно п. 4 ст. 53 ЛК при отказе от права лесопользования необходима подача лесопользователем письменного заявления государственному органу (организации), принявшему решение о предоставлении соответствующего права, а принятие решения о прекращении права лесопользования не требуется. Достаточно подробные нормы содержат ст.ст. 38, 39 КоН, из которых усматривается следующий механизм: недропользователь принимает решение о прекращении своего права и уведомляет об этом в письменной форме местный исполнительный и распорядительный орган, предоставивший геологический или горный отвод; через тридцать дней после уведомления право пользования недрами прекращается; указанный орган, в свою очередь, в письменной форме уведомляет о прекращении права недропользования Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь для исключения геологического или горного отвода из соответствующих государственных реестров.

Вместе с тем, в иных природоресурсных отраслях порядок прекращения права природопользования по этому основанию определен недостаточно четко. В частности, ст. 52 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года «О растительном мире»⁵ предусматривает общее правило (которое применяется, если иное не предусмотрено данной статьей) о прекращении права специального пользования объектами растительного мира по решению местных исполнительных и распорядительных органов, а также положение о том, что прекращение такого права вследствие отказа от него осуществляется на основании представленного в местный исполнительный и распорядительный орган заявления пользователя. Требуется ли в итоге принятие решения о прекращении права пользования растительным миром на основании заявления или, проведя аналогию с лесным законодательством, можно сделать вывод, что такое решение не требуется? Однозначного ответа законодательство не содержит. Статья 34 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г.⁶ (далее – ВК) также не закрепляет специальные нормы для рассматриваемого случая, ограничиваясь лишь общими положениями о прекращении права водопользования на основании решения органа, предоставившего данное право.

Можно было бы ожидать внесения ясности по указанным вопросам законодательством об административных процедурах, однако к последним отнесено принятие решений лишь одного вида – о прекращении действия разрешения на специальное водопользование в случае минования надобности, для принятия которого пользователь должен представить соответствующее заявление⁷. Остается только гадать, является ли отсутствие в

² Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-3 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

³ Кодекс Республики Беларусь о недрах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июля 2008 г., № 406-3 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

⁴ Лесной кодекс Республики Беларусь [Электрон. ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 дек. 2015 г., № 332-3 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

⁵ О растительном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 205-3 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

⁶ Водный кодекс Республики Беларусь [Электрон. ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 апр. 2014 г., № 149-3 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

⁷ Единый перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электрон. ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 17 февр. 2012 г., № 156 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021, п. 6.34; Перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электрон. ресурс] : утв.

перечне административных процедур иных решений (о прекращении по волеизъявлению пользователя права пользования объектами растительного и животного мира, обособленного водопользования) пробелом либо их принятие, действительно, не требуется.

Надо полагать, что недостаточная четкость норм, дающих возможность природопользователю распорядиться своим правом путем отказа от него, вряд ли повлечет серьезные практические проблемы или ущемит чьи-либо права, однако здесь мы видим пример недостаточно согласованных подходов и умаление значимости последовательного регулирования всех процедур, связанных с возникновением и прекращением права природопользования. Сказанное свидетельствует о необходимости системного анализа перечня управленческих решений, принимаемых в данной области, и выработки общих законодательных подходов при отнесении их к административным процедурам, что позволит усилить гарантии прав природопользователей и лиц, претендующих на предоставление им такого права.

Земельное законодательство предусматривает, что субъект права частной собственности может осуществить добровольную передачу земельного участка в государственную собственность (ст. 54 КоЗ) либо произвести отчуждение местному исполнительному комитету (ст. 51 КоЗ), следовательно, проблемы отказа от права на земельный участок заслуживают внимания не только с точки зрения процедуры принятия соответствующих решений, но и в контексте разграничения возмездного и безвозмездного вариантов. И здесь, к сожалению, приходится признать неизбежность произвольной трактовки многих норм на практике, поскольку вопрос о возможности возмездного отчуждения земельного участка государству отдается на субъективное усмотрение исполкома. Это создает коррупционные угрозы в сфере распределения земельных участков по льготным основаниям и определения их дальнейшей судьбы, а также делает собственника земельного участка бесправным участником отношений, связанных с реализацией им права отказаться от земельного участка, находящегося в частной собственности [3, с. 56-57].

Хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что для природоресурсного законодательства Республики Беларусь в целом характерно существенное ограничение оборотоспособности природных ресурсов и распорядительных правомочий природопользователей. Всегда ли это обоснованно? Природные ресурсы находятся преимущественно в государственной собственности, причем в значительной части – это исключительная собственность государства (на недра, воды, леса – ст. 13 Конституции Республики Беларусь⁸) либо «только собственность государства» (на значительную часть земель и объекты животного мира, обитающие в состоянии естественной свободы на территории Республики Беларусь – п. 1.2, 1.6 ст. 7 Закона Республики Беларусь «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства»⁹). Такой режим собственности означает наличие ряда ограничений, в частности, согласно ст. 8 названного Закона владение и пользование такими объектами осуществляются от имени государства уполномоченными государственными органами и иными государственными организациями, а их отчуждение возможно только в пределах республиканской и (или) коммунальной собственности, однако в случаях, предусмотренных законами или актами Президента Республики Беларусь, право собственности, аренды, безвозмездного пользования такими объектами могут приобретать негосударственные организации, иностранные государства, международные организации, физические лица.

Оставив за рамками рассмотрения предусмотренные земельным законодательством возможности, обеспечивающие переход прав на земельные участки (сделки с земельными участками и правами на них, переход прав на земельные участки в связи с переходом права собственности на строения, по наследству), отметим, что иные отрасли природоресурсного законодательства допускают оборот природных ресурсов лишь с участием государства (публичный оборот). Такой подход видится обоснованным применительно к тем способам распоряжения природными ресурсами, находящимися в государственной собственности, которые влекут переход права природопользования в полном объеме.

Вместе с тем, мы поддерживаем мнение Н.А. Шингель о том, что относительная «неправомерность» специальных природопользователей, которые «обычно лишены возможности предоставить другим лицам доступ к природным ресурсам в силу особенностей экономического оборота этих ресурсов», не всегда оправдана [4, с. 328]. По действующему законодательству Республики Беларусь возможности природопользователей влиять на обеспечение доступа к природным ресурсам других лиц невелики и проявляются в праве землепользователей и водопользователей, которым водные объекты (их части) предоставлены в обособленное водопользование, ограничивать осуществление общего природопользования в границах предоставленных им объектов (ст. 263 ГК, п. 12 ст. 31 ВК), а также в праве собственников и арендаторов земельных участков передавать зе-

Указом Президента Республики Беларусь, 26 апр. 2010 г, № 200 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021, п. 16.7-1.

⁸ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

⁹ Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 15 июля 2010 г., № 169-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

мельный участок во вторичное пользование (аренду или субаренду соответственно – ст.ст. 17, 47 КоЗ). Кроме того, вариантом предоставления доступа к земельному участку иным лицам является установление земельного сервитута (ст.ст. 19, 45 КоЗ).

Природоресурсные кодексы и законы, за исключением КоЗ, единодушно не предусматривают вариантов вторичного природопользования (предоставляемого не государством, а первичным пользователем), а в некоторых случаях прямо их запрещают. В частности, нормы о недопущении субаренды закреплены п. 8 ст. 46 ЛК, п. 4 ст. 32 ВК, п. 24 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты¹⁰, п. 22 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства¹¹. В наиболее общем виде подобный запрет сформулирован в КоН, согласно п. 3 ст. 30 которого недропользователь не вправе передавать предоставленное ему право пользования недрами иным лицам, что на практике трактуется как недопущение любых распорядительных действий, в том числе, заключения договора подряда на добычу полезных ископаемых с другой организацией¹².

Вместе с тем, возможность привлечения иных лиц к осуществлению пользования на основании гражданско-правового договора предусматривается лесным законодательством¹³ (правда, сфера применения таких договоров недостаточно четко усматривается из положений ЛК, в частности, не ясно, наделены таким правом лишь юридические лица, ведущие лесное хозяйство – на это есть прямое указание в п. 1.7 ст. 21 ЛК – либо оно имеется и у иных лесопользователей) и законодательством о животном мире (п.п. 27, 43 Правил ведения охотничьего хозяйства; п. 48 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства; п. 2 Правил добычи, заготовки и (или) закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства¹⁴). Такая тенденция заслуживает поддержки как с позиций постепенной передачи юридическими лицами, ведущими лесное, охотничье, рыболовное хозяйство пользовательских функций иным субъектам, так и с точки зрения расширения распорядительных правомочий «рядовых» природопользователей. При этом право государственной собственности на природные ресурсы не нарушается, поскольку на основании указанных гражданско-правовых договоров лишь оказывается услуга по заготовке тех или иных ресурсов, но не происходит переход права собственности на извлеченные ресурсы.

Примечательно, что право вторичного пользования не получило практического развития даже в предусмотренных земельным законодательством правовых формах, что обусловлено как проблемами правового регулирования, так и отсутствием заинтересованности у самих собственников и арендаторов в передаче временно неиспользуемых земельных участков в аренду и субаренду, соответственно [5].

Заключение. Проведенное исследование свидетельствует, что в рамках каждой из отраслей природоресурсного законодательства требуется систематизация прав природопользователей по передаче части своих правомочий иным лицам (к примеру, пределы реализации правомочий водопользователей размываются ввиду наличия в ВК нормы о запрете субаренды (ст. 32) и отсутствия подобных требований применительно к праву водопользования, возникшему по иным основаниям, а также закрепления открытого перечня прав водопользователей (ст. 36)). Кроме того, законодательством далеко не всегда определена форма реализации природопользователем распорядительных правомочий. Так, если земельное законодательство применительно к закрепленным им вариантам вторичного пользования (аренда земельных участков, находящихся в частной собственности, субаренда, земельные сервитуты) предусматривает договорной порядок, то способ выражения обособленными водопользователями согласия на доступ и пользование предоставленными им водными объектами не определен.

Полагаем, что расширение правомочия распоряжения природопользователей не только возможно, но и необходимо (в частности, путем развития института вторичного пользования, основанного на предоставлении того или иного объема прав самим природопользователем иным лицам). Вместе с тем, эта проблема требует детальной научной проработки, в том числе, с учетом предъявления особых требований к природопользователям (наличие технических возможностей, квалификационных и др.) по многим видам пользования.

¹⁰ Правила ведения охотничьего хозяйства [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Республики Беларусь, 21 марта 2018 г., № 112 «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства» (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

¹¹ Правила ведения рыболовного хозяйства и рыболовства [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Республики Беларусь, 8 дек. 2005 г., № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ею» (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

¹² Решение хозяйственного суда Могилевской области от 27.05.2011 (дело № 133-3/2011) [Электрон. ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021; Черняк, М. В. Правомерно ли заключение организацией, имеющей акт на горный отвод, договора подряда на добычу полезных ископаемых с другой организацией? [Электрон. ресурс] / М. В. Черняк // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

¹³ Типовая форма договора на оказание услуг по проведению лесохозяйственных мероприятий и лесопользованию [Электрон. ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 20 марта 2019 г., № 181 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

¹⁴ Правила добычи, заготовки и (или) закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства [Электрон. ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 июня 2006 г., № 699 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринчук, М.М. Экологическое право (право окружающей среды) : учеб. для высш. юрид. учеб. заведений / М.М. Бринчук. – М. : Юрист, 1998. – 688 с.
2. Елисеев, В.С. О соотношении права собственности на природные участки и права собственности на содержащиеся в них природные ресурсы / В.С. Елисеев // Вестн. образоват. консорциума Среднерус. ун-т. Сер. Юриспруденция. – 2015. – № 6. – С. 38–42.
3. Шахрай, И. Правовой режим земельных участков, предоставленных гражданам для строительства и (или) обслуживания жилого дома: некоторые проблемы / И. Шахрай // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 4. – С. 56–57.
4. Шингель, Н.А. Актуальные вопросы реализации права на доступ к природным ресурсам / Н.А. Шингель // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализация в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – Т. 3. – С. 324–330.
5. Шахрай, И.С. О перспективах развития правовых форм вторичного землепользования [Электронный ресурс] / И.С. Шахрай // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. Междунар. заочн. науч.-практ. конф., Могилев, 24 мая 2019 г. / УО «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И.А. Демидова [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. – С. 408–413. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

REFERENCES

1. Brinchuk, M.M. (1998). *Ekologicheskoe pravo (pravo okruzhayushchej sredy)*. Moscow: Jurist. (In Russ.).
2. Eliseev, V.S. (2015). O sootnoshenii prava sobstvennosti na prirodnye uchastki i prava sobstvennosti na sodержashchiesya v nih prirodnye resursy. [On the ratio of ownership of natural sites and ownership of natural resources contained in them]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Seriya YUrisprudence*. [Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Jurisprudence], (6), 38–42. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Shakhrai, I. (2016). Pravovoj rezhim zemel'nyh uchastkov, predstavlenykh grazhdanam dlya stroitel'stva i (ili) obsluzhivaniya zhilogo doma: nekotorye problemy. [Legal regime of land plots provided to citizens for the construction and (or) maintenance of a residential building: some problems]. *YUsticiya Belrausi. [Justice of Belarus]*, (4), 56–57. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Shingel, N.A. (2016). Aktual'nye voprosy realizacii prava na dostup k prirodnym resursam. [Topical issues of the implementation of the right to access natural resources]. In *Konstitucionnye prava i svobody: problemy interpretacii i realizacii v nacional'nyh pravovyh sistemah. [Constitutional rights and freedoms: problems of interpretation and implementation in national legal systems]*. In 3 vol. I.V. Vegera (eds). Novopolotsk : PSU. Vol. 3, 324–330. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Shakhrai, I.S. (2019). O perspektivah razvitiya pravovyh form vtorichnogo zemlepol'zovaniya. [On the prospects for the development of legal forms of secondary land usage]. In *Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve. [Legal culture in modern society]*. I.A. Demidova (eds). Mogilev, 408–413. (In Russ., abstr. in Engl.).

Поступила 15.09.2021

AUTHORITY TO DISPOSE OF NATURE USERS: SOME PROBLEMS

I. SHAHRAI

The article analyzes the authority to dispose as an element of the subjective right to natural resources usage. The methods of disposal provided by the legislation of the Republic of Belarus are analyzed, such as voluntary refusal to exercise the nature usage right, restricting access to a natural resource plot provided for use, attracting other persons to use it on the basis of a civil law contract, providing land plots for lease or sublease, etc. It is concluded that it is necessary to systematize, within the framework of the sectoral nature resource legislation, the rights of users of natural resources to transfer part of their powers to other persons. The author notes that in the future it is not only possible, but also necessary to expand the authority to dispose of nature users, including through the development of the institution of secondary nature usage.

Keywords: subjective right to natural resources usage, authority to dispose, turnover of natural resources, secondary usage.

УДК 340

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-131-135

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

*канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК**(Белорусский государственный университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3242-4647>

В статье исследуется отражение в традиционной культуре процессов возникновения и развития государственно-правовой системы. Рассмотрены мифы о происхождении власти, рождении ее носителей, источниках правопорядка, которые были широко распространены среди жителей древней Беларуси, их влияние на государственно-правовую реальность восточнославянских княжеств и Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: традиции, мифы, власть, государственность, правопорядок.

Введение. Изучение обстоятельств генезиса и становления государственности и права в Беларуси, формирования важнейших государственных институтов, влияние на их развитие локальных и глобальных факторов, в том числе изменений социально-экономических основ общества, невозможно без изучения политико-правовых концепций. Именно в них происходит как осмысление исторических закономерностей, воздействующих на общество сил, зарубежного влияния, так и формируется ответ на указанные вызовы, предлагается радикальная или умеренная программа модернизации государственных или правовых реалий.

Важнейшими элементами, развитие которых является маркерами, которые отражают приспособление общества к возникающим вызовам и по которым можно судить об успешной (или неуспешной) адаптации к ним государственных и правовых институтов, являются сущность и назначение власти и права, форма государства, место, роль и эффективность функционирования важнейших институтов, таких как глава государства, представительные органы и др. Изучение их отражения в политико-правовых концепциях на каждом этапе развития государственности Беларуси обеспечивает выявление закономерностей ее функционирования в условиях смены социально-экономических формаций, воздействия внешнего влияния.

Первым этапом, на котором можно наблюдать попытки осмысления еще только возникающих государственности и правопорядка, их формирования и развития под воздействиями внешних и внутренних факторов, является догосударственная история Беларуси. Генезис государственности, формирование права находили свое отражение в традиционных мифах. Однако исследование последних вызывает значительные трудности в связи с отсутствием аутентичных сборников мифологических текстов наподобие северогерманской Эдды. В результате современным исследователям достались лишь отрывки средневековых древнеславянских летописей и западных хроник, поучений против язычников и жития святых, авторы которых довольно механически включали элементы языческих мифов славянского и балтского населения сопоставляя их с ортодоксальным христианским мировоззрением и имевшимися у них представлениями об античном язычестве [1, с. 9]. Также о традиционном мировоззрении жителей древней Беларуси позволяют судить археологические находки из ареала славянского расселения (напр., Збручский идол и святилище на горе Богит, где он был найден, и др.), а также лингвистический и этнографический материал. Последний, однако, также не представляет собой сбор однозначных для интерпретации мифов, а подлежат отчитыванию и анализу с учетом современных представлений о мифотворчестве, или даже о сути человеческого мышления ввиду того, что сами этнографические образы представляют собой наслоения представлений множества поколений, результат ремесленного приспособления аутентичных и заимствованных понятий и образов для решения стоящих перед тем или иным обществом древности задач.

Если сбором этнографического материала, изучением и реконструкцией традиционной культуры славян и балтов, и, в том числе, жителей древней Беларуси занималось множество этнографов, историков культуры, то анализ ее влияния на становление политических и правовых институтов, их отражение в ней, ввиду крайней фрагментарности материала не получил должного изучения. Так, известнейший историк и археолог, знаток культуры древней и средневековой Руси, акад. Б.А. Рыбаков лишь затрагивает аспекты власти в ходе изучения языческой культуры славян и Древней Руси. Отдельные аспекты отражения в традиционной культуре вопросов власти и права прослеживаются в работах белорусских историков культуры С.И. Санько и А.В. Дзермана. В свою очередь российский ученый, член-кор. РАН, д.юр.н. Г.В. Мальцев посвятил ряд работ юридическим аспектам культуры славян в контексте культур иных цивилизаций древности. Несмотря на это, вопросы изучения взглядов древних жителей Беларуси на власть и право требуют дальнейшего изучения и анализа.

Основная часть. С первого этапа история белорусских земель определялась столкновением глобальных и локальных особенностей. К первым мы можем отнести общность индоевропейской культуры, постоянный приток все новых и новых потоков переселенцев на территорию Беларуси (балтов, славян), в разное время отколовшихся от общего «индоевропейского массива», интенсивное взаимодействие местного населения с окружающим миром (вплоть до экспансии варягов). Локальными факторами являлись особенности местного климатико-географического района, в том числе необходимость заселения обширных территорий Восточной Европы,

длительное сохранение сельской территориальной общины и общинного землеустройства. Участие древних жителей Беларуси в глобальных и локальных процессах породили уникальность местной государственной и правовой культуры, творческое преобразование ею общинноевропейских мифов.

Прежде всего это относится к распространенности легенд о жизни легендарного патриарха – основателя племени, от семьи которого и происходят местные племена. В данном случае можно упомянуть Скифа из «Легенд о Словене и Русе и городе Словенске», подобную легенду о Пане и его сыновьях Чехе, Лехе и Русе из чешских и польских летописей, или вариант из белорусских преданий о Бае (Буге, Бое) – первом человеке, один из сыновей которого – Белополь – предок белорусов¹ [2, с. 165–166]. Отражение переселения народов обнаруживается в белорусском предании «Палешукі і палевікі», которое рассказывает о междоусобице из-за наследства, вспыхнувшей между детьми прародителя, в которой не захотели участвовать младшие братья, отправившиеся вместе со своими семьями и скотом на поиск свободных земель и расселившиеся на территории Восточной Европы в её лесах и полях². Прибытие переселенцев и их взаимодействие с местным населением отражаются и в распространенности мифа о близнецах, которые пропав в заморских странах (возвращаются, восстанавливают свое доброе имя и принимают власть [2, с. 172]. Миф, показывающий приход (возвращение) чужеземцев (своих пропавших), облегчал, а с другой стороны и отражал, взаимодействие с последними, даже если они происходили из других племен. Так, из-за моря приходят братья Аскольд и Дир в Киев, Рогволод и Тур – в Полоцк и Туров, Рюрик с братьями – в Новгород. Таким образом, ассимиляция норманнов или правление Миндовга в Новогрудке во многом соответствовали традиционным представлениям местного населения, были в их глазах легитимными.

Мифы, в том числе переходящие в предания и сказки, описывают и отношения власти. Отметим, что долгое время атрибутами лидеров, восходящими, по мнению Б.А. Рыбакова, к палеолитическим временам, являлись звериные шкуры, способность оборачиваться зверями [3, с. 630]. И если в самые древние времена все племя сохраняло тесную связь с тотемическим животным (напр., запись Геродота о неврах, которые раз в год оборачивались волками [4, с. 747], то впоследствии возможность оборачиваться волком, связь с данным животным сохраняет лишь герой. Отметим, что именно к Беларуси относится множество сказок и преданий о волколаках³, с волком сравнивается и жених, и его дружина. В данном случае можно вспомнить и Всеслава Чародея, и героя сказок севера Украины и юга Беларуси Ивана Сучича (сучьего сына – сына собаки), Серого волка – помощника Ивана в многочисленных сказках. В России же распространен русский вариант – Ивана Коровьего сына (Иван-Кобылин-Сын, Иван-Коровий-Сын, Иван Быкович) [3, с. 614]. Да и в последствии волчьи шкуры длительное время становились отличительным элементом одяжения воинов на территории Беларуси и Польши⁴.

Преобладание мужчин в сфере властных отношений минимум вплоть до XX века сказалось на образе женщины в традиционной культуре. Так, она редко выступает главным деятельностным героем в преданиях, сказках, песнях. Чаще всего ее похищают, отдают в качестве дани, выдают против воли замуж. Её нужно найти, отбить, спасти. Становление патриархальных отношений исследователь традиционной культуры Б.А. Рыбаков связывает с бронзовым веком, что отражается в пантеоне верований. Он отмечает, что в земледельческом энеолите были только рожаницы; мужские божества начинают появляться в конце трипольской культуры, но занимают второстепенное место. «Для торжества идеи мужского божества, как Хозяина Мира, обязательным условием является полная победа патриархата. Где-то в бронзовом веке (может быть, в конце его, когда возросла роль земледелия), по всей вероятности, оформился принципиально новый, вытекающий из мировоззрения земледельцев, культ бога Вселенной – Рода» [3, с. 636]. Одним из примеров доминирования патриархальных отношений в традиционном обществе выступают и победы главного героя над Бабой Ягой и ее конным войском, змеями и т.п. Б.А. Рыбаков относит возникновение данных сказок к праславянской эпохе, к периоду борьбы местного населения с «женоуправляемыми» киммерийцами и сарматами (XI – VIII вв. до н.э.) [3, с. 620–621].

Показательным является и факт того, что если в период расцвета предгосударственного язычества на Збручском идоле (IX в. н.э.) присутствуют изображения Макоши, Лады, Дажьбога и Перуна, по версии ученых, слитых в форме фаллического идола, означавшего единое вселенское божество – Рода [4, с. 787], то уже в пантеоне князя Владимира, осуществившего религиозную реформу язычества накануне принятия им решения о крещении Руси, среди богов-мужчин присутствует лишь одна богиня Макошь, которую летописец ставит на последнее место, после даже священной собаки Симаргла. Данный факт свидетельствует об окончательно победившем на официальном уровне патриархате.

Данные факты тем более показательны, что древняя матриархальная вера в двух хозяек мира – рожениц, возникшая еще в период охотничьего общества, а затем уступившая первенство патриархальному Роду, будет встречаться вплоть до конца XIX в. н.э., а «женское божество, ассоциируемое с «мать-сырой-землей», с плодородной силой земли, жило и в языческой и в христианской форме (богородица, «матушка-владычица») как главный персонаж аграрного культа вплоть до XX в.» [3, с. 369]. Б.А. Рыбаков по данному поводу замечает, «в пер-

¹ Адкуль пайшлі беларусы // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – С. 78–79.

² Палешукі і палевікі // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – С. 79–81.

³ Волколак // Славянская мифология: энцикл. сл. – Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 87.; Воўк // Беларуская мифалогія: энцыкл. сл. / С. Санько [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 90.

⁴ Воўк // Беларуская мифалогія: энцыкл. сл. / С. Санько [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 90.

вобытной патриархальной среде и в условиях дружинного строя и государственности, когда власть принадлежала мужчинам, первичное женское божество утрачивало свое первенствующее положение и в генеалогии, и в действующей системе религиозных представлений. Создавалось новое, устойчивое распределение функций, которое схематически выглядит так: небом и миром управляет мужское божество, а уделом женского божества остается земля, земная природа, плодородие возделанной почвы. В связи с социальной стратификацией архаичное женское божество благодаря своей аграрной сущности остается главным народным божеством, а бог неба, небесный громовержец – богом вождей, царем богов и нередко супругом богини земли» [3, с. 369].

В традиционных источниках отражается и эволюция легитимации власти. Мифы о правителях как основателях-патриархах сменяются мифами о мудрых и храбрых правителях, избираемых народом. Так, в белорусском предании «Векавечная мяжа» кузнеца Радара избрали князем⁵, подобный сюжет мы находим и в Польше, где сын крестьянина Котышка Пяст становится родоначальником польских королей [3, с. 608]. Претензия на власть в случае с Радаром отражает как его мастерство, так и храбрость в сражении с Змеем, которого он побеждает, а затем запрягает в плуг и проводит границу владений – змеиные валы. Подобный сюжет в разных вариациях уже с охристианенными братьями-кузнецами Кузьмой и Демьяном⁶ или даже слитым в один персонаж Кузьмодемьяном повторяется в многочисленных украинских преданиях и сказках [3, с. 567] и отражает как переход от бронзы к железу, так и борьбу с кочевыми народами. Б.А. Рыбаков датирует возникновение богатырских эпосов и преданий о божественных кузнецах I тыс. до н. э., отмечая, что «наряду с героями царственного происхождения русский сказочный фонд содержит такие сказки-мифы, в которых герой происходит из деревни, царства не завоевывает, но Змея побеждает» [3, с. 637].

Если обратиться к периодизации становления властных отношений в обществе, предложенной д. ист. н., проф. О.И. Омельченко [5, с. 28–34], то власть патриархов отражает первый период генезиса власти – стадию социально-биологической иерархии организации власти, а период выборных мастеров-богатырей – следующий период – социально-культурной иерархии.

Очередной этап становления властных структур – надобщинная властная организация – нашел свое отражение в преданиях о любимцах богов, которые хитростью, смекалкой, а то и силой приобретают власть. Так, своеобразная версия выборов правителя отражена в предании о Витовте, в котором представления о реальной исторической личности наложились на догосударственный миф: «Быў у Польшчы кароль-багатыр, да памёр. Як караля абабраць, адкедава? Вот што ўздумалі яны, усё начальства: – Акапіруем мы лошадзь багатырскую (прэжняга караля) у сядло і паложым меч і острыя копія і пусцім яго лошадзь у свет і будзем за ёю ўслед слядзіць, ідзе яна сабе абярэць ездака – таго крулем прызнаем. Слядзілі за лошаддзю, услед ехалі, а яе пусцілі, два месяцы за ёю слядзілі. Прыходзіць лошадзь у дзярэўню і пайшла прама з дзярэўні на гумно, і віў там старык абрыўкі за авінам. Лошадзь как ішла, пала перад старыком на калена. І падходзіць слядзіцелі ўслед за лошаддзю: стаіць лошадзь на каленках. Ну, яны казалі: — Ты наш круль-цар, цябе прызнала лошадзь і мы. Як ты абрыўкі віў, будзь круль Вітаўт»⁷. В данном предании выбор правителя определяется божественным провидением, которое соотносится с общеиндоевропейскими представлениями о конях как вещунах богов, дающих в том числе знак о получении власти⁸. В предании же о ранее упоминавшемся сыне Бая Белополе, последний хитростью приобретает обширные владения выпустив перед собаками птиц с разных морей, за которыми они и помчались, отмечая границы его владений⁹. Миф о «близнецах», также связывает власть с волей богов и качествами героев. Сам факт рождения однополых близнецов – уже сам по себе знак божьего благоволения. Затем они своими качествами, например, пройдя испытание изгнанием, приобретают власть. Данная эволюция отражает переход от родовой организации общества к соседским общинам, а затем и передачу власти от родовой знати к военачальникам – князьям. Последние были превознесены в условиях, когда грабеж был выгоднее производительного труда, и для защиты от нападений земледельцам было экономически целесообразно содержать профессиональных солдат [6, с. 47–49], в том числе из числа иностранцев.

Нарождающаяся военная демократия сразу же нашла свое место в сфере религиозных представлений. Так, исследователи связывают возникновение культа бога войны Перуна с протославянской эпохой и, в частности, с культурой шаровых амфор, «когда впервые обозначились черты военной демократии, военная напористость дружин, расселение, сопровождавшееся завоеванием и насильственным вторжением. Перун тогда был, очевидно, не столько богом оплодотворяющих туч, сколько Перуном-Грозой, грозным божеством первых племенных дружин, конных пастухов-воителей, вооруженных боевыми топорами, надолго ставшими символом бога грозы» [3, с. 438]. В эпоху Збручского идола (IX в. н.э.) Перун уже расположен на четвертом месте среди изображений божеств. В данном случае, упомянутая религиозная реформа Владимира также является показа-

⁵ Векавечная мяжа // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 82.

⁶ Кузьма-Дзям'ян // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 133–134.

⁷ Вітаўт // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 233–234.

⁸ Вітаўт // Беларуская міфалогія : энцыкл. сл. / С. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – С. 85–86.

⁹ Адкуль пайшлі беларусы // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 78–79.

тельной [4, с. 455]. Перун – бог княжеской дружины, – наконец возглавляет официальный пантеон, и, волей князя, отодвигает в сторону и изгоняет из него архаичного Рода, которого в виде культа предков поминают славяне еще долгие столетия и которого еще долго критикуют церковные идеологи, а равно Волоса (Велеса), «скотьего бога», бога богатства, урожая, бога простого народа. «Народные» боги не устраивают сформировавшуюся военную и жреческую элиту и изгоняются из официального пантеона. Таким образом, религиозная реформа Владимира стала отражением как окончательной победы патриархата, так и становления и укрепления княжеской власти. Б.А. Рыбаков отмечает и тот факт, что когда, после принятия христианства, описывалось свержение языческих идолов, то речь шла только об одном Перуне (Волос упомянут мимоходом); остальные боги вообще не удостоились внимания летописца [4, с. 788].

Историки отмечают тесную связь военной демократии с погребальным обрядом «соумирающих», когда вместе с племенными вождями и знатью осуществляется насильственное захоронение людей [3, с. 263]. Б.А. Рыбаков отмечает, что после захоронения «спутников» с жрецами-шаманами, которое практиковалось в охотничьем обществе, возрождение практики ритуальных насильственных захоронений произошло на рубеже бронзового века и было связано с усилением роли вождей пастушеских племен и возданием им посмертных почестей. Затем оно продолжилось и в тштинский и скифский период, упоминается Геродотом, подтверждается археологическими раскопками царских курганов в Украине и сохраняется вплоть до крещения Руси. Так, на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей языческое жертвоприношение князя Владимира Святославича 12 июля 983 г., изображен процесс жеребьевки для отбора жертв: «мече и жребьи на отроки и на девицы – на него же падет, того зарежем богом» [3, с. 264]. По одной из версий древний общеславянский термин «смерды» как раз и означал «соумирающих» слуг (от скиф. «мар» – убивать; рус., и укр. «мордовать» – убивать («замордован» – убит). Возможно, что слово «смерд» состоит из корня, обозначающего смерть, и предлога «с», связанного с коллективностью действия, как в словах «спутники» («совместно путешествующие»), «соседи» («совместно проживающие»), «соратники» и т.п. В этом случае «смерды» («съ-мерды») должно обозначать «совместно умирающих», «совместно приносимых в жертву» [3, с. 292].

Таким образом, ритуальные обычаи также отражали становление социальной дифференциации населения, подчеркивали возвышение князей и знати.

Для местной традиции характерны и мифы, отражающие дихотомию власти. Каждый из братьев-близнецов, получивших власть, избирает для себя отдельную сферу регулирования общественной жизни. Так, у пруссов прибывший «сын вдовы» Видевут со своим братом Бруненом наделяют соплеменников законами и разделяют между собой светскую и духовную власть. По мнению С. Санько, подобное разделение наблюдается и в Литве, где правят князь-кунигас и священник Криве-Кривайтис [2, с. 185]. Связь военного и жреческого отражена и в созвучии во многих славянских языках слов «князь» и «жрец» (чешский: князь — kněz, жрец — kněz; польский: князь — książe, жрец — ksiądz). Само слово «кнес», «князек», по мнению Б.А. Рыбакова, происходит от древнего корня «кнѣ» – начало, основа [3, с. 173]. Затем идеи дихотомии власти повлияли на существование двоевластия Кейстута и Альгерда, Витовта и Ягайлы и даже продолжали существовать в формуле «Речь Посполитая обоих народов», хотя в последних случаях традиционное обоснование напрямую уже не использовалось [2, с. 185]. Возможно, данные традиционные представления, в том числе, препятствовали укоренению в ВКЛ принесенных извне и требовавших слияния властей идей, как цезарепапизм или папацезаризм.

Демократический элемент, который в летописное время найдет свое выражение в вечевых собраниях, также нашел отражение в традиционной культуре, о чем свидетельствуют сохранившиеся лексические термины. Так, собрания целого племени на большие празднества назывались «соборами» и «событиями» (от «со-бытия», совместного бытования). Практика же активного приглашения для участия в организованных князем требах горожан, в былинах превратившаяся в хлебосольные пиры, свидетельствовала о привлечении их к управлению государством и обеспечении противовеса наемной дружине [4, с. 430–432]. А «ритуальные пиры в честь Перуна и других богов могли быть своего рода расширенными заседаниями боярской думы» [4, с. 430].

Традиционные взгляды на право у жителей древней Беларуси, в свою очередь, отражают эволюцию взглядов от представлений о предвечном божественном законе (от древнеславянского «кон» (кун) – «начало», «граница» («предел») [7, с. 173]) к космическому «порядку» (вед. *ṛtā* «космический закон, который управляет вселенной и сферой человеческих отношений», авест. *aša* (*arta*) «справедливое, верное», блр. *парадак*, *рад* [8, с. 234; 7, с. 171]), который выражает, в том числе, общее согласие и согласие членов человеческого сообщества (корень «*ряд*» встречается в словах «*урад*», «*парада*», «*рада*», «*радзица*»). Последние значения отражают постепенное насыщение закона не только нормами, органически возникшими и вытекающими из экономической и иной деятельности, но и общепринятыми нормами, возникшими в результате договоров, обсуждений, соглашений.

Дальнейшая эволюция взглядов на право отражает все большее человеческое участие в формировании правовых норм. В своем обобщении ряда исследований балтийских и восточнославянских традиций А.В. Дерман отмечает: вместо логического противопоставления правого-левого, правого-неправого в славянских и балтийских языках иногда используется противопоставление правда-кривда, причем кривизна рассматривается как способность использовать божественные законы на благо человека и гарантирует путь к его процветанию. Последнее обстоятельство сказалось на специальной терминологии, относящейся к религиозной сфере: прус. *Krive* «Первосвященник», лит. *krivis*, *krivė*, *krivaitis*, лат. *krīvs* «священник», лит. *krivūlė*, *krivė* «согнутый на конце жезл священника; символ связанной определенной религиозной традицией территориально-соседской общины» и другие. [8, с. 236–237]. Возможно, эта связь отражала в мировоззрении людей постепенный переход от изна-

чального закона-правды, лежащего в основе обычаев, к государственному праву, которое все еще ссылается на традиции, но уже изменяется и провозглашается устами священников, все дальше и дальше отдаляясь от простых людей, становясь для них чужим.

Ещё одной местной особенностью, отличной от немецкого фатализма, стало позитивное отношение, высказываемое в традиционной культуре, к судьбе, на которую можно влиять и заставить служить человеку. В результате, нормы, возникшие у славян из солидарной экономической деятельности, в отличие от немецких народов, где они возникали для примирения кровавых распри и конфликтов, были менее сакрализированы [7, с. 203] и после прихода христианства дольше сохранялись в жизни народа, особенно в жизни крестьян.

Заключение. Таким образом, традиционная дохристианская культура на протяжении многих веков как оказывала влияние на функционирование государственной и правовой системы на белорусских землях, так и отражала основные изменения в становлении и развитии политических институтов. Особенности ее формирования стали результатом сочетания внешних и внутренних факторов, происходили на фоне смены экономического уклада жизни общества, геополитических изменений.

В традиционной культуре жителей Беларуси дохристианского периода отражены следующие черты:

- взгляды о переселении народов и первоначальном патриархальном характере власти;
- эволюция мифов о носителях власти: прародитель-патриарх, мастер-богатырь, любимец богов и сильный воин, что отражало развитие властных структур от социально-биологической и социально-культурной иерархий к надобщинному управлению;
- эволюция властных иерархий находила отражение в формировании религиозного пантеона и ритуальных практик, представлений о праве как результате согласования интересов, десакрализированных взглядов на право.

ЛИТЕРАТУРА

1. Szyjewski, A. *Religia słowian* / A. Szyjewski. – Kraków : Wyd. WAM, 2003. – 268 s.
2. Санько, С.І. Архаічныя беларускія міфалагічныя наратывы / С.І. Санько // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 1.: Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – С. 160–232.
3. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М. : Академический Проект, 2013. – 640 с.
4. Рыбаков, Б.А. Язычество древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Академический Проект, 2013. – 806 с.
5. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права : учеб. В 2 т. / О.А. Омельченко. – М. : Остожье, 1998. – Т. 1. – 512 с.
6. Новікаў, Я.У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). Том 1 / Я. Новікаў. – Мінск : Логвінаў, 2007. – 208 с.
7. Мальцев, Г.В. Культурные традиции права / Г.В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 608 с.
8. Дзерман, А.В. Архаічнае права і традыцыйная правасвядомасць / А.В. Дзерман // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 1.: Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – С. 232–241.

REFERENCES

1. Szyjewski, A. (2003). *Religia słowian [Religia Slavians]*. Kraków: WAM. (In Polish).
2. San'ko, S.I. (2008). Arkhaichnyya belaruskaya mifalagichnyya naratyvy. In *Gistoryya filasofskai i gramadskapalitychnai dumki Belarusi*. In 6 vol. Vol. 1. Epokha Syarednyavechcha. V.B. Evaroŭski (Eds). Minsk: Belaruskaya navuka. (In Belarus).
3. Rybakov, B.A. (2013). *Yazychestvo drevnikh slavyan [Religia Slavians]*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.).
4. Rybakov, B.A. (2013). *Yazychestvo drevnei Rusi [Paganism of the ancient Slavs]*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.).
5. Omel'chenko, O.A. (1998). *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava. [General history of state and law]*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Ostozh'e. (In Russ.).
6. Novikaŭ, Ya.U. (2007). *Vaennaya gistoryya belaruskikh zemlyay (da kantsa XII st.)*. Vol. 1. Minsk: Logvinaŭ. (In Belarus).
7. Mal'tsev, G.V. (2013). *Kul'turnye traditsii prava [Cultural traditions of law]*. Moscow: Norma : INFRAM. (In Russ.).
8. Dzerman, A.V. (2008). Arkhaichnae prava i tradytsynaya pravasyvadamost'. In *Gistoryya filasofskai i gramadskapalitychnai dumki Belarusi*. In 6 vol. Vol. 1. Epokha Syarednyavechcha. V.B. Evaroŭski (Eds). Minsk: Belaruskaya navuka. (In Belarus).

Поступила 11.10.2021

POLITICAL AND LEGAL THOUGHTS OF THE INHABITANTS OF ANCIENT BELARUS

D. SHCHERBIK

The article examines the relationship between traditional culture and the genesis of the state and legal system. The author describes myths about the origin of power, sources of law and order, which were widespread among the inhabitants of ancient Belarus, their influence on the state and legal reality of the East Slavic principalities and the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: traditions, myths, power, statehood, law and order.

УДК 340

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-118-121

**ПОНЯТИЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ****М.Н. ГУМИНСКИЙ***(Академия внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*

Рассматриваются вопросы определения понятия «оборот наркотических средств и психотропных веществ», проводится сравнительно-правовой анализ законодательства государств-членов СНГ в области регламентации данного понятия, определяется тенденция в определении оборота наркотических средств на уровне государств СНГ.

Ключевые слова: оборот наркотических средств, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, прекурсоры.

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки единого подхода к термину «оборот наркотических средств и психотропных веществ», что позволит восполнить пробелы в науке административного права, а также решить проблемы правоприменительной деятельности в части привлечения к ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств.

Основная часть. В науке административного права имеется ряд научных подходов в области определения понятия «оборот наркотических средств и психотропных веществ». Так, отдельными исследователями отмечается, что понятие «оборот наркотических средств и психотропных веществ» носит комплексный характер, поскольку находится под воздействием различных отраслевых правовых норм. К примеру, А.В. Жуйков отмечает, что «оборот наркотических средств регулируется нормами различных отраслей права, которые в ряде случаев бывают весьма противоречивы» [1, с. 54]. Схожую позицию занимает В.М. Еремеев, указывая на то, что «оборот наркотических средств и психотропных веществ – это объект регулирования правовых норм, обладающих различной юридической силой, которые достаточно часто противоречат друг другу» [2, с. 9].

На наш взгляд, такая позиция, безусловно, требует поддержки, поскольку институт оборота наркотических средств носит комплексный характер, в который включены нормы различных отраслей права. В частности, административного права (в части регулирования порядка проведения профилактических операций, разработки мер по борьбе с правонарушениями, установления административной ответственности), медицинского права (при установлении правил оборота наркотических средств в медицинских целях), информационного права (в части регулирования вопросов, связанных с использованием сети Интернет как средства для незаконного оборота наркотических средств), уголовного права (в области установления уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ) и др.

Законодательство Республики Беларусь содержит определение понятия «оборот наркотических средств и психотропных веществ». В настоящий момент Республика Беларусь является членом ряда интеграционных образований, одним из которых является СНГ. На уровне СНГ принято большое количество соглашений между государствами-участниками в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств. Так, базовое значение имеет модельный Закон СНГ «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» 2006 г.¹. Роль Модельного закона носит рекомендательный, образцовый характер и служит основанием для дальнейшего сближения национальных правовых систем государств-участников СНГ в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Модельный Закон предусматривает три вида оборота наркотических средств и психотропных веществ: гражданский, законный и незаконный.

Отметим, что национальное законодательство любого государства-члена СНГ состоит из двух блоков нормативных правовых актов, регламентирующих оборот наркотических средств и психотропных веществ: а) законодательство, регламентирующее законный оборот; б) законодательство, направленное на противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Отметим, что научная позиция исследователей относительно данных определений зачастую различается. К примеру, Н.Н. Цуканов придерживается позиции, согласно которой термины «законный оборот» и «незаконный оборот», принятые на уровне Модельного закона СНГ, требуют корректировки по причине изменяющихся реалий общественной жизни и правоприменительной деятельности [3, с. 69].

В настоящий момент основным нормативным правовым актом в области оборота наркотических средств является Закон Республики Беларусь 2012 года «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (далее – Закон о наркотических средствах). В соответствии со ст. 1 Закона о наркотических средствах под оборотом наркотических средств, психотропных веществ понимается культивирование (посев или выращивание) растений и грибов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, изготовление, производство, переработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, реализация, использование, отпуск (распределение) в организации здравоохранения, их структурные подразделения, ввоз, вывоз, транзит, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ².

¹ Модельный Закон СНГ о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах [Электронный ресурс]: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902050850>.

² О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 408-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Следовательно, обороту наркотических веществ присущ ряд признаков, к числу которых следует отнести следующие:

1. Деятельность уполномоченных законодательством органов по контролю за оборотом наркотических средств. Данный вид деятельности осуществляется на разрешительной основе и только на основании возникновения предусмотренных законодательством оснований. Как отмечает А.О. Астахова, такая деятельность имеет несколько административно-правовых режимов: режим хранения, режим перевозки, режим пересылки и т.д.

2. Деятельность в отношении только тех наркотических средств, которые разрешены в Республике Беларусь для оборота.

3. Субъектами оборота наркотических средств могут выступать только уполномоченные государством органы, деятельность которых контролируется государством. В Республике Беларусь к таковым относятся Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь и его структурные подразделения, а также иные органы государственного управления.

Проводя сравнительно-правовой анализ двух вышеуказанных определений стоит отметить развитие законодательства исходя из складывающейся правоприменительной деятельности. В частности, в редакции Закона о наркотических средствах 2012 г. дано законодательное понятие культивирования, определение дополнено таким действием, как отпуск в организации здравоохранения, а также исключено такое действие, как перемещение. На наш взгляд, исключение «перемещение наркотических средств» из новой редакции Закона о наркотических средствах разумно, поскольку данное действие по своему лексическому значению входит в понятие «пересылка» и исключает «утяжеление» понятие «оборот наркотических средств» в целом.

Следовательно, в понятие «оборот наркотических средств и психотропных веществ» включаются все действия, связанные с изготовлением, использованием и распространением наркотических средств и психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту, а также их уничтожение в установленном законодательством порядке.

Вместе с тем отметим, что законодательное определение «оборота наркотических средств» помимо того, что содержит в себе совокупность альтернативных действий, входящих в данное понятие, определяет стадийность оборота с момента его происхождения и до момента уничтожения. Каждой из законодательно установленных стадий присущи свои особенности, совокупность действий отдельных субъектов оборота.

На наш взгляд, оборот наркотических средств и психотропных веществ представляет собой разновидность правоотношения с присущими ему элементами структуры. Субъектами данного отношения выступают с одной стороны государственные органы, уполномоченные законодательством осуществлять контроль за законным потреблением наркотиков, а с другой стороны, учреждения здравоохранения, их структурные подразделения, научно-исследовательские центры и др. Объектом оборота наркотических средств и психотропных веществ являются определенные предметы (результаты) человеческой деятельности, поскольку любое наркотическое вещество представляет собой объект материального мира. Юридическим фактом, являющимся основанием для оборота наркотических средств, является возникновение обстоятельств, связанных с необходимостью их использования в медицинских, научных или исследовательских целях.

Для сравнения отметим, что согласно ст. 1 Федерального Закона Российской Федерации «О наркотических средствах и психотропных веществах» под оборотом наркотических средств и психотропных веществ понимается разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации³. Следовательно, законодательство Российской Федерации в понятие «оборот наркотических средств» включает меньшее количество действий, составляющих его понятие. В целом, федеральное законодательство Российской Федерации в сфере правового регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ на уровне науки признается достаточно прогрессивным. Однако имеются критические взгляды на отдельные аспекты правовой регламентации в данной сфере. В частности, А.Ю. Абрамов, Н.В. Косолапова, Ю.В. Михайлова обращают внимание, что данный Федеральный Закон оставил без внимания сильнодействующие вещества, существенное увеличение употребления которых наблюдается в последнее время [4, с. 12].

На наш взгляд, заслуживает внимание подход законодателя Республики Казахстан в области определения оборота наркотических средств. Так, в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими» установлено, что «оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров – разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Республики Казахстан виды деятельности, связанные с культивированием, сбором и заготовкой наркотикосодержащих растений, разработкой, производством, переработкой, ввозом, вывозом, транзитом, перевозкой, пересылкой, приобретением, хранением, распределением, реализацией, использованием, уничтожением наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров»⁴. По сравнению с законодательством Республики Беларусь и Российской Федерации данное определение можно считать наиболее усовершенствованным, поскольку понятие «оборота

³ О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: Федеральный Закон Российской Федерации от 08.01.1998 №3-ФЗ: в ред. Федерального Закона РФ от 26.07.2019 // Консультант. – М, 2021.

⁴ О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими [Электронный ресурс]: Закон Респ. Казахстан от 10 июля 1998 г., № 279-І: в ред. Закона Респ. Казахстан от 07.07.2020 г. № 361-VI // Законодательство Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1009806&doc_id2=2009806&activate_doc=2&pos=3;98&pos2=0;0.

наркотических средств» представлено в Законе через понятие «виды деятельности». Такая позиция исключает сложности толкования определенного действия (например, культивирование, переработка, производство, разработка и др.), поскольку предоставляет наиболее расширительное понимание «оборота наркотических средств», регламентировав его через различные виды деятельности. Кроме этого, само название данного Закона Республики Казахстан акцентирует внимание на его содержании, отражая основные ключевые аспекты, такие, как: а) правовое регулирование оборота наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов; б) правовое регулирование противодействию незаконного оборота наркотических средств. Законодательство Республики Беларусь в целях избегания в процессе правоприменительной деятельности сложностей в толковании того или иного вида деятельности, связанного с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, необходимо пойти по пути казахского законодателя в части определения понятия «оборота наркотических средств».

На основании вышеизложенного предлагаем внести изменения и дополнения в абз. 12 ч. 1 ст. 1 Закона о наркотических средствах и изложить норму в следующей редакции: «оборот наркотических средств, психотропных веществ – виды деятельности, связанные с культивированием (посевом или выращиванием) растений и грибов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, изготовлением, производством, переработкой, приобретением, хранением, перевозкой, пересылкой, реализацией, использованием, отпуском (распределением) в организации здравоохранения, их структурные подразделения, ввозом, вывозом, транзитом, уничтожением наркотических средств, психотропных веществ».

Интересная ситуация с законодательным определением оборота наркотических средств наблюдается в Туркменистане. В государстве до 2017 г. данное понятие не было регламентировано, а имелось в старой редакции Закона Туркменистана «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту» от 9 октября 2004 г. №238-II в виде определения понятия «незаконный оборот наркотических средств»⁵. В 2017 г. был принят новый Закон Туркменистана «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и противодействии их незаконному обороту» от 25 ноября 2017 г. № 654-V, в котором было введено определение понятия «оборот наркотических средств», схожее по своему содержанию с законодательством Республики Казахстан. Так, согласно данному Закону установлено, что «оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров – разрешённые и контролируемые в соответствии с законодательством Туркменистана виды деятельности, связанные с культивированием, сбором и заготовкой наркотикосодержащих растений, разработкой, производством, изготовлением, переработкой, хранением, отпуском, реализацией, распределением, приобретением, использованием, перевозкой, пересылкой, ввозом, вывозом, транзитом и уничтожением наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров». Таким образом, в законодательстве Туркменистана также применим более расширительный подход к определению данного понятия по сравнению с законодательством Республики Беларусь.

Определение «оборота наркотических средств» через понятие «видов деятельности» представлено также в украинском законодательстве. В соответствии с положениями ст. 1 Закона Украины «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» под оборотом наркотиков понимаются виды деятельности по: культивированию растений, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, разработке, производству, изготовлению, хранению, перевозке, пересылке, приобретению, реализации (отпуску), ввоз на территорию Украины, вывоз с территории Украины, транзит через территорию Украины, использование, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, которые разрешаются и контролируются согласно настоящему Закону⁶. Кроме этого в Украине в настоящий момент проводится политика усиления контрольных мер, связанных с обращением наркотических средств на территории государства, что обусловлено частыми случаями нарушения требований законодательства в сфере законного оборота наркотиков.

Анализ норм законодательства государств-участниц СНГ показал общую тенденцию к схожим подходам законодателя в области определения понятия «оборот наркотических средств и психотропных веществ», что в целом объясняется принятием на уровне СНГ модельного Закона и приведением в соответствие с ним национального законодательства стран-участниц.

При этом обратим внимание, что в понятие оборота наркотических средств в государствах-участниках СНГ имеются различные подходы в части включения (невключения) в него отдельных элементов. К примеру, в законодательстве об обороте наркотических средств Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Туркменистана и Республики Узбекистан в понятие «оборота» включены только наркотические средства и психотропные вещества. В Российской Федерации в понятие «оборота наркотических средств», помимо вышеуказанных, включены также и их аналоги. Стоит отметить прогресс по линии развития законодательства Республики Беларусь, который проявляется во включение в понятие оборота также и действий с прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ.

⁵ О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и противодействии их незаконному обороту [Электронный ресурс]: Закон Туркменистана от 25 ноября 2017 года №654-V // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=102378.

⁶ О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах [Электронный ресурс]: Закон Украины от 15 февраля 1995 года № 60/95-BP: в ред. Закона Украины от 17.06.2020 г. №720-IX // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9543.

Ряд зарубежных государств пошли по иному пути в сфере определения понятия оборота наркотических средств и психотропных веществ, установив нормы уголовной ответственности за ряд действий, составляющих незаконный оборот. Так, анализ ч. 1 ст. 354а Уголовного кодекса Болгарии позволяет сделать вывод, что в Болгарии под незаконным оборотом наркотических средств понимается производство, переработка, приобретение, распространение, хранение, перевозка или переноска наркотических средств без надлежащего разрешения⁷. При этом понятие «оборота наркотических средств и психотропных веществ» в государстве на законодательном уровне не определено.

Заключение. Под оборотом наркотических средств и психотропных веществ понимаются действия, связанные с производством, перемещением, использованием и уничтожением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в установленном законодательными актами и международными нормами порядке. В результате исследования обосновано, что оборот наркотических средств и психотропных веществ представляет собой правоотношение с присущими ему структурными элементами в виде субъекта, объекта, юридического факта и содержания прав и обязанностей сторон. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств-участников СНГ позволил установить схожую тенденцию в области определения оборота наркотических средств и психотропных веществ, что объясняется разработкой и принятием на уровне СНГ Модельного Закона в области оборота наркотических веществ. При этом ряд западных европейских государств вовсе отказались от данного понятия, установив в нормах уголовного законодательства ответственность за незаконный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуйков, А.В. Административно-правовые средства борьбы с наркоманией и их применение органами внутренних дел. (По материалам Дальневосточного региона) : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Жуйков. – Хабаровск, 2002. – 170 с.
2. Еремеев, В.М. Предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / В.М. Еремеев // Мир науки и образования – 2018. – № 1(13). – С. 8–14.
3. Цуканов, Н.Н. Модельный закон о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах: значение и пути совершенствования / Н.Н. Цуканов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 3(36). – С. 65–71.
4. Абрамов, А.Ю. Современное российское законодательство в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ / А.Ю. Абрамов, Н.В. Косолапова, Ю.В. Михайлова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2014. – № 3. – С. 9–14.

REFERENCES

1. Zhujkov, A.V. (2002). *Administrativno-pravovye sredstva bor'by s narkomaniy i ih primenenie organami vnutrennih del. (Po materialam Dal'nevostochnogo regiona)*. Khabarovsk, (In Russ.).
2. Eremeev, V.M. (2018). *Predmet prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkotikov, Mir nauki i obrazovaniya. (1)*, 8–14. (In Russ.).
3. Cukanov, N.N. (2019). *Model'nyj zakon o narkoticheskikh sredstvakh, psihotropnyh veshchestvakh i ih prekursorakh: znachenie i puti sovershenstvovaniya, Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, (3)*, 65–71. (In Russ.).
4. Abramov, A.Yu., Kosolapova, N.V., Mihajlova, YU.V. (2014). *Sovremennoe rossijskoe zakonodatel'stvo v sfere oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv, Problemy social'noj gigieny, zdравоохранeniya i istorii mediciny, (3)*, 9–14. (In Russ.).

Поступила 23.09.2021

THE CONCEPT OF THE TURNOVER OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, THEIR PRECURSORS AND ANALOGUES

M. HUMINSKY

The article discusses the definition of the concept of "trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances", provides a comparative legal analysis of the legislation of the CIS member states in the field of regulation of this concept, determines the trend in determining the trafficking of narcotic drugs at the level of the CIS states.

Keywords: turnover of narcotic drugs, narcotic drugs, psychotropic substances, analogues, precursors.

⁷ Уголовный кодекс Болгарии [Электронный ресурс]: 15.03.1968: в ред. Кодекса 2001 года // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1245689&subID=100109090,100109258,100109298,100109321,100109945#text>.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вегера С.Г., Вегера А.И. Управление национальным богатством для устойчивости экономического роста	2
Романова О.С. Теоретические основы формирования системы бухгалтерского учета деятельности по договору концессии	9
Богданова Е.В. Рынок труда в постиндустриальной экономике: глобальные вызовы и перспективы	14
Быков К.Р. Динамические и структурные диспропорции сбалансированности внешней торговли товарами текстиля ЕАЭС и Беларуси	19
Высоцкий С.Ю. Статистическая оценка экономической резильентности регионов Республики Беларусь	30
Герасенко А.В. Совершенствование инвестиционной политики белорусского государственного концерна пищевой промышленности на основе создания корпорации пищевой промышленности	36
Глинков Н.А. Факторы, влияющие на рыночную стоимость банка	41
Гулягина О.С. Развитие логистического потенциала национальных цепей поставок с целью их интеграции в глобальные цепи поставок	49
Дудан М.А. Продуктовая диверсификация как фактор реализации инновационной стратегии	53
Коротаев С.Л., Коротаев Д.С. Дроппинг: документальное оформление товарных операций	59
Солодовников С.Ю. Инструменты повышения межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к индустрии 4.0	67
Становская А.В. Методические особенности оценки уровня развития циркулярной экономики предприятия	72
Шаматувская Е.В. Экологическая устойчивость сельских территорий Витебской области	81
Янчук А.Л. Сравнительный анализ развития сферы интеллектуальной собственности в Беларуси и других странах ЕАЭС	85

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Боровик П.Л. Преступления, сопряженные с использованием средств электронных платежей: способы совершения и следовая информация	91
Бураков В.Н. Формирование принципов права на жилище в первые годы советской власти (1917 – 1922 гг.)	98
Вегера И.В. Современные вызовы и перспективы развития высшего юридического образования	103
Гладкая Е.Н. Сравнительный анализ основных теорий объекта правоотношения в контексте проблемы внедрения новых технологий	109
Дорина В.В. Обеспечение наилучшего интереса ребенка при реализации права на образование	114
Залесский Д.А. Проблема отсутствия унификации порядка приведения в исполнение международных мировых соглашений	118
Шахновская И.В. Территориальные основы организации местного самоуправления в государствах-членах СНГ	122
Шахрай И.С. Правомочие распоряжения природопользователей: некоторые проблемы	126
Щербик Д.В. Политическая и правовая мысль населения Беларуси в дохристианский период	131
Гуминский М.Н. Понятие оборота наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	136